

ISSN 2500-3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ
№ 8 2025 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

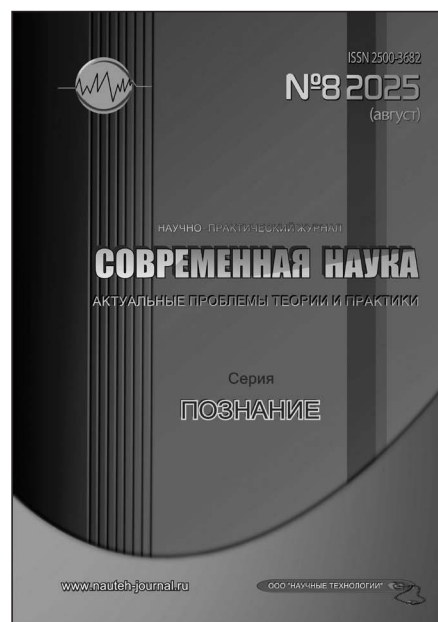
Подписано в печать 11.08.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №8 (август) 2025 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

**КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

- Карелина Н.Н., Илларионова Л.П.** – Понятие и сущность эмоциональной культуры в контексте социально-гуманитарных наук
Karelina N., Illarionova L. – The concept and essence of emotional culture in the context of social and humanitarian sciences 5
- Кузнецова Я.К.** – Теодор Гуден и русский заказ: история создания картин для дворца «Коттедж»
Kuznetsova Ya. – Theodore Guden and the russian order: the history of painting for the Cottage palace 12
- Львова Е.Н., Панов Д.Г.** – Потенциал цифровых платформ в осуществлении культурной политики государства
Lvova E., Panov D. – The potential of digital platforms in the implementation of cultural policy of the state 17
- Селезнева С.Е.** – Сетевой анализ в исследованиях музеев: опыт исследования сети Музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева (г. Владивосток)
Selezneva S. – Network analysis in museum studies: a case study of the V.K. Arseniev museum of the history of the far east (Vladivostok) 23

Психология

- Бузыкканова Е.В.** – Социальная инженерия: социально-психологический феномен современности
Buzykanova E. – Social engineering: a socio-psychological phenomenon of modernity 32
- Кушалиева Б.С.** – Нейробиоуправление в коррекции последствий детских психотравм: роль альфа-ритма в снижении страха и восстановлении эмоционального баланса
Kushaliev B. – Neurofeedback in the remediation of consequences of childhood psychotrauma: the role of alpha rhythm in fear reduction and restoration of emotional balance 37

Лукичева М.А. – Методика выявления уровней и стадий инфантилизма с помощью кинезиологии на примере женщин среднего возраста
Lukicheva M. – Methodology for identifying the levels and stages of infantilism using kinesiology on the example of middle-aged women 42

Малин Д.Ю. – Нейрофизиологические механизмы связи дыхания и тревожности: психологический аспект
Malin D. – Neurophysiological mechanisms of respiration and anxiety connection: psychological aspect 46

Овсяник О.А., Орешков А.П. – Социально-психологические факторы благополучия в зависимости от гендерных, семейных и профессиональных различий
Ovsyanik O., Oreshkov A. – Socio-psychological factors of well-being depending on gender, family and professional differences 53

Орешков А.П., Овсяник О.А. – Социально-психологические особенности волонтеров, занятых в оказании помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации
Oreshkov A., Ovsyanik O. – Socio-psychological characteristics of volunteers engaged in helping people in difficult situations 60

Рыжов К.И. – Изменение индивидуально-психологических особенностей личности в условиях цифровой экономики
Ryzhov K. – Changing individual psychological characteristics of a personality in the digital economy 65

Хороших П.П. – Психологическое благополучие личности в условиях транскультуральных изменений: опыт Китая и России
Khoroshikh P. – Psychological well-being of the personality in the context of transcultural changes: the experience of China and Russia. 71

Щелин И.В., Петроченко И.А. – Информационно-психологическая безопасность и цифровое поведение: разработка и валидация психодиагностического опросника

Shchelin I., Petrochenko I. – Information and psychological security and digital behavior: development and validation of a psychodiagnostic questionnaire..... 75

Философия

Пономаренко О.П., Гарколь Н.С. – Значимость критического мышления в процессе формирования информационной грамотности: социально-философский аспект
Ponomarenko O., Garkol N. – The importance of critical thinking in the process of forming information literacy: a socio-philosophical aspect 82

Скопа В.А., Зименкин А.С. – Язык - фактор этнической идентичности в межкультурном взаимодействии: культурфилософский аспект

Skopa V., Zimenkin A. – Language as a factor of ethnic identity in interlingual interaction: cultural-philosophical aspect 86

Чиркова Е.А. – Особенности ценностной динамики и роль традиции в современной России
Chirkova E. – Peculiarities of value dynamics and the role of tradition in modern Russia..... 90

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 94
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 95

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

THE CONCEPT AND ESSENCE OF EMOTIONAL CULTURE IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND HUMANITARIAN SCIENCES

**N. Karelina
L. Illarionova**

Summary: The article considers the concept and essence of emotional culture in the context of social and humanitarian knowledge and methodological approaches. The relevance of studying the concept of "emotional culture" is associated with understanding social processes and phenomena and with the fact that in modern society the importance of emotional self-regulation is of particular importance, and for the successful functioning of the individual, including in professional activities. The following methods were used in the work: studying the object of scientific research, explanation, understanding and interpretation of the studied phenomenon in the social and humanitarian sciences, thematic analysis of scientific and methodological literature. Analysis of the theoretical and methodological foundations of the concept and essence of emotional culture in the context of social and humanitarian sciences makes a certain contribution to solving the scientific problem of explaining, understanding and interpreting this phenomenon. As a result of the theoretical study, it was concluded that emotional culture will be realized in the development and improvement of the ability to empathy, the ability to provide emotional support, the ability to effectively manage their emotional states and their manifestations, which will allow successfully carrying out both professional and interpersonal interactions in society.

Keywords: axiological approach, activity-behavioral approach, culture, cultural approach, historical sciences, pedagogical sciences, psychological sciences, systemic approach, social and humanitarian sciences, stoicism, physical education, physical culture, philosophical sciences, existential approach, emotions, emotional culture.

Карелина Наталия Николаевна

Старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»,
г. Москва
fallibilist@bk.ru

Илларионова Людмила Петровна

Доктор педагогических наук,
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный
университет», г. Москва

Аннотация: В статье рассматривается понятие и сущность эмоциональной культуры в контексте социально-гуманитарного познания и методологических подходов. Актуальность изучения понятия «эмоциональная культура» связана с тем, что в современном обществе всё большую значимость приобретают формы совладающего поведения, которые будут способствовать поддержанию психологического благополучия, адаптации к трудным жизненным ситуациям и управления эмоциями в стрессовых условиях, сохранению гармонии с самим собой и с окружающим миром. В работе применялись следующие методы: изучение объекта научного исследования, объяснение, понимание и интерпретация изучаемого феномена в социально-гуманитарных науках, тематический анализ научно-методологической литературы. Анализ теоретико-методологических основ понятия и сущности эмоциональной культуры в контексте социально-гуманитарных наук вносит определенный вклад в решение научной задачи объяснения, понимания и интерпретации данного феномена. В результате проведенного теоретического исследования сделан вывод, что эмоциональная культура будет реализовываться в развитии и совершенствовании способности к эмпатии, умении оказывать эмоциональную поддержку, возможности эффективно управлять своими эмоциональными состояниями и их проявлениями, что позволит успешно осуществлять как профессиональное, так и межличностное взаимодействие в социуме.

Ключевые слова: аксиологический подход, деятельностно-поведенческий подход, культура, культурологический подход, исторические науки, педагогические науки, психологические науки, системный подход, социально-гуманитарные науки, стоицизм, физическое воспитание, физическая культура, философские науки, экзистенциальный подход, эмоции, эмоциональная культура.

Смыслы и ценности человеческих чувств и эмоций выдвигают проблему эмоциональной культуры на первый план. Актуальность изучения понятия «эмоциональная культура» связана с тем, что в современном обществе всё большую значимость приобретают формы совладающего поведения, которые будут способствовать поддержанию психологического благополучия, адаптации к трудным жизненным ситуациям и управления эмоциями в стрессовых условиях, сохранению гармонии с самим собой и с окружающим миром.

Упоминание понятия эмоциональной культуры встречается в трудах философских, исторических, социальных, психологических и педагогических наук. Представители различных областей социально-гуманитарных знаний приходят к пониманию того, как парадигма эмоциональной культуры может быть актуализирована в условиях современной науки.

На обоснование понятийно-терминологического генезиса эмоциональной культуры существует несколько точек зрения. Первоначальное возникновение концепта

«эмоциональная культура» связывают с трудами американского антрополога Рут Бенедикт, которая в середине XX века в своей книге «Хризантема и меч» описала японскую культуру через чувства, выделив «культуру стыда» и «культуру вины» [2; 11]. «Знающий стыд человек» иногда толкуется ими как «добродетельный человек», иногда как «человек чести». Японской культуре стыда автор противопоставляет западную «Культуру вины», с этическим акцентом на божественных заповедях, которые ориентированы на нравственные ценности: «человек может переживать вину, хотя никто не знает о его злодеянии, а чувство вины может быть облегчено исповедью» [2, с. 157].

В истории социологических идей зарождения понятия «эмоциональная культура» можно привести в пример работу основателя «фигурационной социологии» Норберта Элиаса «О процессе цивилизации», где автор анализирует взаимосвязь между эмоциями, знаниями, поведением и властью. Он описывает изменения в стиле эмоциональной культуры через призму чувств стыда и неловкости: «Так веками совершается историко-социальный процесс, по ходу которого постепенно возникают стандарты чувств постыдного и неприятного...» [27, с. 196].

Одним из первых определение эмоциональной культуры дал советский учёный-психолог и педагог, доктор психологических наук П.М. Якобсон. Учёный считал, что по мере развития человека его эмоциональное отношение к реальности становится более дифференцированным, более соответствующим значимости и роли воздействий на него окружающей действительности для его жизненных запросов и устремлений [29, с. 27]. Учёный отмечал, что человек, осознавая свои чувства, их черты, особенности и качества, работает над их изменением, приведением их в соответствие с его представлением о своей личности и ее качествах. В этом проявляется его деятельность по самовоспитанию чувств [29, с. 376].

Понимание эмоциональной культуры П.М. Якобсоном имеет следующие дефиниции:

- отзывчивость на достаточно широкий круг объектов;
- способность ценить и уважать чувства другого человека;
- способность к сопереживанию чувствам других людей, переживаниям героев произведений литературы и умение делиться своими переживаниями с другими людьми [30].

Американско-немецкий историк и культурный антрополог, профессор Университета Тюбингена (Германия) Моник Шир (Monique Scheer) написала книгу об энтузиазме «Энтузиазм: эмоциональные практики убеждения в современной Германии», в которой ключевыми

тезисами являются следующие высказывания: «Энтузиазм стремится внести свой вклад в культурно и исторически тонкое понимание того, как эмоции защищают и подтверждают истинность убеждений. Энтузиазм – это больше, чем просто чистая аффективная интенсивность, он связан с чем-то: с уверенностью, ясностью или правдой. Не будучи ни столь явно негативным, как фанатизм, ни столь общим, как страсть, энтузиазм влечет за собой именно веру» [32]. Исследования М. Шир сосредотачиваются на эмоциях в религиозном и политическом контекстах, где энтузиазм – важнейшее социальное чувство, необходимое для того, чтобы побуждать членов общества трудиться и взаимодействовать с другими.

Исторические аспекты понимания эмоциональной культуры возникли ещё в Древней Греции. Философы того времени детерминировали культурное и некультурное человеческое начало, а также установили значимость эстетической деятельности в понимании культурных ценностей общества. По мнению Вольтера, Монтескье, Гольбаха, Дидро, человек – это продукт культуры, которая формирует и воспитывает его. Демокрит и Платон указывали на роль чувств в регуляции деятельности человека, а Аристотель разрабатывал теорию аффектов и способов их предупреждения [6], что и дало начало многообразию умозаключений о понимании явления эмоциональной культуры личности.

С точки зрения философских наук эмоциональная культура объясняется как «совокупность результатов творчества людей в сфере их эмоциональной деятельности, функционирующих как достижения всего человечества и преобразованных в качество личности отдельного субъекта» [5, с. 18; 18].

Смыслообразующим ориентиром в понимании совидающего поведения и эмоциональной культуры является направление древней философии с проверенной временем мудростью – стоицизм. Выделяют принципы стоицизма, которые являются не только инструментами для преодоления раздражения или гнева, а путём к подлинной внутренней свободе, которая позволяет жить осознанно и с достоинством, не отдавая власть над собой внешним обстоятельствам: принять поток жизни, перестать осуждать других, отпустить контроль, принять несовершенство мира, взять на себя ответственность за свои чувства, искусство нереакции, радость в прощении и отдаче и др. Стоики выделяли четыре главные добродетели: мудрость, смелость, справедливость и умеренность, где под умеренностью подразумевается сдержанность и самоконтроль. Стоицизм учит важной истине, что только сам человек определяет свои эмоции.

Марк Аврелий говорил: «Своим разумом управляешь ты, а не кто-то извне. Осознай это и обретешь силу» [3, с. 16].

Эпиктет писал: «Не требуй, чтобы все происходило так, как ты хочешь; но желай, чтобы происходящее происходило так, как оно происходит, и жизнь твоя будет спокойной» [3, с. 29].

Как утверждал Сенека, «мы не можем избавиться от страстей, но способны преодолеть их». Он приводил примеры, иллюстрирующие это: услышав громкий звук, мы вздрагиваем, а сделав ошибку прилюдно – краснеем. По его словам, «никакая мудрость не избавит от этих естественных реакций. Нельзя убрать то, что заложено в природе человеческой, но можно научиться этим управлять» [3, с. 25]. Иными словами, разум не в состоянии избавиться от эмоций, но он может управлять ими и представлять их под другим углом зрения.

Социолог О.А. Симонова, доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, считает возникновение понятия эмоциональной культуры в обществе результатом двух разных предпосылок:

- результат формирования новых эмоциональных культур в современных обществах;
- развитие научного знания об эмоциях. Изначально эмоции были прерогативой только психологии и философии, а сейчас эмоциями заинтересовались «во всём корпусе социального знания» (экономисты, социологи, антропологи, историки).

Исследователь определила эмоциональную культуру как область деятельности, регулируемую общепринятыми нормами выражения эмоций, и оказывающую влияние на развитие личности. Обществом регулируются представления об эмоциях, о том, что с ними надо делать, какие эмоции и как переживать. Эмоциональная культура – система ожиданий, о том, что от вас ждут другие люди в плане чувств.

Для определения сущности эмоциональной культуры исследователь вводит понятия:

- «эмоциональная норма» – культурные ожидания относительно того, что следует людям чувствовать в разных типах ситуаций;
- «эмоциональный режим» – система норм для манифестации и управления чувствами (feeling rules) [4]. В этой системе одни эмоции поощряются, а другие вытесняются как неприемлемые;
- «эмоциональный стиль» – зависит от того в каком месте вы находитесь, какой стиль переживания эмоций присущ этой сфере;
- «эмоциональные сообщества» (Барбара Розенвейн) [9] – группы людей, которые разделяют общие представления о том, что такое эмоции, в каких ситуациях и каким образом их следует выражать, таким образом демонстрируются аффективные связи внутри групп [33, с. 842];

— «эмоциональные императивы» – особые нормы требования, безусловные и моральные предписания о том, что и как нужно чувствовать в определенном социально-культурном контексте (или ситуации). Эмоциональные императивы способствуют культивированию или избеганию определенных чувств. Эмоциональные императивы принудительны, представляют собой приказы, которые люди обращают к самим себе и другим, однако, не всегда рассматриваются как бремя, представляются результатом свободного выбора [21].

Основной целью изучения эмоциональной культуры Симонова О. А. считает познание через чувства о жизни групп людей, организаций и общества в целом, «путь познания социальной реальности», а также для осознания самих себя, собственных культурных смыслов [23].

Симонова О.А. находит противоречия современной эмоциональной культуры между стремлением рационально контролировать эмоции, то есть снижать их интенсивность и минимизировать выражение, и между стремлением к подлинным переживаниям и волнующим чувствам, которые приносят удовольствие. Исследователь даёт авторское определение – «в современной эмоциональной культуре акцентируются позитивные чувства, их подлинность и спонтанность, и одновременно рациональные средства их выражения, переживания и достижения» [22].

Социальная психология как наука отличается междисциплинарным характером, где учёных-исследователей объединяет общий интерес к поведению людей. С точки зрения социальной психологии феномен эмоциональной культуры объяснила М.Ю. Саутенкова. Специфику развития эмоциональной культуры она рассмотрела через взаимосвязанные понятия: культура – профессиональная культура – психологическая культура – эмоциональная культура. Исследователь в своих трудах определяет эмоциональную культуру как интегративное динамическое свойство личности, отражающее способность человека успешно реализовывать себя в профессионально-эмоциональных ситуациях [18; 19].

Первоначально эмоции считались объектом изучения психологических наук, так как являются продуктом высшей нервной деятельности, а также входят в совокупность представлений о высших психических функциях.

Представителем психологических наук в изучении эмоциональной культуры является Г.Н. Казанцева. Исследователь определяет эмоциональную культуру как «интегративное личностное образование, обеспечивающее формирование субъектом конструктивных копинг-стратегий в эмоционально-насыщенной ситуации

на основе знаний об эмоционально-аффективной сфере психики, ценностного отношения к ней, мотивации и саморегуляции деятельности посредством эмоциональной рефлексии и проявления эмоционального интеллекта» [7]. Анализируя труды К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, А.В. Брушлинского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Д.Б. Эльконина и др., автор выделяет ключевой тезис – «эмоциональная культура рассматривается как результат и условие формирования субъектности человека в ходе его внутриспсихической и внешней (предметной и социальной) деятельности» [7].

В методологии психологических наук стоит выделить экзистенциальный подход к изучению эмоциональной культуры. Экзистенциальный подход предполагает сосредоточение исследовательской мысли на внутреннем бытии, переживаниях человека, его внутренних смыслах, ценностях и др. Идеальной целью должно быть воспитание свободного человека со сформированными нравственными принципами, один из которых – уважительное и бережное отношение к людям и к самому себе. Достижение этой цели возможно, если приоритетом саморазвития будет определение необходимых для этого качеств личности, а основанием станут ответы на вопросы: кем быть, с кем быть и каким быть? При этом последний вопрос должен быть приоритетным [17]. Формирование личности с определенными свойствами происходит в процессе освоения этики человека, сущности бытия-экзистенции, важности морального выбора, поиска и определения себя и своей жизни [24].

Экзистенциальный подход (Н. Аббаньяно, О.Ф. Больнов, Ф. Гваттари, О.С. Гребенюк, Т.Б. Гребенюк, Э. Гуссерль, Ж. Делез, М.С. Каган, А. Камю, Л. Колберг, В.А. Лекторский, Ж.-П. Сатр, Э. Фромм, А.В. Шершнева, И. Ялом и др.) подводит нас к определению эмоциональной культуры, обуславливая диалектическую взаимозависимость и двойственность природы существования человека – его душу и телесность. Как отметил итальянский экзистенциалист Н. Аббаньяно: «Человек – душа лишь при условии, что он тело» [1, с. 243]. Такое видение, утверждающее единство духа и тела, предполагает необходимость целостного подхода к личности. Истинное образование предусматривает гармоничное развитие всех сторон человеческой природы. Категории чувствительности и чувственности являются физиологическими предпосылками эмоциональности, которая и ложится в основу изучения эмоциональной культуры личности [16, с. 28].

Педагогика тесно связана с другими науками и имеет развитую систему наук, которые входят в систему педагогических знаний. Для исследования понятия и сущности эмоциональной культуры в контексте социально-гуманитарных наук большой интерес представляет понимание эмоциональной культуры в рамках педагогической науки и в контексте педагогической деятельности.

Само понятие эмоциональной культуры является устоявшимся, утвержденным и достаточно обоснованным в педагогической науке [5; 7; 16; 15; 28]. Философские и методологические аспекты формирования эмоциональной культуры и её влияния на эффективность образовательного процесса исследованы в работах Г.Н. Казанцевой, Л.Ю. Колтыревой, В.В. Краевского, Л.В. Мардахаева, Е.В. Потменской, Н.А. Рачковской, Г.А. Ястребовой, Н.Н. Романовой, Н.Д. Никандрова, В.А. Сластенина.

В 2001 г. Н.А. Рачковская раскрыла сущность феномена эмоциональной культуры в профессионально педагогической деятельности, показав, что эмоциональная культура включает в себя следующие компоненты: богатство и разнообразие эмоциональной сферы личности, аксиологический компонент (ценность эмоциональных состояний и проявлений человека); когнитивный компонент (знания об эмоциональных аспектах педагогического процесса); действенно-практический компонент (способность к адекватной перцепции и интерпретации эмоциональных проявлений обучающихся) [16; 18].

В методологии педагогической науки сущность эмоциональной культуры целесообразно рассмотреть в структуре системного, культурологического, деятельностно-поведенческого и аксиологического подходов.

С точки зрения системного подхода (В.И. Андреев, В.Г. Афанасьев, А.Н. Аверьянов, И.В. Блауберг, В.Г. Горохов, А.С. Кравец, А.Г. Кузнецова, В.П. Кузьмин, В.А. Лекторский, Д. Локк, В.Н. Садовский, А.И. Уемов, Б.Г. Юдин, Э.Г. Юдин и др.) формирование эмоциональной культуры – это система образовательной работы в вузе, которая приводит к освоению студентами способов адекватного реагирования на стрессогенные факторы, умению распознавать эмоции, стрессоустойчивости, способности к эмпатии и рефлексии. Процесс формирования эмоциональной культуры превращается в педагогическую систему, когда осознаётся его цель, организуется и проводится подчинённая цели система педагогической работы, характерная особым, воспитывающим содержанием, формами, условиями, методами, приёмами и средствами, разработанными и апробированными педагогической наукой.

В самом широком смысле культура – система развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, общения и поведения. Личность формируется посредством усвоения смыслов и ценностей культуры. Справедливой считается формулировка – «посредством культуры человек открывает и изменяет мир и самого себя» [20, с. 86].

Смыслообразующей основой применения культурологического подхода (С.И. Архангельский, Г.С. Батищев,

М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, Е.В. Бондаревская, С.И. Гессен, Ю.А. Жданов, М.С. Каган, Ю.М. Лотман, В.Л. Бенин и др.) к исследованию эмоциональной культуры является взаимоотношение культуры с внутренним миром человека, который является носителем этой культуры. Если рассматривать эмоциональную культуру как распознавание субъектом собственных и чужих эмоций, преодоление деструктивных внутриспсихических защитных механизмов [26], то культурологический подход будет отражать общественное проявление внутренней сформированности эмоциональной культуры.

Учёный-исследователь доктор педагогических наук Л.В. Мардахаев определяет профессиональную культуру педагога как часть общей культуры, обусловленную нравственным долгом профессиональной деятельности, представляющую собой усвоенный и повседневно применяемый уровень искусства профессиональной деятельности, отражающий достижения научной мысли и практического опыта в интересах решения профессиональных задач [14]. В контексте педагогической деятельности эмоциональная культура является профессионально-личностной характеристикой, которая отражает уровень сформированности профессиональных качеств педагога [15].

Деятельностно-поведенческий подход (В.М. Бехтерев, Дж. Бродес Уотсон, П.Я. Гальперин, В. В. Давыдов, А. Дистерверг, Л.С. Выгодский, Е.Н. Ильин, А. Г. Ковалев, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин и др.) в обеспечении формирования психофизических качеств личности занимает особое место в педагогической науке, так как развитие человека всегда протекает в деятельности. А.Н. Леонтьев отмечал, что в основе любого вида деятельности у человека стоят эмоциональные переживания, выражающие личностную позицию человека, его ценностные ориентации, в том числе и эмоциональные [12].

Аксиологический подход определяет систему ориентиров педагогических взглядов, в основе которой лежит ценность человеческой жизни и нравственных установок личности (Б.М. Бим-Бад, Б.С. Брушлинский, М. Вебер, Б.И. Додонов, Б.Г. Кузнецов, С.И. Маслов, Т.А. Маслова, Н.Д. Никандров, В.А. Сластенин, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский, П.Г. Щедровицкий и др.). Ценностная сущность эмоциональной культуры в педагогической науке определяется психологически обусловленными склонностями к определенным переживаниям и способам реагирования, как внешне проявленными, так и внутренними.

Междисциплинарный характер аксиологического подхода в спектре проблематики эмоциональной культуры позволяет нам обратиться к определению экзистенциального психотерапевта И. Ялома. В своих трудах

И. Ялом указывает, что стандартное антропологическое определение ценности таково: «ценность – это концепция «желательного», эксплицитная или имплицитная, отличительная для индивида или характерная для группы, влияющая на отбор методов, средств и целей действия из доступной совокупности» [31, с. 520]. Именно ценности позволяют выбирать способ поведения в зависимости от шкалы «одобрение-неодобрение», что даёт возможность личности проявлять себя в социуме.

Здоровье в системе мировоззренческих ценностей является важнейшим ориентиром жизни человека, так как выступает условием реализации его творческого потенциала [8]. Выделяют отрасль педагогической науки – «педагогика здоровья» (по В.Е. Цибульниковой), которая представляет собой целостную здоровьесозидающую педагогическую систему, основанную на приоритете ценности здоровья обучающихся в образовательном процессе, конечной целью которой является пролонгированное ценностно-мотивационное здоровьесозидающее влияние [25].

Приоритетная ценность здоровья, как психического, так и физического, красной линией проходит через профессиональную педагогическую деятельность. В этой связи отдельного внимания заслуживает исследование феномена эмоциональной культуры с точки зрения физического воспитания, основной задачей которого является сохранение здоровья обучающихся. В первую очередь это актуализируется тем, что физическое воспитание в университете обладает наибольшим потенциалом для формирования морально-волевых качеств личности, совладающего поведения, формирования стрессоустойчивости, снижения уровня тревожности и агрессивности и т.д. Эмоциональная культура является частью физической культуры, которая позволяет проявить такие сферы личности как деятельность и поведение, в том числе «проявление характера, воли, решительности» [10, с. 233], а также эстетические эмоции, нравственные чувства, регулировать динамичность эмоциональных состояний и самообладание. Физическая культура является тем уникальным социально значимым видом деятельности, который отвечает потребностям личности в поиске путей управления эмоциональным состоянием в деятельности. Деятельность выражается через двигательные возможности, физические качества, а также в проектирующей и моделирующей деятельности [13, с. 91].

Сущностная характеристика социально-гуманитарных теорий и концепций и методологических подходов, содержащих научное описание феномена «эмоциональная культура», и отражающих различные точки зрения исследователей по поводу содержания, объема и структурно-компонентной организации этого понятия, позволили сформировать представление об эмоциональной

культуре.

На основе анализа психолого-педагогических, социологических, философских и др. исследований в социально-гуманитарном значении смысл понятия «эмоциональная культура» можно трактовать как целостную, многоуровневую, динамичную систему, состоящую из методологических компонентов, которая конкретизируется социальными ожиданиями в отношении переживания и выражения чувств в рамках конкретного общества в определённый исторический период.

Формирование эмоциональной культуры личности будет реализовываться в развитии и совершенствовании способности к эмпатии, умении оказывать эмоциональную поддержку, возможности эффективно

управлять своими эмоциональными состояниями и их проявлениями, что позволит успешно осуществлять как профессиональное, так и межличностное взаимодействие в социуме.

Анализ теоретико-методологических основ понятия и сущности эмоциональной культуры в контексте социально-гуманитарных наук вносит определенный вклад в решение научной задачи объяснения, понимания и интерпретации данного феномена. Проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов проблемы определения эмоциональной культуры и не претендует на окончательное решение данной задачи, однако полученные теоретические результаты открывают перспективы дальнейших исследований в области социально-гуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм и др. работы. - Санкт-Петербург: Изд-во "Алетей", 1998. - 449 с.
2. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. - 2-е изд. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. - 256 с.
3. Васкес М. Стойки побеждают. Ментальные тренировки для преодоления жизненных трудностей / М. Васкес - «Альпина Диджитал», 2020.
4. Гельман, В.Я. Формирование профессиональной культуры у студентов вуза / В.Я. Гельман // Alma Mater (Вестник высшей школы). - 2022. - № 9. - С. 37-42. - DOI 10.20339/AM.09-22.037. - EDN JPSSLY.
5. Елисеева, П.А. Воспитание эмоциональной культуры младших школьников в процессе музыкально-исполнительской деятельности при индивидуальном обучении игре на музыкальном инструменте: специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)": диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Елисеева Полина Александровна. - Екатеринбург, 2005. - 219 с. - EDN NNHVUP.
6. Зауторова, Э.В. Методологические подходы к формированию эмоциональной культуры личности / Э.В. Зауторова, И.Н. Розова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. - 2014. - № 1(25). - С. 43-46. - EDN RYBSNB.
7. Казанцева, Г.Н. Психологические факторы формирования эмоциональной культуры личности (на примере студентов музыкального колледжа): специальность 19.00.07 "Педагогическая психология": диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Казанцева Галина Николаевна. - Sterlitamak, 2014. - 210 с. - EDN SVBLBR.
8. Кашапов, Ф.А. Здоровье как ценность: культура и биоэтика / Ф.А. Кашапов, О.В. Терентьев, В.Э. Цейслер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. - 2007. - № 24(96). - С. 107-111. - EDN KWVISZ.
9. Кейб, Е.С. Проблемы исторической эмоциологии в трудах Б. Розенвейн / Е.С. Кейб // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х частях, Томск, 03-04 октября 2019 года. Том Часть I. - Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. - С. 209-213. - DOI 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/35. - EDN APHFOQ.
10. Костромин, О.В. Физическая культура, как вид социальной деятельности студента / О.В. Костромин // Здоровье - основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. - 2010. - Т. 5, № 1. - С. 233-234. - EDN SGQTRD.
11. Корнилов М.Н. «Культура стыда» и «культура вины» в исследованиях о Японии (Обзор западной и японской литературы) // Социокультурные исследования о Японии. - М., 1981.
12. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции [Текст]: Конспект лекций / Каф. общ. психологии. - Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1971. - 38 с.
13. Лотоненко А.В. Категории потребности и деятельности в области физической культуры / А.В. Лотоненко, Ю.С. Молодых, А.А. Лотоненко, М.С. Данилов // Культура физическая и здоровье. - 2016. - № 2(57). - С. 87-92. - EDN WDNFSN.
14. Мардахаев, Л.В. Профессиональное воспитание в подготовке социальных педагогов / Л.В. Мардахаев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. - 2021. - № 2. - С. 140-148. - DOI 10.18384/2310-7219-2021-2-140-148. - EDN WYVVZS.
15. Потменская, Е.В. Герменевтико-педагогическая концепция формирования эмоциональной культуры будущих педагогов в образовательном процессе университета: специальность 58.70.00: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Потменская Елена Вячеславовна, 2022. - 469 с. - EDN OJTCLM.
16. Рачковская, Н. А. Развитие эмоциональной культуры будущего социального педагога в вузе: методология, теория, практика: специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования": диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Рачковская Надежда

- Александровна. — Москва, 2012. — 411 с. — EDN QFNQDB.
17. Рожков, М.И. Экзистенциальный подход к воспитанию толерантности у школьников / М.И. Рожков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2021. — № 4(60). — С. 335-340. — EDN TBDSQJ.
 18. Руденко, А.М. Обоснование необходимости экспликации эмоциональной культуры человека в контексте философской антропологии / А. М. Руденко // Научная мысль Кавказа. — 2010. — № 2(62). — С. 22-26. — EDN MVLNZR.
 19. Саутенкова, М.Ю. Социально-психологические особенности развития эмоциональной культуры студентов: специальность 19.00.05 "Социальная психология": диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Саутенкова Марина Юрьевна. — Актобе, 2004. — 200 с. — EDN MDZVJV.
 20. Свасьян, К.А. Человек как творение и творец культуры // Вопр. Философии. — 1987. № 6. С. 86-92.
 21. Симонова, О.А. К вопросу об эмоциональной культуре: эмоциональные императивы современного общества в эпоху пандемии / О.А. Симонова // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / Отв. редактор В.А. Мансуров. — Тюмень: Российское общество социологов, 2020. — С. 3527-3539. — DOI 10.19181/kongress.2020.420. — EDN SUYPEH.
 22. Симонова, О.А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия / О.А. Симонова // Социологический журнал. — 2021. — Т. 27, № 2. — С. 25-45. — DOI 10.19181/socjour.2021.27.2.8084. — EDN ALUONM.
 23. Симонова О.А. LessON: Что такое эмоциональная культура? URL: <https://youtu.be/uG5RSqR376U?si=Yzg3etEAjUqJHGGq> (доступ от: 23.04.2025)
 24. Татевосян, М.А. Экзистенциальный подход в образовании / М.А. Татевосян // Современное педагогическое образование. — 2021. — № 12. — С. 32-34. — EDN XFSEPW.
 25. Цибульникова, В.Е. Педагогические технологии. Здоровьесберегающие технологии в общем образовании: Учебное пособие (с практикумом) для студентов педагогических вузов / В.Е. Цибульникова, Е.А. Леванова; Под общ. ред. Е.А. Левановой. — Москва: Московский педагогический государственный университет, 2017. — 148 с. — ISBN 978-5-4263-0490-1. — EDN SNWPSE.
 26. Шагивалеева, Г.Р. Эмоциональная культура педагога как основа внутренних условий психологической безопасности образовательного пространства / Г.Р. Шагивалеева // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — № 62-1. — С. 402-404. — EDN YYIALB.
 27. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. — М.; СПб.: Университет. кн., 2001. — 332 с.
 28. Ястребова, Г.А. Формирование эмоциональной культуры будущих педагогов: специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования": диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ястребова Гюльнара Ахмедовна. — Волгоград, 1998. — 192 с. — EDN NLJORP.
 29. Якобсон, П.М. Психология чувств / Под ред. Л.В. Загик. — 2-е дополнительное издание. — Москва: Академия педагогических наук РСФСР, 1958. — 382 с.
 30. Якобсон, П.М. Чувства, их развитие и воспитание [Текст] / П. М. Якобсон. — М.: Знание, 1976. — С. 64.
 31. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбкиной. — М.: Независимая фирма "Класс", 1999 — 576 с.
 32. Monique Scheer. Enthusiasm. Emotional Practice of Conviction in Modern Germany Oxford University Press, 2020, 256 pp.
 33. Rosenwein B. Worrying about Emotions in History / Barbara H. Rosenwein // The American Historical Review. — 2002. — Vol. 107, 3. — P. 821–845.

© Карелина Наталия Николаевна (fallibilist@bk.ru), Илларионова Людмила Петровна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОДОР ГЮДЕН И РУССКИЙ ЗАКАЗ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КАРТИН ДЛЯ ДВОРЦА «КОТТЕДЖ»

Кузнецова Яна Кирилловна

Аспирант, Ленинградский Государственный
университет им. А.С. Пушкина
treiblut.asp@mail.ru

THEODORE GUDEN AND THE RUSSIAN ORDER: THE HISTORY OF PAINTING FOR THE COTTAGE PALACE

Ya. Kuznetsova

Summary: This article provides a detailed examination of a significant period in the creative work of the outstanding French marine artist Théodore Gudin. Particular emphasis is placed on his fruitful collaboration with the Russian imperial court, which is the key aspect of this study. The author's main attention is focused on the history of the creation of paintings specifically for the Cottage Palace, located in the Alexandria Park in Peterhof. The significance of these works in the context of the Cottage interiors is emphasized. The study analyzes the circumstances of the acquisition of Gudin's paintings by the Russian imperial court, reveals the motives and features of this significant order within the framework of the cultural ties of the era in question. The subject matter of the master's works created specifically for Russia has been studied quite thoroughly, which allows us to understand the thematic preferences and creative challenges facing him. In addition, the work pays attention to the artistic features of these canvases, including their composition, coloring and manner of execution, which reflect Gudin's unique style. The analysis conducted allows us not only to quite fully reconstruct the history of the master's collaboration with Russia, but also to assess his significant contribution to the formation of the pictorial decoration of the Cottage Palace.

Keywords: Theodore Gudin, Cottage Palace, 19th century, Nicholas I, Alexandra Feodorovna, France, imperial commission, Russian court, seascape, marine art.

Аннотация: В настоящей статье подробно рассмотрен значимый период в творческой деятельности выдающегося французского художника-мариниста Теодора Гюдена. Особый акцент сделан на его плодотворном сотрудничестве с русским императорским двором, что выступает ключевым аспектом данного исследования. Основное внимание автора статьи сосредоточено на истории создания картин специально для дворца «Коттедж», расположенного в петергофском парке Александрия. Подчеркивается значимость этих произведений в контексте интерьеров Коттеджа. В исследовании анализируются обстоятельства приобретения картин Гюдена русским императорским двором, раскрываются мотивы и особенности этого значимого заказа в рамках культурных связей рассматриваемой эпохи. Достаточно основательно изучен сюжетный круг произведений мастера, созданных специально для России, что позволяет понять тематические предпочтения и творческие задачи, стоявшие перед ним. Кроме того, в работе уделено внимание художественным особенностям указанных полотен, в том числе их композиции, колориту и манере исполнения, которые отражают уникальный стиль Гюдена. Проведенный анализ позволяет не только довольно полно воссоздать историю сотрудничества мастера с Россией, но и оценить его значимый вклад в формирование живописного убранства дворца «Коттедж».

Ключевые слова: Теодор Гуден, дворец «Коттедж», XIX век, Николай I, Александра Федоровна, Франция, императорский заказ, русский двор, морской пейзаж, маринизм.

Введение

Теодор Гуден (1802-1880) – выдающийся французский маринист, художник романтического направления. Его искусство внесло значительный вклад в развитие европейской пейзажной живописи XIX века. Гуден известен разнообразными по характеру и настроению морскими пейзажами и изображениями кораблей, сталкивающимися с суровой стихией моря. Творчество мастера получило широкое признание. Он был придворным художником французского короля Луи-Филиппа I, а также выполнял заказы для других монарших дворов Европы. Гуден также имел связи и с российским императорским домом.

Мастер был великолепным колористом, обладал тонким чувством тональной нюансировки. Гуден был про-

сто завален заказами, в результате чего часто работал небрежно, впадал в чрезмерную декоративность и эффектность исполнения. Поэтому, несмотря на то что художник добился большой славы, она быстро померкла. В конце жизни он был всеми позабыт [4].

Говоря о связях Гюдена с русским императорским двором, необходимо отметить, что по заказу императора Николая I он создал ряд произведений для дворца «Коттедж» в петергофском парке Александрия.

Дворец «Коттедж», построенный по проекту архитектора А. Менеласа в 1826-1829 годах и расширенный в 1841-1842 годах архитектором А.И. Штакеншнейдером (пристроил столовую с открытой террасой, украшенной мраморным фонтаном), – частная резиденция императора Николая I и его семейства. Он предназначался для

летнего отдыха и отличался от парадных императорских дворцов своей камерностью, уединенностью, изяществом и уютной атмосферой [11]. Внутреннее убранство «Коттеджа» отражало вкусы императорской четы – Николая I и его супруги Александры Федоровны – и гармонично соединяло в себе черты таких стилей, как английская готика и бидермейер [1].

Одной из значимых составляющих живописной коллекции дворца Коттедж являлись морские пейзажи (марины), представленные как российскими, так и европейскими мастерами. Морские пейзажи и сцены относились к наиболее любимым сюжетам как императора Николая I, так и его супруги императрицы Александры Федоровны. Во-первых, они много путешествовали по курортным местам и обожали проводить время вблизи морской стихии. Даже дворец Коттедж был сооружен вблизи Балтийского моря. Во-вторых, для императорского дома большое значение имел российский флот. Он играл важную роль в политике Российской империи, поэтому морская тематика была, конечно же, актуальна для монарха.

Полотна русских и европейских мастеров из убранства дворца Коттедж запечатлевали море в разных видах – как спокойное и умиротворенное, так и драматично-напряженное и бушующее. Произведения Гюдена на морскую тематику также отличались широким разнообразием настроений и эмоциональных оттенков. Они писал как спокойные морские просторы, так и драматично-трагедийные сцены, изображающие грозную бурю, эпизоды крушения корабля. Поэтому работы мастера очень удачно вписались в собрание марин, представленных во дворце Коттедж.

Согласно архивной документации (описи картин дворца «Коттедж» начиная с 1829 года по 1938 год), в коллекции дворца находилось девять картин Гюдена – пять картин на морскую тему, а также четыре полотна с видами парка Александрия [9]. В инвентарной описи музейных предметов № 343 1938 года зафиксировано уже только восемь сохранившихся после Великой Отечественной войны картин (опись дополнялась в послевоенное время, в нее заносились произведения, вывезенные в Центральное хранилище и возвращенные в Петергофские музеи после войны), полотна записаны под следующими названиями: «Морской вид», «Кораблекрушение», «Александрия», «Балтийская эскадра в Финском заливе», «Неаполитанский залив», 3 картины с названием «Парк Александрия» [6]. В описи 1938 года также отмечены утраченные в годы войны произведения [6]. Так, в список утраченных работ вошла одна из работ Гюдена. Там она значится как картина «Суда в море». Кроме того, в описи указано, что произведение имело авторскую подпись Гюдена и датировку – 1828 год.

В настоящее время восемь сохранившихся в военный период картин находятся в собрании фонда «Живопись» ГМЗ «Петергоф» (Инв. №№ ПДМП 727-ж, 728-ж, 729-ж, 724-ж, 947-ж, 717-ск, 718-ск, 719-ск).

Целью данного исследования является рассмотреть историю создания Гюденом картин, которые нашли свое место в живописном убранстве дворца Коттедж, а также осветить обстоятельства приобретения и заказа данных картин для указанного ансамбля императором Николаем I.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили: архивные документы и описи музейных предметов дворца Коттедж, книги, посвященные Петергофу, научную и справочную литературу, статьи в сборниках и журналах.

В ходе написания статьи были применены следующие исследовательские методы:

- культурно-исторический (для воссоздания исторического контекста, художественных и культурных тенденций, существовавших в указанную эпоху;
- биографический (для изучения обстоятельств, связанных с поступлением предметов Гюдена в Коттеджа, а также с заказами, которые он получил от Николая I);
- индукционный (для обобщения информации, полученной из разных источников – архивных документов, описей, публикаций);
- иконографический (для опознания, уточнения и описания сюжетов произведений);
- аналитический (для искусствоведческого анализа картин).

Литературный обзор

В процессе написания работы автор использовал довольно обширный пласт источников. В первую очередь, проанализированы архивные документы из Российского Государственного Исторического Архива [11] и описи предметов дворца Коттедж из архива ГМЗ «Петергоф» – с 1829 по 1938 годов (в том числе утраченных в войну предметов) [6, 9, 10]. Рассмотрены общие труды по Петергофу, в которых отводится место убранству дворца Коттедж, в том числе его живописному собранию, – описания Петергофа краеведа середины XIX века А. Гейрота [3] и фундаментальный труд по истории петергофского собрания историка Н. Архипова [1]. Кроме того, были использованы ряд статей, довольно подробно освещающих историю формирования живописной коллекции дворца Коттедж (О. Каяндер [7]; Л. Выходчиков и А. Шелаева [2], а также частной жизни императорской семьи

в Александрии (Т. Хоружая). Рассмотрена также статья Ю. Зеленинской, посвященная проблемам сохранения и эвакуации музейных предметов петергофских коллекций во время Великой Отечественной войны [5]. Проанализирован автореферат Лосевой, дающий глубокое понимание романтического Петергофа времен Николая I [8]. Сведения о жизни и творчестве Гюдена были заимствованы из статей О. Каяндер [7]; Л. Выходкова и А. Шелаевой [2], словаря Брокгауза и Ефрона [4], архивных документов и описей [6, 9, 10, 12].

Результаты

Пути приобретения картин Гюдена для убранства Коттеджа

Картины Гюдена приобретались императором Николаем I дворца Коттедж несколькими путями. Во-первых, Николай I и Александра Федоровна много путешествовали по Европе, в том числе и по Франции. Они увлекались изобразительным искусством и покровительствовали талантливым художникам [2]. Императорская чета посещала различные салоны, выставки, где знакомилась с искусством современных европейских мастеров. Император и императрица выделяли талантливых художников и часто приглашали их работать при русском дворе. Так, они вполне могли увидеть произведения Гюдена в Парижском салоне и пригласить его в Россию.

Еще один путь, через который могли быть приобретены картины Гюдена для российского императорского двора, – посредничество русских коллекционеров и дипломатов, имеющих тесные связи с Францией.

Известно, что мастер в 1841 году мастер приехал в Россию по приглашению императора Николая I. К этому времени он уже заслужил репутацию одного из ведущих европейских маринистов. Художник был наделен потрясающей способностью передавать красоту, мощь и величие моря, драматизм морских баталий и ювелирную точность в изображении судов.

Несмотря на то, что Гуден приехал в Российскую империю в 1841 году, пропавшая в годы войны картина «Суда в море», согласно описи 1938 года и указанной в ней авторской датировке, была написана в 1828 году. Таким образом, данную картину живописец исполнил еще не будучи в России. Скорее всего, император увидел это произведение Гюдена в Парижском салоне, либо кто-то из русских агентов в Париже (коллекционеров, дипломатов) приобрел работу по распоряжению Николая I.

В 1833 году мастер написал картину «Неаполитанский залив» во время своей поездки по Италии. Данная картина, по всей видимости, также была увидена в Парижском

салоне императором либо кем-то из его посредников-агентов и приобретена для Библиотеки Александры Федоровны. Известно также, что в 1937 году в Коттедж была прислана выполненная художником в 1830 году картина «Кораблекрушение», дополнившая убранство Гостиной [7].

Прибыв в Россию, живописец неоднократно посещал Петергоф. Гуден стал единственным иностранным мастером, который удостоился чести писать парк Александрия [7]. В первой половине 1840-х годов художник выполнил два морских пейзажа – «Александрия» и «Балтийская эскадра в Финском заливе». Известно, что картина «Балтийская эскадра в Финском заливе» была поднесена Гуденом Николаю I в знак благодарности за радушный прием в России [7]. Несмотря на то, что работа была подарена императору, она украсила Библиотеку Александры Федоровны. Картина же «Александрия» была размещена в Гостиной.

Датировка еще одной картины – «Морской вид» из убранства Гостиной – точно неизвестна. В ГМЗ «Петергоф» она датирована довольно расплывчато – XIX веком. Полотно могло быть написано Гуденом как в конце 1820-х – 1830-е годы – еще до его прибытия в Российскую империю, так и в 1841 году – уже во время пребывания в России.

В 1841 году по заказу императора Николая I были созданы три картины с одинаковым названием – «Парк Александрия». Согласно архивным документам, за эти работы в августе 1841 года Гудену заплатили 4857 рублей. Кроме того, Николай I презентовал художнику табакерку, декорированную вензелем со своим именем [12]. Эти произведения были заказаны для императрицы Александры Федоровны, однако они находились в Кабинете Николая I на третьем этаже (ныне – в Столовой).

Важно отметить, что, получение Гуденом заказа от императора на написание видов парка Александрия свидетельствовало о высокой чести, которая была ему оказана. Парк Александрия при Николае I являлся закрытой территорией, и мало кто имел туда доступ. Император поручил заказ именно Гудену, так как высоко ценил его творчество и был уверен в уровне мастерства художника. Он считал, что искусство Гюдена очень соответствует живописной концепции убранства дворца Коттедж, и что его романтически направленные пейзажи крайне близки духу коллекции. Таким образом, три вида парка Александрия, выполненные Гуденом, являются одними из немногих, а, возможно, и единственными изображениями парка Александрия середины XIX века.

Сюжетные и художественные особенности картин Гюдена для дворца Коттедж

Как мы уже отметили ранее, Гюден отлично владел колористической гаммой, светотеневыми эффектами, экспериментировал с природными световыми источниками (солнцем, луной), с большой тонкостью прорабатывал тональные отношения, с помощью которых выражал разнообразные эмоциональные оттенки. Излюбленной темой художника было море. Мастер писал его очень по-разному – в безмятежном состоянии, в ситуации нарастающей эмоциональности, связанной с приближением шторма либо с его началом и на пике крайнего драматизма, переходящего в предчувствие трагедии, что было характерно для его сцен бурь и кораблекрушений. Гюден мастерски выбирал сюжетные мотивы для выражения разных эмоциональных состояний моря в своих картинах, с большим профессионализмом подбирал к ним стаффаж. В качестве стаффажа выступали детально прописанные фигуры людей, изображения кораблей, архитектурных сооружений. Таким образом, мастер вводил в свои морские пейзажи элементы жанровости.

В живописном наследии Гюдена можно выделить несколько групп тем. В убранстве дворца Коттедж представлены работы, как раз относящиеся к разным тематическим категориям. Первая группа – итальянские морские виды. Для дворца Коттедж была приобретена картина «Неаполитанский залив», относящаяся к данной категории. Как истинный романтик, художник в данной композиции запечатлел интересный и крайне эффектный переходный момент, когда ночь сменяет день, а солнце встречается с луной. Важную роль здесь играют световые эффекты – сочетание лунного света, заката солнца и надвигающейся ночной темноты. Особое значение в полотне имеют тонкие цветовые нюансы, выраженные в градациях морской воды – от иссиня-черного до серого и светло-голубого. Несмотря на то, что в картине главные «персонажи» – светотеневые контрасты и колористические эффекты морской глади, в композицию введен стаффаж – фигуры людей и элементы архитектуры. Путники, запечатленные на волах, осуществляют переправу через крутой мост. Таким образом, в картине присутствуют жанровые мотивы. Кроме того, здесь ощущаются и ассоциации с библейским сюжетом, связанным с бегством святого семейства в Египет. Будучи художником романтического направления Гюден экспериментировал с сочетанием различных жанров в своих картинах и стремился наделить их глубоким философским содержанием.

Вторая группа тем в искусстве мастера – изображения кораблей, борющихся с морской стихией. Для дворца Коттедж императором Николаем I было приобретено несколько картин Гюдена, относящихся к данной категории. Среди них – утраченная во время войны картина «Суда в море» и композиции «Балтийская эскадра в Финском заливе», «Морской вид», «Кораблекрушение».

Согласно описи пропавших музейных ценностей, на полотне «Суда в море» было изображено двухмачтовое судно со спущенными наполовину парусами и белым флагом, пробирающееся среди довольно больших волн [6]. Над ним возвышалось облачное небо с небольшим просветом солнечных лучей. В этом полотне, по всей видимости, было показано зарождение бури. Кораблю уже становится трудно пробираться среди волн, но он твердо продолжает свой путь, и пробивающийся сквозь облака луч света словно выступает символом веры в благополучный исход плавания.

Полотно «Морской вид» изображает уже разгар бури. Здесь представлено кружение корабля. Море становится бушующим и мрачным по колориту, свинцовые тучи все более сгущаются, но присутствующее в небе вспышки солнца еще дают надежду на то, что корабль может спастись. Однако драматичность в данной композиции нарастает.

В картине «Кораблекрушение» драматизм достигает своего апогея и переходит в трагедийность. Здесь все объято буйством стихии, ощущением катастрофы и ужаса. Художник виртуозно использует живописные средства – играет с серебристыми и свинцово-серыми красками, наблюдаемыми как в изображении моря, так и неба, с помощью драматичной цветовой гаммы, динамичной композиции, напряженного линейного и ритмического рисунка, выразительных светотеневых эффектов создает атмосферу трагедии и беспросветности. И несмотря на то, что в небе еще слабо отсвечивают всполохи солнечного света, надежды на спасение корабля уже нет.

Картины на тему морской бури Гюдена, исполненные в духе романтизма, проникнуты глубоким философским смыслом о бренности, хрупкости, мимолетности человеческого бытия, его ничтожности перед лицом стихии.

Полотно «Балтийская эскадра в Финском заливе» можно отнести сразу к двум тематическим группам. Во-первых, это тема российского флота. Во-вторых, – виды Балтийского моря. Уделяя внимание маневрирующим русским кораблям среди беспокойного моря, мастер здесь остается верным себе. Здесь он вновь работает со светотеневыми и цветовыми эффектами в романтическом духе, показывая силу и мощь морской стихии. Как уже было сказано, данная картина являлась подарком художника самому императору в благодарность за высокую оценку его творчества, за приобретение работ мастера, за полученные им заказы на написание картин для дворца Коттедж и, конечно же, за высокую честь, которая ему была оказана, императором, который пригласил Гюдена в Россию и предоставил возможность поработать при русском императорском дворе.

Картина «Александрия», относящаяся к тематическим группам – виды Александрии (Петергофа) и Балтийского моря – выполнена совершенно в ином духе по сравнению с рассмотренной серией полотен, изображающих разные стадии шторма. Здесь представлена совершенно безмятежная гладь Финского залива на фоне лунной ночи. От картины исходит созерцательное спокойствие и эмоциональная гармония. Это выражено в словно застывшей воде, в ровном ясном ночном небе, озаренном лунным светом, в преобладании теплой золотисто-розовой цветовой гаммы, с помощью которой написаны небеса и их отражение в воде.

Три полотна с видами Александрии, выполненные специально по заказу самого императора, являются одними из самых ценных работ, так как на них запечатлен вид парка «Александрия» середины XIX века, который являлся закрытым для публики и был частной резиденцией императорской семьи. А художник Гюдена один из немногих живописцев, приглашенный в Россию и допущенный в ближний круг для выполнения данного заказа. Картины напоминали пейзажную панораму парка с различных ракурсов, с эффектом освещения в разное время суток. Эти работы оказались идеализированными, но с тщательно проработанными изображениями парковой зоны, дворца, мостов и окрестностей Александрии. Они сочетают в себе черты классического пейзажа и романтической мечтательности, так талантливо удававшиеся мастеру.

Заключение

Пейзажи Гюдена, приобретенные императором Николаем I в Париже лично либо через посредников-агентов (коллекционеров, дипломатов), а также заказанные непосредственно заказанные мастеру, составили значительную часть живописной коллекции дворца Коттедж. Они были выполнены в характерной авторской манере художника, построенной на тонкой нюансировке колористической гаммы, драматичных светотеневых эффектах, выразительности линейного и ритмического рисунка, символично-философской глубине образов в духе романтизма, активном внедрении стаффажа – фигурок людей, изображений кораблей и их детальной проработке, вносящей в морские пейзажи Гюдена элементы жанровости. Таким образом, картины мастера имели своей неповторимый, индивидуальный творческий почерк и составили своеобразную целостную коллекцию внутри всего живописного собрания дворца Коттедж.

Романтически наполненные морские пейзажи Гюдена по-настоящему органично вписывались в общую романтическую концепцию Коттеджа, прекрасно соседствуя с полотнами других маринистов – И.К. Айвазовского, Ф. Таннера, М.Н. Воробьева, С.Ф. Щедрина.

Заказы, полученные Гюденом от императора Николая I и доверие, оказанное ему, свидетельствовали о высокой оценке монархом творчества мастера, а также о международном признании французского мариниста.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов Н.И. Исследования по истории Петергофа. – СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2006. – 592 с.
- Высочков Л.В., Шелаяева А.А. «Изящные искусства достойны монаршего покровительства...»: император Николай I и русские художники // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 285-295.
- Гейрот А. Описание Петергофа. – СПб: Типография Императорской Академии наук, 1868. – 132 с.
- Гюдена, Жан Антуан Теодор // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – Т. 9. – СПб.: АО «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон», 1893. – С. 960.
- Зеленянская Ю.В. Петергофские дворцы-музеи и парки накануне Великой отечественной войны. К вопросу об эвакуации музейных ценностей в июне-сентябре 1941 года // Дворцы и события. 300-летию Большого Петергофского дворца / Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф» (Проблемы сохранения культурного наследия XXI век. IV). – СПб.: Европейский дом, 2016. – С. 82-93.
- Инвентарная опись музейных предметов дворца Коттедж 1938 года. Архив ГМЗ «Петергоф».
- Каяндер О.Е. Петергоф Николая I // Императорский вкус: Петергоф Николая I / Руководитель проекта: Е.Я. Кальницкая. – СПб.: ГМЗ «Петергоф». – С. 83-87.
- Лосева А.С. Образ Петергофа эпохи романтизма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – М., 1997. – 21 с.
- Опись №272 «Дача Ея Императорского Величества Александрия Дворецъ». 1856-1857 г. Архив ГМЗ «Петергоф».
- Опись № 343 «Опись вещей, находящихся во дворце-даче «Александрия» 1839 г. Архив ГМЗ «Петергоф».
- Хоружая Т.И. Жизнь императорской семьи в Александрии. 1839 год // Жизнь дворца: публичное и приватное. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф» (Проблемы сохранения культурного наследия XXI век. IV). – СПб.: Европейский дом, 2014. – С. 244-250.
- Указы, данные строительной Комиссии, при Кабинете Его Величества учрежденной, по возобновлению Императорского Зимнего дворца и возведению Императорского Музеума (Эрмитажа) за 1841 год // РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3961. Л. 23.

© Кузнецова Яна Кирилловна (treiblut.asp@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

THE POTENTIAL OF DIGITAL PLATFORMS IN THE IMPLEMENTATION OF CULTURAL POLICY OF THE STATE

**E. Lvova
D. Panov**

Summary: The article is devoted to substantiating the humanistic potential of the digital transformation of the cultural sphere in the context of the implementation of a value-oriented model of state cultural policy. The research methodology provides for the application of systemic and institutional-cultural approaches as the methodological basis of the conducted research. The performed research allows the authors to identify the humanistic potential of digital platforms as a tool of cultural policy in the development of modern socio-cultural practices, identify the main characteristics of this tool, determine the algorithm of communication actions on digital platforms, and also assert that improving the effectiveness of this tool is possible only if the positions of ideological, technological, administrative, economic, and personnel support are coordinated in the formation of the digital ecosystem of culture.

Keywords: state cultural policy, digitalization of culture, digital platform, St. Petersburg State University of Culture.

Львова Елена Николаевна

Кандидат педагогических наук,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
институт культуры»
lvlen@mail.ru

Панов Дмитрий Георгиевич

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
институт культуры»
axukadi@mail.ru

Аннотация: Настоящая работа посвящена обоснованию гуманистического потенциала цифровой трансформации культурной сферы в условиях реализации ценностно ориентированной модели государственной культурной политики. Методология исследования предусматривает применение системного и институционально-культурологического подходов как методологической основы проведенного исследования. Выполненное исследование позволяет авторам определить гуманистический потенциал цифровых платформ как инструмента культурной политики в развитии современных социокультурных практик, выделить основные характеристики этого инструмента, предложить алгоритм коммуникационных действий на цифровых платформах, а также утверждать, что повышение результативности применения этого инструмента возможно только при согласовании позиций идеологического, технологического, административного, экономического, кадрового обеспечения при формировании цифровой экосистемы культуры.

Ключевые слова: государственная культурная политика, цифровизация культуры, цифровая платформа, Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

Вопросы цифровизации отрасли культуры обретают высокий уровень актуальности в условиях реализации ценностно ориентированной модели государственной культурной политики. В Основах государственной культурной политики, утвержденных Президентом Российской Федерации 24 декабря 2014 г., формирование информационного пространства страны было объявлено сферой приложения культурной политики, а само информационное пространство – одним из ее объектов; задачи «в области формирования информационной среды, благоприятной для становления личности» были выделены в специальный подраздел. Среди этих задач государственной культурной политики особо выделим формирование единого российского электронного пространства знаний и информационной грамотности граждан, использование цифровых коммуникационных технологий для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям независимо от места проживания, создание национальной российской системы сохранения электронной информации, в том числе ресурсов в сети «Интернет», расширение присутствия русского языка в этой сети и повышение качества материалов и инфор-

мации, в ней размещаемых [15]. При этом Основы содержали совершенно конкретные определения понятий «информационная среда» и «информационная грамотность». Практическая реализация вопросов цифровой трансформации сферы культуры прежде всего была связана с осуществлением федерального проекта «Цифровая культура» в рамках национального проекта «Культура», выступавшего одним из «ключевых инструментов достижения целей и задач государственной культурной политики» [16] в период с 2019 по 2024 годы.

Еще большую злободневность заявленная проблема приобретает в контексте воплощения Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г., в соответствии с которой меры по «созданию условий для формирования безопасной информационной среды путем популяризации информационных ресурсов, с использованием которых будет распространяться достоверная информация, способствующая культурно-историческому просвещению и воспитанию на основе традиционных российских

духовно-нравственных ценностей» связываются в числе прочего с противодействием подрывной деятельности недружественных государств в российском культурном пространстве [16]. Среди приоритетных направлений реализации Стратегия выделяет формирование информационной грамотности граждан, в том числе путем повышения качества материалов и информации, размещаемых в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также формирование единого информационного пространства знаний на основе оцифрованных библиотечных, архивных, музейных фондов, собранных в Национальной электронной библиотеке, общенационального интерактивного энциклопедического портала, других научно верифицированных источников знания и национальных электронных архивов по различным отраслям и сферам деятельности [16]. Наконец, «формирование благоприятной институциональной среды и расширение инфраструктуры для развития системы креативных (творческих) индустрий» [14], особый акцент на развитие креативного сектора культуры и культурного предпринимательства как одного из направлений государственной культурной политики также тесно связаны с вопросами цифровизации отрасли культуры и способствуют еще большей актуализации заявленной проблематики.

Принимая во внимание тот факт, что внедрение в коммуникативное поле культуры цифровизации, а в настоящее время – и искусственного интеллекта, уже достаточно давно не является сугубо технологической проблемой, отметим, что её гуманистическая составляющая находится пока на том уровне осмысления, который нуждается в углублённой проработке. Исходя из этого целью статьи выступает обоснование гуманистического потенциала цифровизации культурной сферы в условиях реализации ценностно ориентированной модели государственной культурной политики, объектом определен процесс формирования цифровых платформ, а в качестве предмета рассматривается применение цифровых платформ как инструмента культурной политики.

Цифровая трансформация сферы культуры всё более захватывает внимание исследователей самых разных научных направлений. Методологическим каркасом подобного рода исследований является институционально-культурологический подход, в рамках которого анализируются проблемы цифровизации в нашей стране [8], влияние цифровизации на сферу культуры [7], стратегии развития культуры в условиях цифровой цивилизации [3], технологии моделирования цифровых экосистем и информационной безопасности [14], вопросы цифровой зрелости в контексте инфраструктуры учреждений культуры и задач культурной политики [11], подготовка кадров для развития цифровизации в сфере культуры [6], региональные аспекты реализации проекта «Культура» и др. Среди исследователей широкого спектра сопут-

ствующих вопросов формирования цифрового контента и проблем цифровизации в сфере культуры отметим также Т.Г. Богатыреву, Е.Н. Львову, В.Ю. Муzychuk, А.С. Кондыкова, С.И. Симакову, Е.А. Шумакову и целый ряд других специалистов.

Анализ публикаций позволяет утверждать, что современный этап цифровой трансформации культурной сферы плотно взаимосвязан с созданием проектов как инновационных продуктов, представленных в глобальном коммуникативном пространстве, реализуемых на популярной платформе с удобным интерфейсом, вовлекающих массовую аудиторию в виртуальное общение, где «скорость передачи информации является главным бенефициаром» [9, с. 537].

Коротко остановимся на терминологическом аспекте заявленной проблемы. Внимание к терминологии обусловлено тем, что внедрение в гуманитарную сферу терминов из сферы технической неизбежно порождает на начальном этапе разночтения и требуется определенное время, чтобы использование тех или иных наименований приобрело характер общеупотребимых и однозначно понимаемых. В терминологии рассматриваемой сферы и сегодня имеют место разнообразные трактовки одних и тех же понятий, рассматриваемых с разного ракурса. Сложности связаны ещё и с тем, что компьютерная терминология изначально с середины XX века формировалась на основе английского языка «как компиляция терминов различных смежных наук» [10, с. 109]. Скорость развития цифровизации обуславливала и быстрое нарастание объема новых терминов, и быструю их замену более актуальными. Все те технологии, которые изначально обозначались как медийные, электронные, виртуальные, сетевые – сейчас понимаются как цифровые. То, что фигурировало как цифровой продукт, пространство, интерфейс – сегодня объединяется понятием платформа, подразумевающим на пользовательском уровне совокупность сайта, социальной сети, приложений и иных возможных программных инструментов. Эта программная конструкция в разных случаях может быть названа и online-платформа, и digital-платформа, что в разных контекстах осмысливается как хостинг или как инфраструктура. На уровне сегодняшнего пика развития цифровых платформ всё чаще встречается в публикациях понятие цифровой экосистемы.

В настоящее время всё ещё есть расхождения в понимании сущности цифровизации, которая предстаёт как феномен, обладающий характеристиками и инструмента, и процесса, и системы. Формирование четкой дефиниции в понимании цифровой платформы продолжается, наиболее часто встречаются такие сопутствующие характеристики, как инструмент трансформации экономики, инфраструктура прикладных сервисов, система алгоритмизированных взаимоотношений, ба-

зовый механизм экономики данных, встречаются и достаточно эксклюзивные, например, технология развития электронной демократии. Но наиболее ярко характеризуют сущность цифровой платформы такие позиции, как технологии работы с данными, взаимовыгодность, значимое количество участников, снижение издержек, система разделения труда и т.п. В рамках реализации программы «Цифровая экономика РФ» активизировались попытки типизации цифровых платформ на инструментальные, инфраструктурные и прикладные, но даже спустя несколько лет эти действия нельзя считать завершенными.

В этом обширном и глубоком пространстве затруднительно даже точно определить в каких аспектах практика опережает теорию, а в каких теория предвещает практику. Бесспорно, что развитие цифровой инфраструктуры и творческих индустрий, и системы государственных учреждений культуры определяется в качестве приоритетной задачи культурной политики. Разноаспектное осмысление актуальных проблем государственной культурной политики в отношении цифровизации сектора культуры представлено в публикациях исследователей, определяющих идеологию консервативного реализма как концепцию государственной культурной политики и практики управления процессами культурного развития, предполагающего активную диджитализацию в обновлении социокультурных практик [4, с. 27–28]. Профессиональное обсуждение этих обновлений происходит на разных уровнях. Так, в докладе одного из авторов этой статьи на всероссийском научном форуме, состоявшемся на базе Московского государственного института культуры в 2021 г., предлагалось акцентировать внимание на возрастании роли виртуальных платформенных коммуникаций, которые «нуждаются в упорядочении, но почти не поддаются структурированию в силу постоянно происходящих изменений» [12, с. 155]. При этом конкретизация функционала этих технологий позволяет выделить значимость их гуманистического начала в развитии современных социокультурных практик.

В исследовании сотрудников Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева справедливо подчеркивается, что в настоящее время учреждения культуры как основная инфраструктурная база реализации государственной культурной политики буквально расположены «в эпицентре цифровой трансформации» [11, с. 153]. Нельзя не согласиться с утверждением о том, что именно вследствие «преобразований в цифровой среде в настоящее время функционирует масса центров производства, действуют множество акторов с разнонаправленными интересами, из-за чего производство культурной продукции выглядит малоупорядоченным, нуждающимся не только в систематизации, но и в разумном регулировании» [11, с. 154]. При этом исследователями подчеркивается принципиаль-

ность позиции в понимании эволюции цифровизации из процесса в инфраструктуру и систему, что «концептуально и практически связано с принципами, подходами и методами реализации государственной культурной политики» [11, с. 156]. На этом фоне вырастают вопросы о значимости и условиях достижения равновысокого уровня компетентности во взаимодействии посетителей и учреждений культуры, что определяется исследователями как цифровая зрелость.

Действительно, в настоящее время, в отличие от предыдущих десятилетий, актуализируется уже не столько компьютерная грамотность и информационно-коммуникационная компетентность, сколько цифровая зрелость. Значимость этого понятия возрастает в силу роста влияния цифровых платформ во всех направлениях функционирования социума. Однако это влияние предполагает взаимонаправленность, чтобы удерживать баланс между технологическими и гуманистическими аспектами организации жизнедеятельности каждого отдельного человека и общества в целом. При этом цифровая зрелость неотделима от теории и практики информационной безопасности как комплексного процесса защиты всех видов данных и целенаправленного обучения участников цифрового взаимодействия.

В процессе цифровизации культурного пространства и роста цифровой зрелости важными этапами стали создание виртуальных концертных залов и музеев, проекта «Пушкинская карта», мобильного приложения «Госуслуги. Культура», сервисов покупки билетов на театральные и зрелищные мероприятия, официальных страниц государственных учреждений в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», в результате чего миллионы людей и десятки тысяч учреждений стали активными участниками сетевого сообщества, осуществляющего взаимодействие на цифровых платформах.

Мы видим, что наиболее выпукло в информационном поле представлены организационно-административная и финансово-экономическая сторона цифровизации как системы. В сфере культуры эти стороны неразрывно связаны с вопросами доступности культурных продуктов и услуг, которые важно рассматривать и развивать с позиции гуманистического потенциала цифровых платформ. В этом отношении мы разделяем позицию М.А. Ариарского по поводу способности и значимости технических средств в целом и цифровых платформ в частности «донести шедевры человеческого гения персонально до конкретного человека, превратить его повседневный досуг в фактор оптимального сочетания рекреации и духовного обогащения личности» [2, с. 94]. Несомненно, что цифровая трансформация сферы культуры должна сопровождаться «глубоким переосмыслением коммуникативной природы социальной реальности, современных изменений в социально-коммуникативной сфере,

места и роли коммуникаций в развитии общества» [1, с. 5].

Именно коммуникативная природа цифровых платформ позволяет идентифицировать их как «агентов вторичной социализации» и инструмент формирования нового поколения культурных субъектов. Архитектура платформы предполагает использование разнообразных медиа ресурсов и форматов их предъявления, включающих видеоролики, интерактивные публикации с возможностями отклика от пользователя, разные виды визуального контента и информационных модулей. В основе ее структуры лежит комплексный подход, сочетающий содержательные элементы, интерактивность, игровые механики. На цифровых платформах передовых в этом отношении учреждений культуры особое внимание уделяется мультимедийному распространению информации с опорой на социальные сети и интеграцию с культурно-просветительскими мероприятиями в офлайн-среде. Платформа включает несколько ключевых модулей, каждый из которых направлен на активное вовлечение пользователей в процесс развития культурно-ориентированной коммуникации и – в конечном идеальном итоге – непосредственно практической деятельности.

Особый интерес представляют такие характеристики цифровых платформ как доступность, удобство, интерактивность, креативность, инновационность. Эти характеристики важны не сами по себе как элементы технологизации коммуникаций, а как инструменты вовлечения пользователей в многоуровневые содержательно-наполненные коммуникации, позволяющие стимулировать личностный рост и мотивировать погружение в мир культуры, развивая субъектность каждого как актора культурного процесса. При этом возможность зарабатывать баллы, получать скидки и бонусы мотивирует участников оставаться на платформе и активно взаимодействовать с контентом, а внедрение NFT и системы кэшбэка делает проект привлекательным для зумеров, которые ценят цифровые активы и выстроенное на этом взаимодействие. Очень важна последовательность этапов организации коммуникации, если рассматривать платформу как инструмент культурного воспитания, превращающий информацию в личный опыт, опыт – в осмысление, а осмысление – в ценностную установку. Благодаря индивидуальному взаимодействию, эмоциональному вовлечению, участию и признанию, транслируемое содержание становится частью мировоззренческой опоры, что наиболее существенно для современной молодежи. Совокупность коммуникационных действий на платформе может выстраиваться следующим образом: индивидуализация опыта через интерактив, что позволяет не просто получить сведения, а через эмоциональное участие и переживание активизировать, «примерить к себе» представленную информацию, создавая

тем самым условия для формирования устойчивой мотивации и личной значимости содержания; присвоение культурного содержания посредством сторителлинга, обращения к языку историй, в которых человек может узнать себя и своих близких, что осуществляется через видеоподкасты, анимации и личные рассказы, способствуя тем самым формированию культурной идентичности; соучастие через креативность соавторства, в рамках чего пользователи могут принимать участие в челленджах, конкурсах, контент-креативе (мемы, видео, тематические блоги), запускать и продвигать собственные инициативы на платформе, формируя тем самым субъектную позицию по отношению к представленной информации; социальное подтверждение и идентификация в рамках цифровых сообществ, где пользователь видит, что другие также вовлечены, на этой почве возникает ощущение принадлежности к общности, что отвечает базовой потребности человека – быть частью значимого круга – и усиливает принятие ценностей; современность и актуализация историко-культурного материала, представляемого как опыт живых практик, связанных с экологией, гастрономией, дизайном, туризмом, что в конечном итоге становится хорошим примером устойчивого образа жизни, который близок современному человеку и, являясь образцом поведения, входит в систему мировоззрения.

В контексте такого подхода максимально точной и справедливой выглядит позиция, согласно которой на первый план выступают вопросы модернизации профессиональной подготовки специалистов-менеджеров с ценностным наполнением их функционала как субъектов реализации современной модели государственной культурной политики [5, с. 51]. Для организации деятельности такого профессионала важно понимание того, что речь идет не просто о предоставлении информационных услуг для удовлетворения насущной потребностей пользователя, в процессе чего потребности потребителя и пользователя разграничиваются, поскольку в качестве пользователя понимается физическое лицо, а в качестве потребителя – субъект рынка, оплачивающий информационную услугу. В ценностном пространстве культуры потребности и интересы рассматриваются относительно личности, группы, общества. На наш взгляд, эти позиции соотносятся следующим образом: общество – позиция государства, группы – позиция профессионалов, личность – позиция человека с ориентацией на познание и культурную самореализацию. Их интересы пересекаются, а цифровая платформа в этом случае становится базой для коммуникации, социализации и инкультурации как процессов, успешность которых связана, в первую очередь, с развитием социального капитала, укреплением доверия, совместной социально-культурной активности на основе мировоззренческих установок. При этом характеристики взаимодействия необходимо включать в себя такие как: модно, разнообразно,

функционально, доступно, интересно, мотивационно и т.п. Жесткая формализация коммуникационных алгоритмов, не учитывающая влияние подобных характеристик, может снижать социально-педагогическую значимость цифровых платформ и тогда только посредством административного ресурса могут присоединяться новые пользователи, что будет соответствовать требуемым бюрократическим показателям, но при этом вступать в противоречие с подлинными целями культурной политики.

Специфику преобразований в практике реализации задач государственной культурной политики посредством применения цифровых платформ можно наблюдать на опыте Санкт-Петербургского Международного культурного форума, который в свой юбилейный десятый год проведения обрел статус форума объединенных культур. На этом фоне уровень художественно-эстетического и технологического оформления мероприятий деловой программы возрос до бизнес-класса, а круг непосредственно присутствующих сузился, способствуя тем самым расширению онлайн-аудитории. На основе осмысления подобных преобразований можно констатировать формирование тенденции на рост числа участников-зрителей контента, что представляется важным для определения перспектив проектирования культурного пространства и вектора форматирования социокультурных проектов. Однако опросы в среде студентов Петербургского государственного института культуры, проведенные по итогам форума осенью 2024

года, показывали недостаточную удовлетворенность респондентов обновлениями в организации форума, что аргументируется такими оценочными субъективными суждениями, как снижение уровня демократичности программы и доступности мероприятий, снижение диапазона форм участия и тематического наполнения, излишняя формализация и привнесение элементов элитарности в специфику организации и т. п. Тем не менее, студенческая молодежь отмечает несомненное преимущество онлайн-трансляции мероприятий в режиме реального времени.

При всех имеющихся достоинствах, применяемых на практике и многократно представленных в научных публикациях, потенциал цифровых платформ в сфере культуры постоянно возрастает и не может быть сведен лишь к технологическим преимуществам сервиса услуг и экономическим показателям. Их роль как эффективного инструмента культурной политики базируется на аксиологической основе и социально-педагогическом воздействии. Повышение результативности применения этого инструмента возможно только при согласовании позиций идеологического, технологического, административного, экономического, кадрового обеспечения в реализации профессиональных действий по формированию цифровой экосистемы культуры, выступающей как органичная часть инфраструктуры государственной культурной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы теории коммуникации: Сб. научных трудов / Ред.: М.А. Васирик, С.В. Клягин – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГПУ, 2004. – 361 с.
2. Ариарский М.А. Прикладная культурология. – Санкт-Петербург: Изд-во «ЭГО», 2001. – 530 с.
3. Астафьева О.Н., Никонова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. – 2018. – Т. 15. – № 5. – С. 516–531.
4. Востряков Л.Е. Консервативный реализм как концепция государственной культурной политики и практики управления процессами культурного развития // Государственная культурная политика Российской Федерации и новые практики социально-культурной деятельности. – Санкт-Петербург: НИЦ АРТ, 2023. – Т. 2. – Вып. 1 (2). – С. 21–30.
5. Востряков Л.Е., Полагутина Л.В. Штрихи к портрету будущего менеджера социально-культурной деятельности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2019. – №9–2. – С. 48–53.
6. Гендина Н.И., Колкова Н.И., Рябцева Л.Н. Цифровизация в сфере культуры: сущность, нормативно-правовое регулирование, приоритетные направления кадрового обеспечения // Вестн. Кемеровского университета культуры и искусств. – 2020. – № 50. – С. 183–197.
7. Горлова И.И., Зорин А.Л., Крюков А.В. Цифровизация как мегатренд развития современного общества и ее влияние на сферу культуры // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2020. – № 40. – С. 20–37.
8. Губченкова А.С., Чеснова О.А., Еникеева Л.А. Проблемы цифровизации сферы культуры Российской Федерации // Петерб. экон. журн. – 2019. – № 4. – С. 52–60.
9. Ивлиева Е.А. Основные приемы лингвистической экономии в интернет-дискурсе (на материале испанских социальных сетей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – №2. – С. 537–542.
10. Ивлиева Е.А. Классификация терминов гибридного типа в испанской компьютерной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №4–2 (70). – С.109–111.
11. Коваленко Т.В., Саркисова Е.Г. Цифровая инфраструктура учреждений культуры // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2024. – Т. 30. – № 4. – С. 151–163.
12. Львова Е.Н. §4.1. Виртуализация коммуникаций в контексте перспектив развития социокультурной сферы // Социально-культурная деятельность в

- современном гуманитарном дискурсе: коллективная монография / Сост. и науч. ред. Н.Н. Ярошенко. – Москва: МГИК, 2021. – С. 153–165.
13. Неретин О.Н., Лопатина Н.В., Зубов Ю.С. Цифровизация сферы интеллектуальной собственности: от научного обоснования к практической реализации // Научно-техническая информация. Сер. 1: Организация и методика информ. работы. – 2019. – № 4. – С. 17–22.
14. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: утв. Указом Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – №5. – Ст. 777.
15. Основы государственной культурной политики: утв. указом Президента Российской Федерации от 24 дек. 2014 г. № 808 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 52, ч. 1. – Ст. 7753.
16. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. №2501-р. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – №38. – Ст. 5715.

© Львова Елена Николаевна (lvlen@mail.ru), Панов Дмитрий Георгиевич (axukadi@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МУЗЕЕВ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕТИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ИСТОРИИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА ИМЕНИ В. К. АРСЕНЬЕВА (Г. ВЛАДИВОСТОК)

Селезнева Софья Евгеньевна

Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток
sel1002@mail.ru

NETWORK ANALYSIS IN MUSEUM STUDIES: A CASE STUDY OF THE V.K. ARSENEV MUSEUM OF THE HISTORY OF THE FAR EAST (VLADIVOSTOK)

S. Selezneva

Summary: The article explores the method of social network analysis (SNA) and its application in the field of culture, with a focus on its research potential and practical significance. Using a case study conducted for the V.K. Arseniev Museum-Reserve of the History of the Russian Far East, the advantages of the method are demonstrated for identifying the institution's connections with other agents in the urban environment and assessing inter-institutional cooperation, as well as for understanding the processes and mechanisms shaping the city's cultural landscape. The research process is described, including data collection procedures, presentation of network visualization results in the form of a graph, followed by graph analysis and distributional data analysis. The conclusion offers recommendations for the institution and highlights the method's strong potential for research, strategy development, and optimizing the management of cultural institutions.

Keywords: social network analysis, network visualization, museums, cultural institutions, urban cultural environment, inter-network interaction, cultural institutions management, strategic planning, Arseniev Museum.

Аннотация: В статье рассматривается метод сетевого анализа (social network analysis, SNA) и его применение в сфере культуры с акцентом на исследовательские возможности и практическую значимость. На примере исследования для Музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева показаны преимущества метода для выявления связей учреждения с другими агентами городского пространства и оценки межинституционального сотрудничества, а также для понимания процессов и механизмов, формирующих культурную среду города. Описан ход исследования: процедура сбора данных, представлены результаты визуализации сети в виде графа, а также последующий анализ графа и распределительный анализ данных. В заключении приведены рекомендации для учреждения и сделан вывод о потенциале метода для исследований, разработки стратегий управления и оптимизации работы культурных институций.

Ключевые слова: анализ социальных сетей, визуализация сетей, музеи, культурные институции, городская культурная среда, межсетевое взаимодействие, управление культурными учреждениями, стратегическое планирование, Музей Арсеньева.

В современных исследованиях организаций одним из методологических подходов, ориентированных на анализ сложных сетевых структур, выявление закономерностей их организации и функционирования, является анализ социальных сетей (Social Network Analysis – SNA). Метод сетевого анализа «исследует образцы связей между индивидами, организациями или институтами, чтобы выявить, как социальные структуры формируются через взаимодействия субъектов и, в свою очередь, влияют на эти взаимодействия» [1].

В основе сетевой методологии лежат концепции и инструменты теории графов, относящейся к дискретной математике, исследующей связи и узлы. Существенное развитие SNA стало возможным благодаря появлению соответствующего программного обеспечения, кото-

рое позволяет обрабатывать большие объемы данных (UCINET, Gephi, NetworkX, Social Network Visualizer, NodeXIL, ORA, Graph-tool, Cytoscape, Tulip, Kumu, NetDraw, Graph Commons и т.д.).

В рамках сетевого анализа рассматриваются такие параметры, как структура связей, их содержание, направленность, интенсивность и плотность. Выделяются два основных уровня анализа – эго-сети (вокруг одного актора) и целые сети (в пределах заданного сообщества или группы). С помощью набора количественных метрик, таких как плотность, централизация, кластеризация и эквивалентность, возможно выявление ключевых акторов, групп влияния и общих закономерностей организации сети [2].

Исходя из такой логики измерения к методу все чаще прибегают для анализа информационных потоков, образовательных организаций, экономических процессов, научных коллабораций, городских систем и многих других сфер. Аналогичным образом сетевой анализ используется и в исследованиях культурных институтов – включая музеи, художественные организации, а также в креативных индустриях. На сегодняшний день существует ряд работ, демонстрирующих успешное использование метода в анализе культурных экосистем. Например, использование SNA в исследовании британских художественных организаций позволило проанализировать степень централизации информационных потоков и баланс сильных и слабых связей, что важно для совершенствования управления партнёрствами [3]. В креативных индустриях метод помогает изучать принципы формирования сообществ. Так, в исследовании «Using social network analysis to understand the creative and cultural industries» (J. Swords) были выявлены ключевые группы влияния и структура сетей, что полезно для выстраивания стратегий сотрудничества [4].

В музейной сфере показательным является исследование объединения Fondazione Musei Senesi [5], включавшего 45 музеев региона Сиена (Италия). Анализ показал влияние кооперации на эффективность организаций и сложности координации внутри единой структуры. Интеграция в сеть укрепляла институциональные позиции и устойчивость к кризисам – особенно в условиях пандемии, когда совместные действия обеспечили быструю адаптацию и альтернативные формы взаимодействия с аудиторией.

Взаимодействие музеев с внешними партнёрами является важным фактором инновационного роста. Исследование японских учёных Oishi и Oe [6], охватившее 1416 организаций, включая 103 музея, показало, что сотрудничество с медийными структурами и бизнесом способствует внедрению инноваций и расширению аудитории. Музеи в регионах с низким туристическим потенциалом активнее выстраивают партнёрства, компенсируя дефицит традиционного потока посетителей. Визуализация взаимодействий подтвердила: разнообразие внешних связей повышает устойчивость и инновационный потенциал.

Сетевой анализ в исследовании «Interaction and Network analysis in heritage organizations in Valledupar-Colombia» [7] позволил выявить влияние региональных условий на формы кооперации. На примере семи организаций проанализированы стратегии финансирования и обмена ресурсами в условиях ограниченного бюджета. Выводы показали: в бедных регионах преобладают горизонтальные связи, компенсирующие нехватку внешней поддержки, тогда как в более развитых – вертикальные структуры с участием крупных культурных институтов.

Таким образом, применение сетевого анализа в исследованиях учреждений культуры позволяет фиксировать существующие связи культурных учреждений, обнаруживать закономерности их взаимодействий, определять устойчивость, эффективность и инновационный потенциал данных организаций и т. д. Получаемые в ходе анализа данные могут быть выступать основой управленческих решений и использоваться для разработки стратегий развития и сотрудничества культурных институций. Для наглядного представления потенциала метода обратимся к примеру Музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток).

Музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева, первый и крупнейший музей региона, естественно и полно отображающий его жизнь и историю, является одним из ключевых центров культурной жизни и социальной активности Владивостока, активно формирующий его культурную повестку. С 2019 года и по сей день он остается единственным федеральным музеем на всем Дальнем Востоке, глубоко интегрированным в пространство города и региона, в связи с чем его опыт был использован нами в эмпирическом исследовании.

Основная задача предпринятого исследования заключалась в том, чтобы с использованием методов сетевого анализа визуализировать сеть взаимодействий Музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева с другими учреждениями, организациями, профессиональными и творческими сообществами, а также отдельными участниками культурного поля. Целью исследования стало выявление структуры этих связей, определение их характера и интенсивности, а также анализ потенциала для дальнейшего развития и укрепления партнёрств.

Гипотезы эмпирического исследования:

1. Музей преимущественно взаимодействует с другими музеями и культурными учреждениями города, что обусловлено схожестью их деятельности и возможностью установления более глубоких профессиональных связей.
2. Взаимодействие музея с представителями образовательных и научных учреждений носит стратегический характер и ориентировано на долгосрочные формы сотрудничества, включая совместные проекты и участие в управленческих процессах.
3. Музей активно выстраивает связи с творческими коллективами и представителями гастрономической сферы, что отражается в структуре его партнёрских отношений.

Для сбора информации мы обратились к информационным ресурсам музея: Telegram-каналу «Музей Арсеньева» – @arsenievmuseum, аккаунту в Instagram

(продукт компании Meta, признана экстремистской организацией в России) – @arseniev_museum. На наш взгляд, такой способ представляется наиболее эффективным, поскольку позволяет анализировать значимый массив данных без обращения к разрозненным источникам.

В качестве метода сбора данных использовался контент-анализ. Настоящее исследование является продолжением аналитической работы, выполненной в 2023–2024 годах, когда был проведён анализ за двухлетний период. В текущей работе временные рамки расширены до пяти лет, что позволило проследить динамику изменений и выявить более устойчивые тенденции. Период анализа охватывает 2019–2024 годы, что обусловлено тем, что в 2019 году Музей Арсеньева получил статус федерального, что, вероятно, повлияло на его роль в городской культурной среде. Повышенный статус мог способствовать расширению партнерских связей, увеличению финансовой поддержки, активному участию в культурной жизни и росту медийного присутствия. Общая выборка составила 5675 записей, включая 4975 публикаций в Telegram-канале (из них 595 – репосты) за период с марта 2022 по декабрь 2024 года и 700 записей в Instagram (с апреля 2020 по февраль 2022 года). Подсчет записей проводился с использованием сервисов tgstat.ru и popsters.ru. Анализ Instagram охватывает период до его блокировки, после чего музей сосредоточил свою информационную активность в Telegram.

Выделенные категории анализа включают: 1) «акторы» взаимодействия – к ним относятся институциональные структуры (музеи, театры, галереи, образовательные организации), неформальные культурные пространства, социальные сообщества, а также отдельные участники культурного процесса; 2) непосредственно взаимодействия – это события, инициативы и мероприятия, которые служат основой связей музея с другими «актерами», включая выставки, партнерства, совместные проекты и коммуникации в социальных сетях. В качестве единиц анализа использовались названия организаций, учреждений, сообществ и имена отдельных лиц для категории «Актор», а единицей счёта выступало количество акторов. Для категории «Взаимодействие» единицами анализа являлись: 1) упоминания совместно организуемых событий или мероприятий; 2) упоминания событий с участием актора, имеющих отношение к музею-заповеднику; 3) упоминания актора в записи музея без указания на конкретное взаимодействие, но подразумевающее связь с ним. Соответственно, единицей счёта здесь было количество событий (совместно организуемых или имеющих отношение к музею-заповеднику) и записей, подразумевающих связь с музеем.

Процедура анализа включала несколько этапов. Из содержания записей выделялись акторы, которые затем фиксировались в таблице. После этого для каждого

актора в таблицу выносились соответствующие единицы анализа. Затем проводился подсчет: учитывались события и записи, которые отражали взаимодействие с музеем. Затем для каждого актора суммировались единицы взаимодействия, полученная величина использовалась для определения веса связи – ключевого параметра сетевого анализа. Этот показатель отражает глубину взаимодействия акторов с музеем. Полученные данные затем переносились в таблицу Excel по принципу Source – Target – Weight (Источник (в данном случае Музей-Заповедник) – назначение (акторы) – вес), что позволило провести дальнейший анализ с использованием сервисов визуализации социальных сетей.

Сетевой анализ был проведен с использованием специализированного сервиса Gephi, предназначенного для визуализации социальных сетей. С его помощью была создана эго-сеть Музея им. Арсеньева, включающая 598 узлов, каждый из которых представляет собой отдельного актора – организации, учреждения, сообщества или отдельных персоналий (см. рисунок 1, 2).

Визуализация сети демонстрирует четкую структуру с выделенным центром – Музеем им. Арсеньева, от которого расходятся связи. Граф представляет собой концентрическую схему, где можно наблюдать выраженное ядро и периферию. Наиболее тесные и устойчивые связи расположены ближе к центру, а их графическое отображение усиленно: значимые партнеры обозначены более крупными узлами, а связи с ними – утолщенными линиями. Глубина таких связей варьируется от 3 до 32 (при минимальной глубине из всех связей равной 1, максимальной – 32).

Наличие четко выраженного ядра и отделенной периферии может свидетельствовать о структурированной модели взаимодействий музея. Прослойка между этими уровнями может указывать на существование барьеров между центральными акторами и периферийными участниками сети, что, вероятнее всего, отражает различия в степени вовлеченности, устойчивости партнерских связей и в уровне интеграции в культурную среду города.

Далее был проведен распределительный анализ по категориям, который выявил неоднородность связей музея и продемонстрировал его разносторонние взаимодействия с различными организациями. Из 310 официальных и неформальных организаций распределение партнеров по категориям выглядит следующим образом: творческие коллективы – 14,8% (46), гастрономическая сфера – 13,5% (42), образовательные и научные учреждения – 11,6% (36), общественные организации, инициативы – 10,9% (34), культурные и музейные институты – 8,7% (27), крупные бизнес-партнеры – 7,4% (23), креативный бизнес – 6,12% (19), туризм и рекреация

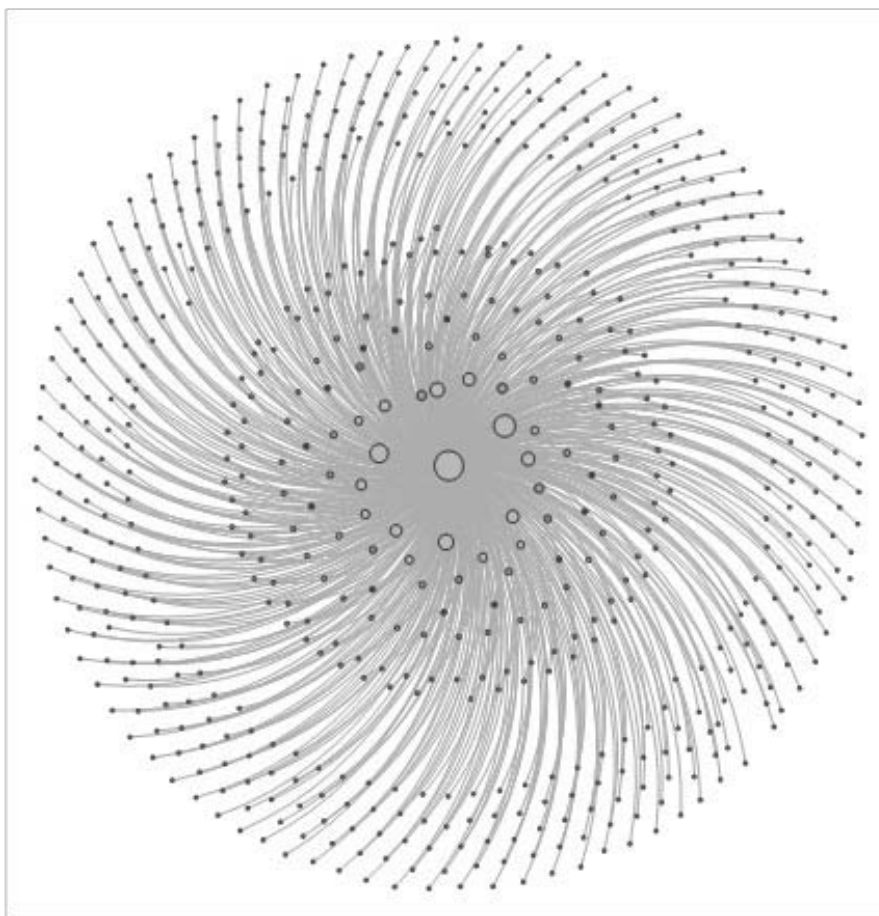

Рис. 1. Культурная сеть Музея-заповедника истории Дальнего Востока (общий вид)
Источник: Составлено автором на основе данных из Telegram и Instagram

– 4,8% (15), организации и структуры по работе с молодежью – 4,5% (14), развлекательные, семейные центры – 4,5% (14), медицина и ЗОЖ – 4,5% (14), государственные и муниципальные организации – 4,1% (13), локальные нишевые партнёры и предпринимательские сообщества – 3,5% (11).

Внутри каждой категории также оценивалась интенсивность взаимодействий. По формуле среднего арифметического рассчитывался средний вес связи в категориях: сумма всех весов связей внутри группы делилась на число организаций в ней. Такой подход позволил выявить категории с наибольшей степенью вовлеченности в работу музея и те, где взаимодействие менее устойчиво.

Так, гастрономическая сфера и творческие коллективы составляют наибольшие категории (46 и 42 организации соответственно), при этом взаимодействие с ними менее интенсивное по сравнению с другими акторами – средний вес их связи (1,61 и 1,56) уступает ряду других направлений.

Наиболее прочные связи наблюдаются с государственными и муниципальными структурами (4) и куль-

турными и музейными институциями (3,81), несмотря на их меньшую численность.

Особое внимание стоит уделить образовательным и научным учреждениям. Их средний вес связи (3,25) ниже, чем у культурных и государственных институтов. В то же время они формируют крупную группу взаимодействия (36 организаций), что указывает на широкое, но относительно равномерное сотрудничество, в отличие от других категорий с меньшей численностью, но более интенсивными связями.

Взаимодействие с крупными бизнес-партнерами (23 организации) характеризуется средним весом связи 2,52, что указывает на устойчивое, но менее интенсивное сотрудничество по сравнению с государственными структурами и учреждениями культуры. Это может отражать специфику участия бизнеса в проектах музея, где акцент делается на разовые инициативы или спонсорскую поддержку, а не на глубокую интеграцию в культурную деятельность.

Общественные организации и инициативные группы, несмотря на высокую представленность (34 органи-

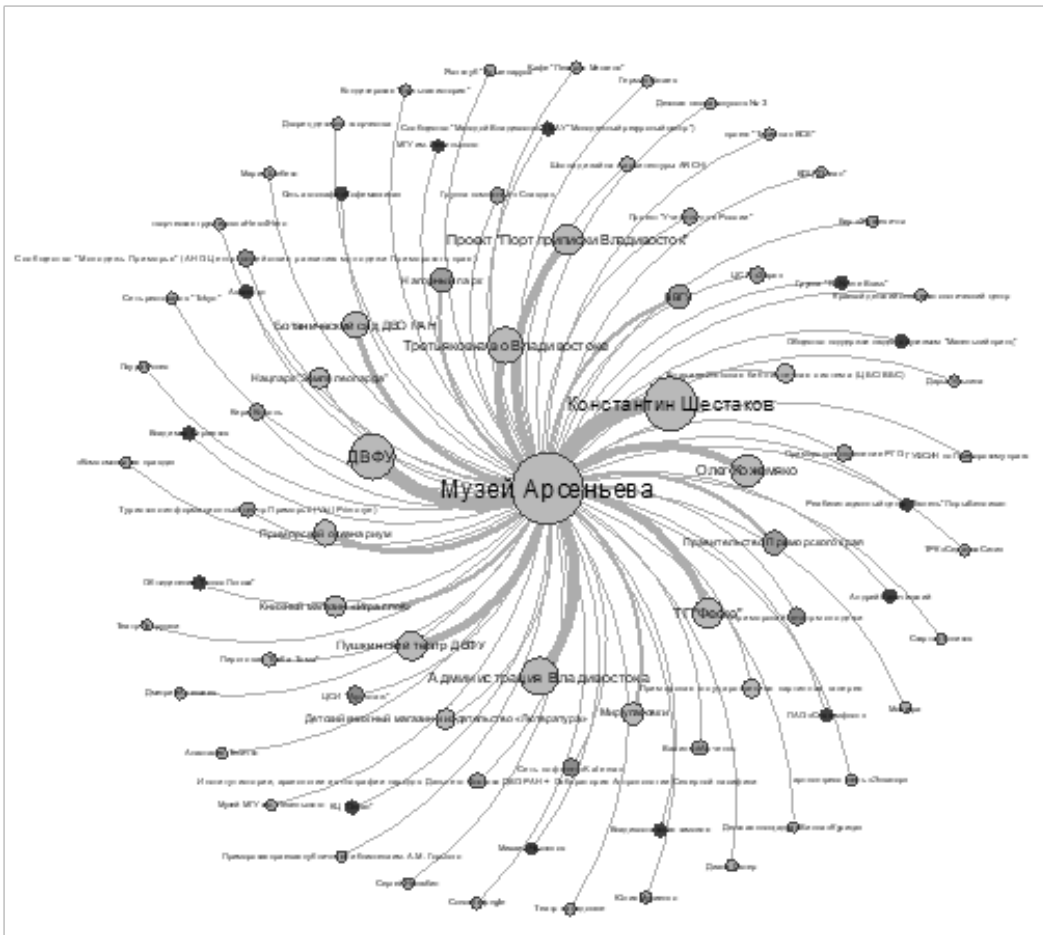

Рис. 2. «Ядро» сети Музея-заповедника истории Дальнего Востока
Источник: Составлено автором на основе данных из Telegram и Instagram

зации), имеют более низкий средний вес связей (2,38). Подобная картина характерна и для сферы туризма и рекреации (15 организаций, средний вес 2,33). Это свидетельствует о регулярности взаимодействий, но в большей степени на уровне отдельных событий и проектов, чем на уровне долгосрочных партнерств.

Категории креативного бизнеса и организаций, работающих с молодежью, демонстрируют сходные показатели (2,26 и 2,2 соответственно), что указывает на активность в проектной деятельности, направленной на привлечение молодой аудитории и реализацию креативных инициатив. Однако интенсивность этих связей также ниже, чем в случае взаимодействия с государственными или образовательными учреждениями.

Наименее прочные связи фиксируются в таких категориях, как гастрономическая сфера (1,61), развлекательные и семейные центры (1,64), творческие коллективы (1,56), локальные нишевые партнеры (1,36) и медицина/ЗОЖ (1,14). Низкие средние веса в этих группах говорят о большей фрагментарности взаимодействия: сотрудничество с представителями этих секторов, как правило, ограничивается отдельными мероприятиями, а не стро-

ится на длительном партнерстве.

Дальнейший количественный и качественный анализ событий и мероприятий позволил выявить особенности партнёрской сети Музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева. Так, сопоставление данных показало, что наиболее устойчивые и содержательные отношения музей выстраивает с учреждениями, имеющими институциональный характер (государственными, культурными и образовательными). Наиболее прочные связи музея формируются с государственными и муниципальными организациями. Несмотря на сравнительно небольшое количество акторов в этой категории, она демонстрирует самый высокий средний вес связей, что выражает глубокую и системную вовлечённость институтов власти в процессы, связанные с музеем и музейными инициативами. К ключевым партнёрам относятся Администрация Владивостока, Правительство Приморского края, Министерство культуры и архивного дела Приморского края и др. Особое место в структуре связей занимают персоналии, ассоциируемые с властью. Так, значимыми участниками сети являются мэр Владивостока Константин Шестаков и губернатор Примор-

ского края Олег Кожемяко, активно поддерживающие деятельность музея. Их включённость в проекты – как на официальном уровне, так и через участие в общественных инициативах (например, субботники на объектах Владивостокской крепости) – формирует важные институциональные взаимодействия и подчёркивает стратегическую значимость музея в культурной политике региона.

Категория культурных и музейных институций включает характеризуется одним из самых высоких показателей средней силы связи, что частично подтверждает первую гипотезу исследования: музей преимущественно взаимодействует с профессионально близкими структурами, обладающими схожей миссией и способами работы. Наиболее прочная и интенсивная связь в рамках этой категории зафиксирована с филиалом Третьяковской галереи во Владивостоке, открывшимся в одноимённом общественном пространстве в 2023 году. С момента появления в городе учреждение активно интегрировалось в культурную среду, что выразилось в плотном взаимодействии с Музеем им. В. К. Арсеньева. Институции проводят совместные мероприятия, участвуют в фестивалях и обмениваются площадками, демонстрируя высокий уровень кооперации. В связи с реализацией в ближайшие годы проекта культурного кластера, в который войдут ведущие музеи и галереи, в том числе и филиал Третьяковской галереи [8], в перспективе можно ожидать дальнейшее усиление этих связей и рост значимости подобных партнёрств для музейной стратегии. Помимо филиала Третьяковской галереи во Владивостоке, относительно прочные партнёрства формируются с Приморской государственной картинной галереей, Центром современного искусства «Заря», Приморским театром молодежи, ЦСИ «Артэтаж», Приморским краевым театром им. Горького и рядом других институций. Особо выделяется сотрудничество с Пушкинским театром ДВФУ, чья деятельность органично связана с региональной историей и культурным наследием. В числе совместных проектов – множественные спектакли, направленные на осмысление и популяризацию истории города («Восточный институт. Сны в красном тереме», «Даттан. Преданность и предательство», «Арсеньев. Воля и покой», «Михаил Янковский. Легенда и наследие»), а также кинопоказы, концерты и т.д.

Значимую часть партнёрской сети музея составляют образовательные и научные организации, играющие важную роль в реализации его научной и образовательной миссии. В данную категорию входят университеты, научно-исследовательские институты, специализированные учреждения и образовательные центры, охватывающие как формальное, так и дополнительное и неформальное образование. Ключевым партнёром музея в этой сфере выступает Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ). В 2021 году между сторонами был

подписан меморандум о сотрудничестве, зафиксировавший партнёрство в области культурно-просветительской деятельности [9]. Совместные проекты охватывают широкий спектр научных, образовательных и культурных инициатив – в их числе: поддержка фестиваля цифрового искусства «Пуск» в 2023 г., участие во внешних акциях, таких как «Тотальный диктант». Партнёрство с ДВФУ также включает стратегические форматы участия, оказывающие влияние на развитие музейной институции: в частности, ректор ДВФУ Борис Коробец входит в состав попечительского совета Музея Арсеньева, участвуя в обсуждении ключевых направлений его деятельности [10].

Кроме того, музей сотрудничает с рядом других научных учреждений: Ботаническим садом ДВО РАН, Приморским океанариумом, Морским государственным университетом им. Г.И. Невельского, Тихоокеанским институтом географии ДВО РАН. Совместные инициативы с этими партнёрами направлены на популяризацию науки, культуры и природы Дальнего Востока через выставочные и просветительские форматы. Все перечисленные аспекты подтверждают вторую гипотезу исследования о стратегическом и устойчивом характере взаимодействия музея с образовательными и научными организациями.

Категории крупных и нишевых бизнес-партнёров демонстрируют различающиеся модели взаимодействия с Музеем-заповедником. Крупные партнёры представлены в основном коммерческими структурами, участвующими в музейной деятельности преимущественно в формате спонсорской поддержки отдельных проектов, выставок и фестивалей. Примерами такого взаимодействия являются ПАО «Совкомфлот» (вес – 4), ПАО «НОВА-ТЭК» (2), группа компаний «Славда» (6), «Мир упаковки» (10), а также девелоперские и энергетические компании – «Гринхилс», «Эскадра», «СтройАрхитект», АО «ДГК», ПАО «ДЭК» и др. Их участие, как правило, ограничивается точечной финансовой или технической поддержкой, приуроченной к отдельным мероприятиям.

На этом фоне выделяется Транспортная группа FESCO (вес связи – 16), чьё партнёрство с музеем выходит за рамки традиционного спонсорства. В отличие от других компаний, FESCO демонстрирует устойчивое и многоуровневое участие в музейных инициативах. Учитывая исторические корни компании (бывшее Дальневосточное морское пароходство), сотрудничество с Музеем становится формой корпоративного осмысления регионального наследия, позволяя формировать имидж FESCO как социально ответственного бизнеса через реализацию тематических проектов.

Взаимодействие с малыми нишевыми бизнесами носит в большей степени ситуативный характер. В от-

личие от «крупных игроков», которые часто участвуют в стратегическом партнерстве, сотрудничество с малыми бизнесами, вероятно, строится на основе бартерных соглашений или участия в фестивалях и городских мероприятиях, где музей и местные предприниматели пересекаются в общем культурном контексте. Среди таких партнёров – местные производители продуктов, торговые инициативы и предпринимательские сообщества.

Отдельно была выделена категория «креативный бизнес» в связи со спецификой деятельности входящих в неё организаций. Под этим понятием в исследовании рассматриваются локальные инициативы, работающие на стыке культуры, дизайна, медиа и предпринимательства. В категорию включены творческие мастерские, арт-рынки, книжные и игровые магазины, архитектурные и digital-студии. Взаимодействие музея с представителями креативного бизнеса преимущественно реализуется в событийных форматах, однако в отдельных случаях оно принимает устойчивый характер. Наиболее интенсивные связи установлены с книжным магазином «Игра слов» и детским книжным магазином и издательством «Лютература». Совместная деятельность включает проведение литературных и образовательных мероприятий («Книжный пикник», поэтический вечер «Свобода строф», фестиваль «Море слов», мастерская «Сквозь времена и расстояния»), участие в музейных фестивалях и акциях («Ночь музеев», «Арсеньев WEEK»).

К сходным группам с этой точки зрения относятся также творческие коллективы и представители гастрономической сферы, с которыми музей выстраивает обширные, но менее интенсивные связи. Это частично подтверждает третью гипотезу исследования. Данные категории представлены наибольшим количеством организаций. При этом средний вес их связей остаётся низким, что указывает на широкую представленность, но относительно невысокую плотность взаимодействий. Сотрудничество с этими акторами чаще всего реализуется в рамках городских фестивалей, тематических дней и отдельных событий, таких как «Ночь музеев», «Ночь искусств», «Арсеньев WEEK» и др. За пределами подобных мероприятий связи носят эпизодический характер, или вовсе отсутствуют, что отражается в периферийном положении указанных категорий в структуре партнёрской сети. Тем не менее, такие связи важны, так как способствуют вовлечению творческих сообществ в музейную повестку, открывая для музея новые точки соприкосновения с культурной средой города.

Отдельного внимания заслуживает работа музея с молодёжными организациями и инициативами. Этот сегмент партнёров (14 организаций, средний вес – 2,36) открывает новые возможности для формирования устойчивой молодой аудитории и вовлечения молодёжи в культурные проекты, направленные как на досуг, так и

на развитие творческого потенциала. Среди ключевых партнёров можно выделить АНО «Центр содействия развитию молодежи Приморского края» («Молодёжь Приморья»), МАУ «Молодёжный ресурсный центр» («Молодой Владивосток»), пространство «ТОК», ВДЦ «Океан», городской лагерь «Контур культуры» и Дворец детского творчества. Взаимодействие с этими организациями чаще всего реализуется в формате фестивалей, выставок, образовательных и творческих встреч, а также программ неформального образования.

Взаимодействие музея с общественными инициативами также выступает перспективным направлением развития сети. Анализ взаимодействий с другими общественными организациями и инициативами свидетельствует о наличии устойчивой социальной направленности деятельности музея. Среди них можно выделить: неформальное общество (клуб) поддержки людей с аутизмом «Маленький принц», краевую общественную организацию социальной помощи «Воскресенье», общественно-просветительский проект «Такие как ВСЕ», фонд помощи бездомным животным «УМКА», экологическое движение «Раздельный Сбор Владивосток», АНО «Реабилитационный центр морских млекопитающих „Тюлень“» и другие организации, работающие в сфере экологии, социальной поддержки, инклюзии и благотворительности. Такой характер связей позволяет рассматривать музей как активного участника в решении актуальных социальных задач – от инклюзии до экологического просвещения. И хотя взаимодействие с общественными организациями сегодня чаще всего ограничивается отдельными проектами и инициативами, потенциал для углубления этих связей значителен.

В схожем ключе выстраивается сотрудничество музея с медицинскими организациями и проектами, ориентированными на поддержку здоровья. Особую часть его социальной деятельности составляют эмоциональная поддержка пациентов, формирование установок на здоровый образ жизни, участие в массовых событиях с выраженной медицинской и социальной повесткой, а также поддержка соответствующих инициатив. Среди наиболее заметных примеров – акция «КультураДонорству» совместно с Краевой станцией переливания крови, регулярные визиты в детские медицинские учреждения с программой «Сказки с молоком», серия мероприятий «Утренняя йога на форте Поспелова», а также участие в платформе VK Fest, продвигающей ценности инклюзии, благотворительности и здоровья.

Дополнительное направление партнёрской сети музея представляют развлекательные и семейные центры, куда включены также кинотеатры и торговые комплексы, которые, несмотря на относительно низкую интенсивность связей (14 организаций, средний вес – 1,64), играют заметную роль в расширении аудитории и гео-

графии культурных мероприятий, выступающие в роли как площадок, так и организаторов культурных событий. Так, в кинотеатре «Океан» проходили показы фильмов в рамках проекта «Исчезающие легенды», направленного на сохранение культурного наследия коренных народов. Торгово-развлекательный комплекс «Седанка Сити» принимал фестиваль «Арсеньев WEEK» и выставку «Память о войне: предметный разговор», а в ТЦ «Калина Молл» была представлена выездная версия выставки «И все-все-все. Герои и миры советских мультфильмов», созданной совместно с киностудией «Союзмультфильм» и Центральным музеем кино. Такое сотрудничество позволяет музею расширять своё присутствие за пределами традиционного музейного пространства и достигать более широкой аудитории, включая семьи с детьми, молодежь.

В целом, структура взаимодействий свидетельствует о многослойной модели сетевого партнерства музея. Она включает как прочные связи с ключевыми институтами, так и широкую сеть менее интенсивных контактов, которые позволяют оперативно вовлекать в отдельные события представителей разнообразных профессиональных и социальных групп.

Заключение

В данной работе был рассмотрен метод анализа социальных сетей (SNA) в контексте его применения в исследованиях культурных учреждений. Этот подход особенно перспективен для изучения взаимодействий в сфере музейной и культурной деятельности, что подтверждается на примере исследования Музея-заповедника истории Дальнего Востока им. Арсеньева. Результаты эмпирического анализа послужили основой для выработки рекомендаций, направленных на развитие партнёрских связей Музея-заповедника и повышения его роли в формировании культурной среды Владивостока:

1. С учётом успешного примера взаимодействия с Транспортной группой FESCO целесообразно распространить подобный формат партнёрства на другие крупные коммерческие структуры, обладающие исторической и территориальной аффилиацией. Например, возможно инициировать тематические проекты с ПАО «Совкомфлот», акцентируя внимание на морском наследии региона. Потенциальные формы включают: совместные исследовательские проекты, посвящённые морской истории Дальнего Востока; музейные и просветительские инициативы, направленные на сохранение корпоративной памяти; имиджевые коллаборации, отражающие вклад компании в региональную идентичность.

2. Креативный сектор, работающий на стыке культуры, предпринимательства и социальной миссии, представляет собой перспективную экосистему для

многоформатного сотрудничества. Рекомендуется выстроить системную работу музея с этой категорией через создание отдельного направления или куратора по креативным индустриям, способного координировать партнёрства; развивать форматы совместного производства контента (издательские проекты, тематические лекции, арт-резиденции); инициировать коллаборации с локальными брендами одежды, дизайнерскими студиями, арт-магазинами, в том числе с возможностью расширения их продукции через музейный магазин; укреплять взаимодействие через регулярные фестивали и событийные форматы, включая гастрономические, литературные и другие проекты.

3. Учитывая широкий спектр взаимодействий с общественными и молодёжными организациями, целесообразно развивать долгосрочные проекты, объединяющие усилия музея и НКО в области социальной инклюзии, экологического просвещения, благотворительности и урбанистики; интегрировать практику совместного проектирования событий – вовлечение партнёров в создание концепций, сценариев и программ музейных мероприятий. Кроме того, музей может выступать инициатором проектных лабораторий и программ поддержки, направленных на развитие молодёжных и общественных инициатив в сфере культурного наследия, локальной истории и региональной идентичности.

4. С учётом ограниченного доступа к специализированным пространствам (в частности, отсутствия собственной киноплощадки), рекомендуется инициировать стратегические соглашения с ключевыми кинотеатрами города (например, «Океан», «Усури») о регулярной демонстрации фильмов, созданных или курируемых музеем; развивать форматы выездных выставок, способных адаптироваться под инфраструктуру торгово-развлекательных комплексов (ТРК «Седанка Сити», ТЦ «Калина Молл»), что позволит расширить охват аудитории и привлечь новые группы посетителей.

5. Несмотря на устойчивость текущих партнёрств с образовательными и научными организациями, представляется целесообразным усилить совместную аналитическую и прикладную исследовательскую деятельность с университетами и институтами ДВО РАН, включая создание межинституциональных исследовательских групп по темам культурного наследия, урбанистики, экологии; расширять форматы участия студентов и аспирантов в музейной жизни – через стажировки, научные кружки, проектную деятельность.

В качестве общего стратегического шага может быть создан экспертный совет партнёров музея, включающий представителей НКО, бизнеса, образовательных и научных организаций, творческих объединений, молодёжных инициатив и органов власти. Такая структура

позволит выстраивать устойчивый механизм обратной связи, совместного планирования и разработки новых форматов взаимодействия.

Таким образом, сетевой анализ обладает не только описательной, но и прикладной значимостью: в сфере музейной и культурной деятельности результаты сетево-

го анализа могут служить основой для управленческих решений, направленных на укрепление партнёрских связей, повышение устойчивости институций и стратегическое позиционирование. Это подтверждает эффективность метода как для исследований, так и для практической разработки стратегий развития культурных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wasserman, S. Social Network Analysis: Methods And Applications / S. Wasserman, K. Faust. — New York: Cambridge University Press, 1994. — 825 p.
2. Мальцева, Д.В. Сетевой подход в социологии: генезис идей, современное состояние и возможности применения: дис. ... канд. социол. наук / Мальцева Д. В. — Москва, 2014. — 177 с.
3. Bruce, F. Insights on Creative Networks: A Social Network Analysis of Five Arts Organisations / F. Bruce, S. O'Neill, S. Hawari-Latter // European Conference on Innovation and Entrepreneurship. — 2022. — №17(1). — P. 92-100.
4. Swords, J. Using social network analysis to understand the creative and cultural industries // J. Swords; Editors: R. Comunian, A. Faggian, J. Heinonen, N. Wilson, Nick // White rose: research online. — 2022. — URL: <https://eprints.whiterose.ac.uk/184106/> (дата обращения: 29.07.2025).
5. Benassi, A. Benefits, advantages, and usefulness of museum networks. The case of Fondazione Musei Senesi in Tuscany / A. Benassi // Academia.edu : [сайт]. — 2020. — URL: https://www.academia.edu/62751882/BENEFITS_ADVANTAGES_AND_USEFULNESS_OF_MUSEUM_NETWORKS_The_case_of_Fondazione_Musei_Senesi_in_Tuscany?nav_from=8e8b1a74-16eb-4fa5-80b6-9963a00bd3a9 (дата обращения: 29.07.2025).
6. Oishi, S. The Impact of External Networks on Product Innovation in Social Purpose Organizations: An Empirical Research on Japanese Museums / S. Oishi, A. Oe // Human Interface and the Management of Information - Thematic Area, HIMI 2023, Held as Part of the 25th HCI International Conference, HCII 2023, Proceedings. — 2023. — 154-172 p.
7. Ortega, A.V. Interaction and Network analysis in heritage organizations in Valledupar — Colombia / A.V. Ortega, A.C. Martínez // EMPIRIA: Revista de Metodología de Ciencias Sociales. — 2024. — №62 - P. 139-164. 114.
8. О строительстве театрально-образовательного и музейного комплекса во Владивостоке: Распоряжение от 20 сентября 2018 года №1993-р: [Принят Министерством экономического развития Российской Федерации] // Правительство Российской Федерации: [сайт]. — 2018. — URL: http://government.ru/dep_news/34155/ (дата обращения: 29.07.2025).
9. Музей истории Дальнего Востока и ДВФУ заключили меморандум о сотрудничестве // Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева: [сайт]. — 2021. — 26 мая. — URL: <https://arseniev.org/press/muzej-istorii-dalnego-vostoka-i-dvfu-zaklyuchili-memorandum-o-sotrudnichestve-2/> (дата обращения: 29.07.2025).
10. В Москве прошёл первый Попечительский совет Музея Арсеньева // Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева: [сайт]. 2023. 14 июня. URL: <https://arseniev.org/press/v-moskve-proshyol-pervyj-popechitelskij-sovet-muzeya-arseneva/> (дата обращения: 29.07.2025).

© Селезнева Софья Евгеньевна (sel1002@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

Бузыканова Екатерина Вячеславовна
Аспирант, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
kate.buzykanova@yandex.ru

SOCIAL ENGINEERING: A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON OF MODERNITY

E. Buzykanova

Summary: Social engineering is a set of methods of influence based on exploiting the vulnerabilities of the human psyche. Its essence lies in the use of various techniques and manipulations to obtain valuable information and resources. In the modern world, information technology is developing at a tremendous pace, which is why the importance of social engineering, including as one of the methods of cybercrime, is increasing. Understanding the mechanisms of human impact and ways to protect against such attacks is becoming one of the key aspects of ensuring information security. This article is devoted to the study of an interdisciplinary phenomenon from a psychological point of view, considering the features of a set of methods.

Keywords: social engineering, cyber psychology, cybersecurity, manipulation, psychology of influence.

Аннотация: Социальная инженерия — это совокупность методов воздействия, основанных на использовании уязвимых мест человеческой психики. Ее суть заключается в использовании различных техник и манипуляций с целью получения ценной информации и ресурсов. В современном мире информационные технологии развиваются огромными темпами, именно поэтому возрастает значение социальной инженерии, используемого в том числе в рамках киберпреступности. Понимание механизмов воздействия человека и способов защиты от подобных атак становится одним из ключевых аспектов обеспечения информационной безопасности. Данная статья посвящена изучению междисциплинарного феномена с психологической точки зрения, рассмотрению его характерных особенностей.

Ключевые слова: социальная инженерия, киберпсихология, кибербезопасность, манипуляция, психология влияния.

Впервые словосочетание «социальный инженер» было употреблено британским экономистом Дж. Греем в 1842 году в труде под названием «Верное средство против бедствий народов» в значении группы людей, знающих, как исправить существующие проблемы общества. Изначально термин «социальная инженерия» употреблялся в контексте экономики, философии, прикладной социологии такими деятелями как Т. Веблен, Джейн Аддамс, Дж. С. Дэвис, Р. Паунд, С. и Б. Веббы, М. Истмен, К. Поппер и др. [7; 18].

Как можно заметить, рассматриваемое нами понятие приобрело несколько иное значение нежели в классической социологии. В 1984 году в издании «2600: Ежеквартальный журнал "Хакер"» некий аноним выпустил статью, посвященную фрикингу, в которой употребил термин «социальная инженерия» в значении убеждения кого-либо выдать некоторую информацию. После этого понятие периодически стало появляться в журналах, связанных с хакерством, именно в данном значении [7]. Согласно Оксфордскому словарю, термин «социальная инженерия» («social engineering») имеет два различных толкования:

1. «попытка изменить общество и решить социальные проблемы в соответствии с определенными

политическими убеждениями, например, путем изменения закона»;

2. «акт намеренного принуждения кого-либо поверить во что-то, что не является правдой, с целью предоставления личной информации, которая может быть использована для его обмана (используется в связи с компьютерной безопасностью) [13].

В современном поле понятие определяют по-разному. Феномен является междисциплинарным предметом и исследуется в различных областях научного знания, таких как социология, экономика, юриспруденция, криминалистика, психология, компьютерные науки. Некоторые авторы указывают, что социальная инженерия – это искусство заставлять других делать то, что нужно тебе, искусство добычи конфиденциальной информации [10; 17]. Т. Грининг определяет термин как «метод получения паролей с помощью социальных механизмов» [5]. Социальная инженерия подразумевает механизмы манипулирования, психологического давления на человека, поиска его слабостей для сбора информации [2; 20]. В. Суворова и Л. Суворова выделяют три характеристики социальной инженерии: использование компьютерных технологий, стремление получить информацию, влия-

ние на уязвимые места в психике человека [21].

Таким образом, дадим обобщенное определение понятию «социальная инженерия». Социальная инженерия – совокупность методов получения информации преимущественно с использованием компьютерных технологий посредством преднамеренного психологического воздействия на уязвимости личности.

Социальная инженерия как совокупность методов

Существует множество способов установления контактов социальных инженеров с человеком. Электронная почта, социальные сети, мобильная связь, различные сайты, облачные сервисы – одни из наиболее популярных каналов воздействия [9].

Социальная инженерия как метод реализуется в нескольких последовательных этапах. К. Митник описал так называемый цикл атаки социальной инженерии, являющийся наиболее распространенной моделью. Цикл состоит из 4-х стадий:

1. исследование: сбор всей необходимой информации о человеке (объекте атаки);
2. создание раппорта и обретение доверия: может быть осуществлено с помощью упоминаний знакомых лиц, конфиденциальной информации и т. д.;
3. пользование доверием: просьба выполнить необходимое инженеру действие, манипулирование человеком;
4. использование: получение желаемого [17].

С внедрением инноваций в компьютерных областях наиболее уязвимым звеном в обмене информацией становится человек. Социальные инженеры используют различные техники воздействия ради совершения хищения в своих интересах [8; 19; 22]. Ниамсурен и Чой были одними из первых, кто указал на критически важную роль человека в защите информации. По их мнению, фокус исключительно на техническом аспекте не является достаточным для гарантирования безопасности [11]. На данный момент исследователи выделяют два основных типа социальной инженерии: «технологический взлом» и «атака на человека». «Технологический взлом» подразумевает обман через создание ложных представлений об интеракции с компьютерными ресурсами, к примеру, получение доступа к серверу посредством активации жертвой фишинговой ссылки. «Атака на человека» строится на межличностном взаимодействии инженера с объектом атаки и включает в себя различные манипулятивные техники [1; 4].

Важно уточнить, что некоторые техники социальной инженерии помимо злоумышленников использу-

ют люди разных профессий: «белые» хакеры, шпионы, HR-специалисты, специалисты по продажам, юристы, управленцы и даже психологи [6]. Более того, существует определенная этика при использовании методов не в деструктивных целях, основанная на максимально, насколько это возможно, уважительном отношении к человеку и соблюдении законов [15].

Существуют разные виды осуществления социальной инженерии с технической точки зрения. В современной криминалистике выделяют следующие как основные:

1. Фишинг (с англ. «ловля рыбы») – распространение вредоносных ссылок или вложений якобы доверенным лицом или организацией. Является одним из первых появившихся методов и до сих пор несет наибольшую угрозу безопасности.
2. Претекстинг – воздействие на объект по четкому заранее спланированному алгоритму из небольших последовательных шагов. Зачастую осуществляется с использованием мобильных звонков.
3. Троянский конь – автоматически устанавливаемое вредоносное приложение после открытия безобидных на первый взгляд файлов или приложений.
4. «Quid pro quo» (услуга за услугу) – вымогание информации/активов в обмен на осуществление услуги либо ради мнимой благой цели.
5. Вишинг – разновидность фишинга с использованием голосовой коммуникации с объектом (звонки или голосовое сообщение).
6. «Дорожное яблоко» или приманка – подбрасывание информационного накопителя с вредоносной программой сотрудникам компании под видом интересующей их информации [19; 22; 24].

Кроме вышеперечисленных методов социальные инженеры используют множество других способов получения данных. М. Янгаева также выделяет такие техники, как «вымогатель», то есть зашифровку важной информации с целью требования выкупа, и обратную социальную инженерию, смыслом которой является создание ситуации для добровольного обращения человека к социальным инженерам [24]. Дж. Грей отмечает вейлинг, означающий фишинг высокопоставленных членов организации, и анализ содержимого мусорных баков компании в качестве не менее эффективных методов сбора информации [15]. К. Кромбольц и коллеги среди иных техник социальной инженерии выделяют «серфинг через плечо», подразумевающий получение необходимых данных путем подглядывания в экран, байтинг, то есть размещение интересующих человека вредоносных ссылок на видном месте или в виде всплывающих окон, создание фейковых профилей, мобильных приложений, рассылку спам-сообщений [9].

Психологические особенности феномена социальной инженерии

Психология влияния играет ключевую роль в использовании метода социальной инженерии. Р. Чалдини выделил 6 фундаментальных принципов социального поведения, которые в той или иной ситуации подталкивают человека принять определенное решение:

1. Принцип последовательности – взяв на себя некое обязательство, человеку трудно от него отказаться, поскольку оно представляет из себя определенную точку опоры.
2. Принцип социального доказательства – подражание другим является одним из способов побороть неуверенность в собственных действиях за счет следования принципу сходства.
3. Принцип взаимного обмена – человек старается «отплатить» за предоставленное другим, а также предоставить некую компенсацию, прежде чем что-то приобрести.
4. Принцип дефицита – наименьшая доступность несет наибольшую ценность.
5. Принцип авторитета – людям свойственно подчиняться, кроме того, существует некий автоматизм реагировать на символы авторитета (статус).
6. Принцип благорасположения – склонность соглашаться со знакомыми и с привлекательными людьми.

Личный материальный интерес автор рассматривает как аксиому. Кроме того, уже тогда автор акцентирует внимание на ежедневном поступлении значительного массива информации, что сокращает внимательность и, как следствие, время на принятие решения [23].

М. Безиденаут и коллеги выделяют 7 уязвимостей, на которые воздействует социальный инженер, чтобы добиться желаемого результата: вызов сильного аффекта, когнитивная перегрузка, взаимность (теория социального обмена), построение взаимоотношений, диффузия ответственности и взывание к моральному долгу, влияние авторитета, стремление довести дело до конца и последовательность в деятельности. Однако авторы подчеркивают, что процесс принятия решения является комплексным многофакторным феноменом с уникальной реализацией. В рамках теории субъективной ожидаемой полезности, предложенной Л. Сэвиджем, люди склонны полноценно оценивать риски и вероятные выгоды перед вынесением окончательного решения, опираясь не только на существующую систему ценностей, но и на ситуационные факторы. В ситуации ограниченного времени некоторым людям особенно трудно принять самостоятельное взвешенное решение, что делает их уязвимыми перед социальным инженером [2]. Другие

исследователи также отмечают, что податливости объекта социальной инженерии способствует авторитет инженера, личная симпатия, ощущение дефицита или уникальности предложения, постоянство и последовательность в действиях, ощущение взаимности, социально валидная просьба инженера [3; 10; 14].

Социальные инженеры широко используют различные манипуляции для достижения своих целей. По мнению К. Хэднеги любые манипуляции в социальной инженерии могут быть как негативными, то есть ведущими к ухудшению состояния объекта и оставления его в нем, так и позитивными, когда объект может с помощью инженера или самостоятельно справиться с последствиями атаки (например, зачастую родители так воздействуют на своих детей). Манипулирование сводится к следующим процессам:

1. Повышение уровня внушаемости объекта, например, с помощью НЛП, научения (формирование связи между внешним стимулом и желаемой эмоцией объекта), использования невербальных характеристик (определенные позы, цвета в одежде и т. д.), многократного повторения одной и той же идеи, введения в состояние стресса или возбуждения.
2. Контроль окружающей объект среды за счет изменения его окружения или воздействия на саму обстановку.
3. Принуждение пересмотреть ценности заключается в убеждении жертвы усомниться в собственных взглядах. Социальные инженеры используют технику как ловушку, окружая подобные просьбы или утверждения нейтральными и безобидными. Данная техника может иметь крайне негативные последствия, часто используется сектами для привлечения жертв в культ.
4. Внушение беспомощности за счет властного поведения или создания иллюзии острой нужды/дефицита времени.
5. Унижения и внушение чувства вины, которые объект будет пытаться преодолеть для возвращения своей репутации и повышения значимости в глазах социального инженера.
6. Запугивание объекта негативными последствиями, угрожающим видом [6].

Социальная инженерия использует такие практические направления психологии, как нейролингвистическое программирование (НЛП), транзактный и скриптовый анализы. Транзактный и скриптовый (сценарный) анализы были предложены психологом Э. Берном и часто используются специалистами в области убеждения. С помощью техник транзактного анализа социальные инженеры устанавливают параллельные транзакции с объ-

ектом, погружающие его в нужное состояние (например, в позицию ребенка, которому сложно сопротивляться родителю). Техники сценарного перепрограммирования выступают средством вскрытия или навязывания объекту определенных установок, помогающих им управлять [16]. Нейролингвистическое программирование было разработано Р. Бандлером и Дж. Гриндером в 1970-х годах как модель психотерапии. Далее НЛП стало широко использоваться в иных областях практической направленности, в том числе в социальной инженерии, как эффективный способ влияния на человека. Техника подстройки, техника якорения, определенная лексика, построение фразы, паравербальные характеристики – все это помогает социальному инженеру добиться желаемого [6; 16].

Выводы

Социальная инженерия – комплексный метод коммуникации, граничащий с искусством, используемый для влияния на человека с целью получения желаемого, будь то информация, действие или какой-либо объект. Социальные инженеры используют множество различных техник, как в сфере компьютерных технологий, так и психологического плана. В современной реальности данный феномен имеет мультидисциплинарный контекст, осложняющийся его использованием во множестве сфер, как бытовых, профессиональных, так и криминальных. Профилактика и предотвращение подобных правонарушений видится важным направлением развития научного и практического знания разных областей науки, в том числе психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abass I. Social Engineering Threat and Defense: A Literature Survey // Journal of Information Security, 2008. V. 9. Pp. 257-264.
2. Bezuidenhout M., Mouton F., Venter H. S. Social engineering attack detection model: SEADM // Information Security for South Africa, 2010. Pp. 1-8.
3. Bullée J.-WH., Montoya L., Pieters W., Junger M., Hartel P. On the anatomy of social engineering attacks – A literature-based dissection of successful attacks // J. Investig. Psychol. Offender Profil., 2018. V. 15. Pp. 20–45.
4. Foozy F. M., Ahmad R., Abdollah M. F., Yusof R., Mas'ud M. Z. Generic taxonomy of social engineering attack // Malaysian Technical Universities International Conference on Engineering & Technology, 2011. Pp. 1-7.
5. Greening, T. Ask and ye shall receive: a study in "social engineering" // SIGSAC Rev., 1996. V. 14(2). Pp. 8–14.
6. Hadnagy C., Wilson P. Social Engineering: The Art of Human Hacking. John Wiley & Sons, 2010. 416 p.
7. Hatfield J. M., Social engineering in cybersecurity: The evolution of a concept // Computers & Security, 2018. V. 73. Pp. 102-113.
8. Huber M., Kowalski S., Nohlberg M., Tjoa S. Towards Automating Social Engineering Using Social Networking Sites // 12th IEEE International Conference on Computational Science and Engineering, 2009. V. 3. Pp. 117-124.
9. Krombholz K., Hobel H., Huber M., Weippl E. Advanced social engineering attacks // Journal of Information Security and Applications, 2015. V. 22. Pp. 113-122.
10. Mouton F., Leenen L., Venter H.S. Social engineering attack examples, templates and scenarios // Computers & Security, 2016. V. 59. Pp. 186-209.
11. Nyamsuren E., Choi H.-J. Preventing Social Engineering in Ubiquitous Environment // Future Generation Communication and Networking, 2007. Pp. 573-577.
12. Orth M. For Whom Ma Bell Tolls Not [Электронный ресурс] / Los Angeles Times, October 1971. Режим доступа: <http://historyofphonephreaking.org/docs/orth1971.pdf>.
13. Social engineering [Электронный ресурс]. Oxford Learner's Dictionaries, 2024. Режим доступа: <https://clck.ru/3F9mdA>.
14. Uebelacker, S., Quiel, S. The Social Engineering Personality Framework // Workshop on Socio-Technical Aspects in Security and Trust, 2014. Pp. 24-30. doi: 10.1109/STAST.2014.12.
15. Грей Дж. Социальная инженерия и этичный хакинг на практике. / Пер. с англ. В.С. Яценкова. М.: ДМК Пресс, 2023. 226 с.: ил.
16. Кузнецов М.В. Социальная инженерия и социальные хакеры. БХВ-Петербург, 2007. 368 С.
17. Митник К., Саймон В. Искусство обмана. / Пер. с англ.: А. Груздев, А. Семенов. Компания АйТи, 2004. 360 с.
18. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
19. Сиротин В.П., Архипова М.Ю., Куликова С.В. и др. Социальная инженерия и информационная безопасность / Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Эдитус", 2023. 264 с.
20. Старостенко Н., Старостенко О. Криминалистическая характеристика способов мошенничества, совершенного с использованием методов социальной инженерии // Проблемы правовой и технической защиты информации, 2020. № 8. С. 107-110.
21. Суворова В.В. Совершение преступлений с использованием социальной инженерии: постановка проблемы / В.В. Суворова, Л.А. Суворова // Теория и практика приоритетных научных исследований: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Смоленск, 13 августа 2019 года. – Смоленск: МНИЦ «Наукосфера», 2019. – С. 71-74.
22. Унукович А.С. Социальная инженерия и кибербезопасность: виктимологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2021. №3 (86).
23. Чалдини Р. Психология влияния / Пер. с англ.: Е. Волкова, И. Волкова. СПб: Издательство «Питер», 2000. 271 с.: ил.

24. Янгаева М.О. Социальная инженерия как способ совершения киберпреступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России, 2021. №1 (42). С. 133-138.

© Бузыкканова Екатерина Вячеславовна (kate.buzykanova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЙРОБИОУПРАВЛЕНИЕ В КОРРЕКЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЕТСКИХ ПСИХОТРАВМ: РОЛЬ АЛЬФА-РИТМА В СНИЖЕНИИ СТРАХА И ВОССТАНОВЛЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БАЛАНСА

Кушалиева Бибигуль Сайфиденовна

Независимый исследователь

bkushalieva@mail.ru

NEUROFEEDBACK IN THE REMEDIATION OF CONSEQUENCES OF CHILDHOOD PSYCHOTRAUMA: THE ROLE OF ALPHA RHYTHM IN FEAR REDUCTION AND RESTORATION OF EMOTIONAL BALANCE

B. Kushalieva

Summary: This study investigates the efficacy of alpha-neurofeedback training in mitigating the long-term effects of childhood trauma manifesting as uncontrolled fear and anxiety related to emotional dysregulation. Thirty volunteers aged 30 to 45, without pre-existing severe psychiatric conditions, participated in the study. The sample was stratified based on trauma type: physical abuse, emotional abuse, and combined trauma. Following ten alpha-neurofeedback sessions utilizing a 6-channel EEG system, a moderate increase in alpha power (15-20%) and a decrease in the theta-beta ratio (over 10%) were observed, correlating with improved psycho-emotional state. Results indicated a clinically significant reduction in anxiety symptoms, with correlational analysis revealing a strong association between increased alpha activity and symptom reduction. The highest efficacy was observed in participants with a history of emotional abuse. Limitations of this study include the absence of a control group and a short follow-up period.

Keywords: neurofeedback, panic attacks, anxiety, emotional balance, childhood trauma, EEG biofeedback, emotional regulation, alpha rhythm.

Аннотация: в рамках текущей статьи осуществляется исследование, посвящённое изучению тематики эффективного нейробиоуправления на основе альфа-тренинга в коррекции последствий детских психотравм, проявляющихся в виде неконтролируемых приступов страха, тревожности, происходящих на фоне эмоциональной дисрегуляции. Для повышения достоверности получаемых сведений к проведению исследования были привлечены 30 добровольцев, в возрасте от 30 до 45 лет, у которых не фиксировалось каких-либо серьёзных патологий психики. Вся выборка участников была разделена на подгруппы по типу травмы, в частности физическое и эмоциональное насилие, а также комплексные случаи. В ходе 10 сеансов альфа-тренинга с использованием 6-канальной ЭЭГ-системы наблюдалось умеренное усиление мощности альфа-ритма (в диапазоне 15-20%) и снижение тета-бета индекса (более чем на 10%), что коррелировало с улучшением психоэмоционального состояния. Полученные результаты показали клинически значимое снижение симптомов тревоги, а корреляционный анализ подтвердил сильную связь между приростом альфа-активности и уменьшением симптоматики. Наибольшая эффективность отмечена у пациентов с эмоциональным насилием в анамнезе. В качестве ограничений исследования отмечается отсутствие контрольной группы и короткий катамнез.

Ключевые слова: нейробиоуправление, приступы страха, чувство тревожности, эмоциональный баланс, детские психотравмы, ЭЭГ-биоуправление, эмоциональная регуляция, альфа-ритм.

Введение

Распространённость и выраженность долгосрочных последствий, проистекающих из различных психотравм, полученных людьми в детском возрасте, которые проявляются на фоне высоких уровней тревожности и эмоциональной дисрегуляции, приобретают особую остроту в контексте их частой резистентности к общепринятым медикаментозным терапевтическим подходам. Данное обстоятельство не только подчёркивает актуальность применения методов углублённого изучения этой проблематики, но и позволяет позиционировать её в качестве одного из серьёзных вызовов общественному здоровью. В частности, за счёт сопряжения со значительными медико-социальными последствиями [2, 4, 8, 10, 11].

Ключевым нейрофизиологическим маркером нали-

чия эмоциональной дисфункции выступает показатель альфа-ритма, который, в норме, колеблется в диапазоне от 8 до 13 Гц. Тут необходимо подчеркнуть, что его ослабление, то есть, когда частота падает ниже 8 Гц, коррелирует с гиперактивностью отдельных участков человеческого мозга, что провоцирует нарушение волевого контроля над испытываемыми человеком тревогой или страхом [5, 7, 14, 16]. В этом контексте метод нейробиоуправления (далее по тексту НБУ), посредством альфа-тренинга, предлагает перспективный, патогенетически обоснованный, подход. В его рамках, у человека возникает возможность целенаправленно модулировать собственную мозговую активность, что даёт возможность восстановить механизмы саморегуляции [9, 13, 15, 16, 17].

Цель проведения текущего исследования заключается в необходимости аналитической оценки терапев-

тического потенциала НБУ на основе альфа-тренинга в вопросах связанных с коррекцией последствий детских психотравм, при этом основной фокус делается на его влиянии на снижение страха и восстановление эмоционального баланса. При этом основная гипотеза нашего исследования заключается в том, что усиление активности альфа-ритмов будет заметно коррелировать со снижением симптоматики.

Методы

В процессе подготовки к исследованию было принято решение о создании группы из 30 человек, в возрасте 30-45 лет, жизненный опыт которых был омрачен наличием детских психотравм различной природы, в частности физическим или эмоциональным насилием, а также их совокупностью. Все привлеченные участники не страдали какими-либо расстройствами психической природы.

Демографическая и клиническая характеристика выборки, включая стратификацию на подгруппы по преобладающему типу полученной в детстве травмы (физическое насилие – 32%, эмоциональное – 48%, комплексные – 20%), нашла своё отражение в таблице 1.

В рамках практической реализации запланированного альфа-тренинга использовалась 6-канальная ЭЭГ-система для альфа-тренинга, [3], где в качестве мишени выступало усиление альфа-ритма до 8-13 Гц в отведениях О1/О2. Разработанный протокол подразумевал проведение 10-ти однотипных сеансов, с периодичностью 3 раза в неделю и длительностью в пределах получаса, с визуальной и аудиальной обратной связью.

В качестве основных критериев оценки как до, так и после прохождения курса, использовался следующий ряд показателей:

- ЭЭГ, для замеров мощности альфа-ритма (мкВ^2 , О1/О2, состояние Eyes Closed), в том числе тета-бета индекс.
- Психометрика, для исключения двусмысленности, осуществлялась посредством использования 2х шкал, SUDS и HADS, по показателям страха и тревожности соответственно.
- Для контроля неспецифических эффектов, к примеру, плацебо, учитывались данные аналогичных исследований [12].

В качестве дополнительных мероприятий анализировались данные КГР и структурированных интервью, в том числе 3 репрезентативных кейс-стади, наглядно демонстрирующих быстрый, постепенный, а также резистентный ответ на полученную терапию.

Все полученные в процессе исследования данные обрабатывались в SPSS 26 и Python (SciPy). Кроме того, для

зависимых выборок применялся t-критерий Стьюдента, а также корреляционный анализ Пирсона и ROC-анализ для определения пороговых значений альфа-мощности. Допустимый уровень значимости был принят как $p < 0,05$.

Результаты

Анализ электроэнцефалографических данных выявил статистически значимые позитивные изменения в паттернах мозговой активности участников после завершения 10-сеансового курса альфа-тренинга. Основным фокусом проводимого нами тренинга являлось усиление мощности альфа-ритма, и результаты подтвердили достижение этой цели. Зафиксирован выраженный рост средней мощности альфа-ритма в затылочных отведениях (О1/О2) до 20%, увеличившись с исходных $5,8 \text{ мкВ}^2$ до $6,9 \text{ мкВ}^2$ к моменту завершения курса ($p < 0,001$). Такая динамика свидетельствует о способности пациентов произвольно модулировать целевой параметр ЭЭГ под воздействием БОС-тренинга.

Одновременно с этим наблюдалось статистически значимое снижение тета-бета индекса на 10,7%, с 3,1 до 2,7 ($p = 0,003$). Уменьшение этого показателя, часто рассматриваемого как маркер соотношения процессов коркового возбуждения и торможения, указывает на сдвиг в сторону большей сбалансированности корковой активности и снижения уровня неспецифической активации, характерной для состояний, при которых человек испытывает страх или тревогу.

Более детальное рассмотрение поэтапной динамики этих электрофизиологических маркеров на протяжении всего курса позволяет проследить траекторию изменений от сеанса к сеансу. Анализ данных, зарегистрированных на контрольных точках, в частности исходный уровень, после 5-го и 10-го сеансов, демонстрирует постепенное, но неуклонное нарастание мощности альфа-ритма и сопутствующее снижение тета-бета индекса, что нашло своё отражение в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, уже к 5-му сеансу отмечается статистически значимый прирост мощности альфа-ритма (с $5,8 \pm 1,2 \text{ мкВ}^2$ до $6,3 \pm 1,5 \text{ мкВ}^2$), что указывает на относительно быстрое освоение навыка саморегуляции большинством привлечённых к участию в исследовании пациентов. Эта тенденция не только сохранялась, но и усиливалась к завершению курса.

Параллельно с объективными изменениями в ЭЭГ, анализ психометрических данных продемонстрировал существенное улучшение субъективного состояния пациентов. Оценка по шкалам HADS и SUDS, проведённая до начала и после завершения курса тренинга, выявила клинически и статистически значимое снижение уров-

Таблица 1.

Исходная характеристика участников исследования.

Параметр	Подгруппа 1 (n=10)	Подгруппа 2 (n=15)	Подгруппа 3 (n=5)	В целом по выборке (n=30)
Возраст (лет)	38.2±4.5	36.8±5.1	39.1±4.8	37.4±4.9
Женщины/мужчины	6/4	11/4	3/2	20/10
Длительность проявления симптоматики (мес)	28.5±10.2	32.1±12.4*	30.8±11.7	30.3±11.5
Исходный HADS – тревога	15.3±2.9	14.8±3.1	16.5±3.4*	15.2±3.1
Исходный SUDS – страх	6.5±1.3	6.8±1.1	7.0±1.4	6.7±1.2
Исходная альфа-мощность (мкВ ²)	5.1±0.9	5.4±1.0	4.8±0.8*	5.2±0.9

* показатели, достоверно отличающиеся между подгруппами ($p < 0.05$, ANOVA с поправкой Бонферрони).

Таблица 2.

Динамика показателей.

Параметр	Исходный (M±SD)	5 сеанс (M±SD)	10 сеанс (M±SD)	Δ%	p-value
Мощность альфа-ритма (мкВ ²)	5,8±1,2	6,3±1,5	6,9±1,5	+19	<0,001
HADS-тревога	17,9±3,4	—	9,8±2,7	-45	
SUDS (страх)	7,2±1,5	—	3,1±1,2	-57	
Тета-бета индекс	3,1±0,8	2,9±0,7	2,7±0,6	-13	0,003

ней тревожности, что так же нашло своё отражение в таблице 2. Как видно из соответствующих показателей, после завершения запланированных тренингом сеансов, наблюдалось выраженное снижение среднего балла тревожности, равно как и приступов необоснованного страха, которые также продемонстрировали позитивную динамику.

Проведённый корреляционный анализ выявил наличие сильной отрицательной взаимосвязи между постепенным приростом мощности альфа-ритма и снижением суммарного балла по шкалам SUDS и HADS, что отлично демонстрируется показателями $r = -0,71$ и $r = -0,68$ соответственно, при общем значении $p < 0,01$. Это указывает на то, что чем успешнее пациенты овладевали навыком усиления мозговой альфа-активности, тем более выраженным было снижение тревожной симптоматики, что напрямую подтверждает патогенетическую значимость подобных тренингов.

Для иллюстрации индивидуальных траекторий терапевтического ответа и разнообразия клинической динамики представляется целесообразным проанализировать три репрезентативных случая:

Случай 1 — быстрая реакция на терапию.

Пациент М., 32 года, с анамнезом физического насилия в детстве. Демонстрировал быстрое улучшение. Так, уже к 6-му сеансу мощность его альфа-ритма увеличилась на 22%. Итоговое тестирование по шкалам SUDS и HADS показало очевидный прогресс, выраженный

снижением первоначальных показателей на 62% и 44%. Кроме того, по данным дневника самонаблюдения, фиксировалось полное исчезновение ранее мучивших его ночных кошмаров.

Случай 2 — постепенная динамика.

Пациентка С., 35 лет, с последствиями эмоционального насилия. К 8-му сеансу мощность альфа-ритма возросла на 15%, с устойчивым прогрессом к 10-му сеансу (+24%). Итоговое тестирование по шкалам SUDS и HADS показало хоть и столь высокий как в первом случае, но явный прогресс, выраженный снижением первоначальных показателей на 41% и 43%. В дневнике самонаблюдения была сделана запись об уменьшении частоты немотивированных приступов страха с 3-4 до 1-2 раз в неделю.

Случай 3 — устойчивый, слабо реагирующий вариант.

Пациентка Ж., 40 лет, с комплексной детской травмой. К 10-му сеансу мощность альфа-ритма возросла незначительно, лишь на 12%. Итоговое тестирование по шкалам SUDS и HADS показало минимальный прогресс, выраженный снижением первоначальных показателей всего на 15% и 12% соответственно. В дневнике самонаблюдения было отмечено, что временами ей кажется будто она стала чуть спокойнее, но принципиальной разницы почти незаметно, поскольку тревожность возвращается с прежней силой.

Все вышеописанные кейсы подчёркивают не только гетерогенность ответа на альфа-тренинг, но и необходимость индивидуализированного подхода к длительности и интенсивности терапии, особенно у пациентов с комплексными и тяжёлыми психотравмами.

Обсуждение

Полученные нами результаты подтверждают терапевтический потенциал НБУ при решении задач связанных с коррекцией последствий полученных в детстве травм психологической природы, указывая на альфа-ритм как на ключевое нейрофизиологическое звено, соответствующая модуляция которого улучшает общее психоэмоциональное состояние [1, 7, 16].

В качестве центрального вывода следует обозначить подтверждение выдвинутой гипотезы о терапевтической роли усиления альфа-ритма. Это согласуется с некоторыми данными других исследователей о роли таламокортикальных сетей в процессах эмоциональной регуляции, где усиление альфа-активности, вероятно, восстанавливает тормозной контроль над отдельными лимбическими структурами [7, 14, 16].

Примечательно, что регресс тревожной симптоматики был более выражен у тех, кто пережил эмоциональное насилие. Это наблюдение требует дальнейшего изучения, но может указывать на особую чувствительность последствий эмоциональных травм к модуляции альфа-ритма, возможно, из-за их более глубокого влияния на корково-лимбические системы, связанные с самооценкой и эмоциональной регуляцией [2, 6, 8, 11].

Полученные результаты в целом согласуются с данными доступных мета-анализов и МРТ-исследований, подтверждающих эффективность схожих курсов НБУ и связь альфа-активности с модуляцией лимбической системы при наличии психотравм получаемых в детстве. Отдельного внимания заслуживает показатель низкой восприимчивости стандартного курса, который оказался равен 12-15%, по использованным оценочным шкалам, что указывает на однозначную необходимость пролонгации курса альфа-тренингов [9, 13, 15, 17]. Это вносит определённый нюанс в существующие данные, особенно для исследований, при осуществлении которых используются выборки мелкого масштаба, как правило <100, и дополнительно подчёркивает важность персонализированных подходов.

Для сохранения объективности следует отметить следующий ряд ограничений текущего исследования:

— Не было проведено параллельное изучение по-

казателей контрольной группы, что не позволяет полностью исключить эффект плацебо или допустить естественное изменение отдельных показателей.

— Полностью отсутствует катамнез, поскольку оценка проводилась только в процессе и сразу после завершения терапии, что не позволяет объективно оценить устойчивость эффекта в долгосрочной перспективе.

В качестве обобщения можно добавить, что полученные данные не только подтверждают клиническую значимость альфа-тренинга, особенно в случаях эмоциональных травм, и целесообразность мониторинга ЭЭГ-биомаркеров, но и указывают на необходимость дальнейшего углублённого изучения связанных с ним процессов. Кроме того, следует проводить рандомизированные контролируемые исследования для более строгой и детальной оценки эффективности курсов в отношении симптоматики различных типов, а также осуществить интеграцию нейрофизиологических маркеров в алгоритмы диагностики и подбора терапии. Это позволит не только укрепить доказательную базу метода, но и существенно усовершенствовать подходы к оказанию помощи всем нуждающимся.

Заключение

Проведённое исследование убедительно демонстрирует терапевтическую состоятельность НБУ, основанного на альфа-тренинге, при решении задач связанных с коррекцией последствий детских психотравм. Полученные данные свидетельствуют о том, что целенаправленная модуляция альфа-ритма способна запустить каскад позитивных изменений, приводящих к существенному улучшению психоэмоционального состояния.

Перспективы дальнейшего развития метода видятся в синергетической интеграции альфа-терапии с когнитивно-поведенческими техниками, а также в разработке алгоритмов на базе ИИ для создания адаптивных, индивидуализированных протоколов НБУ.

Учитывая доказанную эффективность и патогенетическую обоснованность, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о включении альфа-тренинга в стандартные клинические рекомендации по коррекции приступов немотивированного страха и тревожности у людей, нуждающихся в восстановлении нарушенного психоэмоционального фона, что позволит расширить арсенал доступных и действенных инструментов помощи данной категории пациентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банаян, А.А. Методы аппаратной диагностики стресса и адаптации / А.А. Банаян, Я.В. Голуб // Биология и интегративная медицина. – 2024. – № 3(68). – С. 43-56. – EDN GZDXSC.
2. Безверхова, М.А. Психологические детские травмы и их влияние на взрослую жизнь / М.А. Безверхова, А.С. Самарина // Молодёжь Сибири - науке России: Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 24 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2024. – С. 37-41. – EDN AMBNXG.
3. Бубеев, Ю.А. Современные Инструментальные средства психофизиологической диагностики и коррекции / Ю.А. Бубеев, А.В. Иванов, С.В. Квасовец // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2021. – № 2(42). – С. 146-152. – EDN AWIXPU.
4. Волоскова Н.Н., Углунц Я.В., Филимонова Е.В. Сравнительный анализ типов привязанности взрослых, детерминированных факторами травматизации в детском возрасте // Гуманитарные науки. – 2024. – № 3 (67). – С. 95-100.
5. Зорина И.Г., Шмакова К.А. Практический опыт применения электроэнцефалографии в диагностике нервно-психических нарушений // наука, общество, технологии: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире. – 2022. – С. 317-338.
6. Кадыров Р.В., Венгер В.В. Психологические последствия ранней детской травмы: обзор зарубежных исследований // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2021. – С. 25-33.
7. Куликов, В.Ю. Спектральная мощность альфа-ритма у умеренно и высокотревожных практически здоровых студентов / В.Ю. Куликов, Л.К. Антропова // Сибирский медицинский вестник. – 2020. – № 4. – С. 55-62. – EDN NHEUHN.
8. Лолаева А.С., Худалова М.З. Влияние детской психологической травмы на взрослую жизнь // Психолог. – 2024. – № 2. – С. 33-48.
9. Милькаманович В.К. БОС-терапия как метод самоконтроля биологических функций организма в реабилитации при психических и неврологических расстройствах. – 2021.
10. Нардонэ, Д. Страх, паника, фобия: краткосрочная терапия / Д. Нардонэ; Дж. Нардонэ; предисл. П. Вацлавика; введ. Алессандро Сальвини. – Москва: Психотерапия, 2008. – (Золотой фонд психотерапии). – ISBN 978-5-903182-48-0. – EDN QXUABT.
11. Пушкина, К.В. Влияние детских психологических травм на формирование личности взрослого человека: психологические и нейробиологические аспекты / К.В. Пушкина, Р.Э. Евстафьева, Е.Н. Чувайкина // Психология сегодня: от теории к практике : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ульяновск, 23 апреля 2024 года. – Чебоксары: ООО "Издательский дом "Среда", 2024. – С. 138-142. – EDN XSZFBW.
12. Селиверстова Н.А., Моховикова И.А. Опыт использования сенсорной импульсной стимуляции у больных с паническими атаками // bulletin of psychotherapy. – С. 47.
13. Федотчев А.И. Методы адаптивной нейростимуляции с обратной связью: особенности, достижения и перспективы развития // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. – 2023. – Т. 109. – № 9. – С. 1151-1166.
14. Шубринг Д., Шупп Х.Т. Эмоции и мозговые колебания: высокое возбуждение связано со снижением мощности альфа- и нижнего бета-диапазона // Кора головного мозга. – 2021. – Т. 31. – № 3. – С. 1597-1608.
15. Kostenko E.V. et al. Psychophysiological technologies using the biofeedback method: an analytical review // Bulletin of Rehabilitation Medicine. – 2024. – Т. 23. – № 3. – С. 77-91.
16. Gosselin F. et al. Alpha activity neuromodulation induced by individual alpha-based neurofeedback learning in ecological context: a double-blind randomized study // Scientific reports. – 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 18489.
17. Tolin D. F. et al. Biofeedback and neurofeedback for anxiety disorders: a quantitative and qualitative systematic review // anxiety disorders: Rethinking and understanding recent discoveries. – 2020. – С. 265-289.

© Кушалиева Бибигуль Сайфиденовна (bkushalieva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ УРОВНЕЙ И СТАДИЙ ИНФАНТИЛИЗМА С ПОМОЩЬЮ КИНЕЗИОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ЖЕНЩИН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Лукичева Марина Александровна,

Российский государственный
профессионально-педагогический университет,
г. Екатеринбург
blagorodica@mail.ru

METHODOLOGY FOR IDENTIFYING THE LEVELS AND STAGES OF INFANTILISM USING KINESIOLOGY ON THE EXAMPLE OF MIDDLE-AGED WOMEN

M. Lukicheva

Summary: Infantilism, considered as a delay or regression in the development of personality, manifested in immature judgments, emotional instability and dependence on external circumstances, is a significant problem in modern psychology and sociology.

The research goal is to test the methodology for identifying the levels and stages of infantilism in middle-aged women using kinesiological diagnostics.

The following objectives were solved in the study: a theoretical analysis of scientific literature on the topic under study was carried out; determination of psychological and physiological markers of infantilism through kinesiological testing; development of a protocol for the kinesiological diagnosis of infantilism in middle-aged women (muscle tests, criteria); empirical assessment of the validity and reliability of the methodology; comparison of kinesiological diagnostics with psychological methods (questionnaires, projective tests); Identification of applications in clinical practice and counseling.

In the paper the following methods were used: analysis of scientific literature on the problem of infantilism; the main approaches to kinesiological diagnostics are considered; specific muscle tests based on existing clinical experience are considered; the parameters of psychological testing are considered.

Based on the results, the conclusions were formulated: kinesiological methods represent a promising approach to identifying and assessing the degree of infantilism in middle-aged women, providing an objective and non-invasive assessment of psychological maturity through the analysis of neuromuscular reactions. The kinesiological approach successfully complements traditional diagnostic methods, providing information about the psychophysiological correlates of infantilism, and contributes to the early detection of problems and increases the effectiveness of psychoprophylactic measures.

Keywords: infantilism, middle age, women, kinesiology, diagnostics.

Аннотация: Инфантилизм, рассматриваемый как задержка или регрессия в развитии личности, проявляющаяся в незрелости суждений, эмоциональной нестабильности и зависимости от внешних обстоятельств, представляет собой значимую проблему в современной психологии и социологии.

Целью исследования является апробация методики выявления уровней и стадий инфантилизма у женщин среднего возраста с помощью кинезиологической диагностики.

В исследовании решены следующие задачи: проведен теоретический анализ научной литературы по изучаемой теме; определение психологических и физиологических маркеров инфантилизма посредством кинезиологического тестирования; разработка протокола кинезиологической диагностики инфантилизма у женщин среднего возраста (мышечные тесты, критерии); эмпирическая оценка валидности и надежности методики; сопоставление кинезиологической диагностики с психологическими методами (опросники, проективные тесты); определение возможностей применения в клинической практике и консультировании.

В процессе исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы по проблеме инфантилизма; рассмотрены основные подходы к кинезиологической диагностике; рассмотрены специфические мышечные тесты по имеющемуся клиническому опыту; рассмотрены параметры психологического тестирования.

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: кинезиологические методы представляют перспективный подход к выявлению и оценке степени инфантилизма у женщин среднего возраста, обеспечивая объективную и неинвазивную оценку психологической зрелости посредством анализа нейромышечных реакций. Кинезиологический подход успешно дополняет традиционные методы диагностики, предоставляя информацию о психофизиологических коррелятах инфантилизма, и способствует раннему выявлению проблем и повышению эффективности психопрофилактических мероприятий.

Ключевые слова: инфантилизм, средний возраст, женщины, кинезиология, диагностика.

Введение

Актуальность изучения инфантилизма у женщин среднего возраста обусловлена несколькими факторами: увеличение продолжительности жизни

и изменение социальных ролей женщин предъявляют новые требования к их адаптивности и психологической зрелости [17, с. 42]. По мнению исследователей, проявления инфантилизма могут оказывать негативное влияние на различные аспекты жизни женщины, включая

межличностные отношения, профессиональную деятельность и общее благополучие [18, с. 37]. При этом современные диагностические методы, ориентированные преимущественно на детскую и подростковую возрастные группы, часто оказываются недостаточно чувствительными для выявления тонких проявлений инфантилизма у взрослых [19, с. 53].

По мнению исследователей, именно разработка и апробация новых методов диагностики инфантилизма, учитывающих специфику взрослой психологии, представляется актуальной и практически значимой задачей [21, 22]. Кинезиология, интегрирующая принципы традиционной медицины и современных нейронаук, может служить перспективным инструментом для выявления энергетических дисбалансов, связанных с различными психологическими состояниями, включая инфантилизм [20, с. 115]. Использование кинезиологического подхода позволяет оценить взаимосвязь между мышечным тонусом и психоэмоциональным состоянием, что может предоставить ценную информацию о глубинных аспектах личности.

Материалы и методы

Материалами исследования являются результаты, представленные в работах таких авторов, как Е.А. Громова, И.И. Черникова [4], С.И. Николаев, Н.Л. Иванов [7], Ф. Перлз, Р. Хефферлин, П. Гудмен [8], В.Н. Шевага, Е.Г. Шестакова [10].

Критерии исключения в тестировании по кинезиологической методике представлены в работах М.Г. Блюмина [11], Т. Брей [12], Дж. Даймонд [13]. Исследователи выделили следующие исключения при работе с женщинами среднего возраста: наличие острого или обострение хронического заболевания, прием психотропных препаратов, беременность, психиатрический диагноз.

В ходе исследования акцентуаций в работах Г.Дж. Гудхарт [14], К. Кенистон [16], П.А. Левин [17] представлен опросник Леонгарда-Шмишека, который позволяет оценить выраженность различных типов акцентуаций, потенциально связанных с инфантильным поведением (гипертимный, демонстративный, тревожно-боязливый).

В работах Б.Д. Перри, О. Винфри [19], В.Н. Шеваги, Е.Г. Шестаковой [20] представлены результаты электромиографии (ЭМГ) с использованием многоканального электромиографа «Нейро-МВП-4» по стандартам. Такой анализ ЭМГ включает оценку амплитуды, частоты и интегральной активности мышц в покое и при двигательных тестах. В работах Д. Уолтера [21], Дж. Янга, Дж. Клоско [22] стабилметрия выполнялась на платформе «Balance Master» с анализом площади статокинезиограммы, длины пути и скорости перемещения центра давления. Со-

поставление ЭМГ и стабилметрии позволяет оценить взаимосвязь мышечного напряжения и постуральной устойчивости.

Кинезиологическое тестирование включает также метод оценки тонуса индикаторных мышц в ответ на различные стимулы (провокации). Например, в ходе исследования, проведенного В.Н. Шевагой и Е.Г. Шестаковой [10], применялся также мануальный мышечный тест (ММТ) [10, с. 116]. В работе К. Роджерса представлено обоснование выбора индикаторных мышц, который осуществляется на основании принципов анатомической и функциональной взаимосвязи мышц с различными органами и системами организма, а также с эмоциональными и психологическими состояниями [9, с. 67].

В большинстве эмпирических работ оценка результатов кинезиологического тестирования основывается на анализе изменения тонуса индикаторных мышц в ответ на провокации.

При этом в большинстве современных исследований в качестве провокаций в тестировании применяется четыре вида воздействия:

1. Эмоциональные провокации: предъявление стандартизированных стимулов (фотографий, аудиозаписей), вызывающих различные эмоциональные реакции (радость, грусть, гнев, страх). Оценка изменения тонуса индикаторных мышц в ответ на эмоциональные стимулы позволяла выявить эмоциональные блоки и неразрешенные конфликты, ассоциированные с инфантильным поведением [14, с. 55].
2. Когнитивные провокации: предъявление вербальных утверждений, отражающих инфантильные убеждения и установки (например, «Я не могу принимать решения самостоятельно», «Мне нужна постоянная поддержка»). Оценка изменения тонуса индикаторных мышц в ответ на когнитивные стимулы позволила выявить когнитивные искажения, поддерживающие инфантильное поведение [13, с. 34].
3. Нутритивные провокации: предъявление различных пищевых продуктов и добавок с целью выявления пищевой непереносимости и дефицита питательных веществ, которые могут влиять на эмоциональное состояние и поведение.
4. Меридианные провокации: воздействие на акупунктурные точки и меридианы с целью оценки энергетического баланса организма и выявления дисфункций, связанных с эмоциональными и психологическими проблемами.

При этом, как показали исследования, слабость индикаторной мышцы в ответ на определенный стимул рассматривалась как индикатор дисфункции или блока-

ды в соответствующей области [8, с. 25].

Результаты и обсуждения

Теоретический анализ феномена инфантилизма позволяет выделить эмоциональную незрелость, когнитивные особенности (некритичность мышления, идеализация) и социальную незрелость (трудности в отношениях, зависимость, избегание ответственности) [5, с. 64; 6, с. 88; 7, с. 27]. Причем стадии инфантильного развития характеризуются сочетанием этих критериев [4, с. 178]: проявления эмоциональной, когнитивной и социальной незрелости на каждом этапе развития инфантилизма. В рамках психоаналитической теории, например, выделяют оральную, анальную и фаллическую стадии, каждая из которых, при наличии фиксаций, может способствовать формированию инфантильных свойств характера [4, с. 179]. В свою очередь, фиксации на ранних стадиях приводят к задержке в развитии личности и проявлению зависимого поведения в зрелом возрасте.

С точки зрения когнитивной психологии, инфантилизм проявляется в эгоцентрическом мышлении, характерном для ранних стадий когнитивного развития, описанных еще в работах Ж. Пиаже. В дальнейшем эгоцентризм препятствует формированию адекватной картины мира и способности учитывать точки зрения других людей, что, в свою очередь, затрудняет социальную адаптацию. При этом критическое мышление, необходимое для принятия взвешенных решений и ответственного поведения, развивается постепенно, и его недостаточное развитие является одной из характеристик инфантильной личности [13, с. 35].

В свою очередь, социальная незрелость, как компонент инфантилизма, проявляется в трудностях установления зрелых, равноправных отношений. Инфантильные индивиды часто испытывают потребность в опеке и поддержке, избегают ответственности и склонны перекладывать ее на других людей. Согласно теории привязанности Дж. Боулби, качество ранней привязанности к родителям оказывает существенное влияние на формирование социальных навыков и способность строить близкие отношения в будущем [10, с. 115]. Эмоциональная зависимость и болезненная привязанность могут приводить к формированию зависимого или избегающего типа личности, что, в свою очередь, усугубляет проявления социальной незрелости [11, с. 125]. Применительно к женщинам средних лет такое поведение приводит к частой смене партнеров, неудачным бракам или полному отсутствию личной жизни, социальной реализации и слабым социальным связям.

Применительно к кинезиологии, психологические (тревожность, самооценка, мотивация) [3, с. 24] и физиологические маркеры инфантилизма (дисфункции веге-

тативной нервной системы, эндокринные нарушения, изменения мышечного тонуса) [2, с. 106] могут быть оценены через мышечные тесты.

В кинезиологическом тестировании мышечная слабость, ассоциированная с чувством ответственности, указывает на избегание ответственности, а дисбаланс мышц, связанных с самооценкой, – на ее низкий уровень. Интеграция теоретических знаний и кинезиологии перспективна для диагностики и коррекции инфантильности [1, с. 22], однако, согласно Международному колледжу прикладной кинезиологии [15], требует валидации и сопоставления с традиционными методами.

По итогу анализа научной литературы можно утверждать, что протокол кинезиологической диагностики инфантилизма у женщин среднего возраста основан на концепции взаимосвязи между эмоциями, мышцами и меридианами в традиционной китайской медицине, а также на принципах прикладной кинезиологии [15]. Протокол диагностики включает в себя следующие параметры:

1. Специфические мышечные тесты: выбор мышечных тестов основывается на их связи с определенными эмоциями и меридианами. Например, тестирование большой грудной мышцы ключичной части (Pectoralis Major Clavicular) может отражать проблемы с самооценкой и уверенностью в себе, а тестирование подлопаточной мышцы (Subscapularis) – страх и тревогу.
2. Диагностические критерии: критерии оценки мышечного ответа основаны на принципе «сильная-слабая» мышца. Сильная мышца указывает на адекватную нервно-мышечную функцию и способность организма справляться со стрессом, в то время как слабая мышца свидетельствует о функциональном нарушении и может указывать на подавленные эмоции или нерешенные психологические конфликты. Также следует исключить гипертонус индикаторной мышцы, проведя соответствующие пробы.
3. Провокационные пробы: для уточнения диагноза используются такие провокационные пробы, как вербальные утверждения (например, постулат «Я беспомощна»), визуальные стимулы (картинки, отражающие детские образы) или тактильные стимулы (мягкая игрушка), которые могут вызвать изменение мышечного ответа, подтверждая связь между стимулом и эмоциональным состоянием.

Выводы

По итогу проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы: применение методов кинезиологии в исследовании инфантилизма у женщин среднего возраста представляет собой достаточно

перспективное направление, позволяющее выявлять наличие и степень выраженности инфантильных черт характера. Представленный в статье обзор кинезиологической методики, основанной на анализе нейромышечных реакций в ответ на специфические стимулы, обеспечивает объективный и неинвазивный подход к оценке психологической зрелости. При этом необходимо понимать, что кинезиологический подход не заменяет такие традиционные методы психологической диагностики, как опросники и психологические проективные тесты,

но позволяет существенно дополнить их, предоставляя информацию о психофизиологических коррелятах инфантилизма. На наш взгляд, в перспективе, внедрение кинезиологических методов в диагностику инфантилизма может способствовать более раннему выявлению проблем, связанных с недостаточной психологической зрелостью, и, следовательно, повысить эффективность психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий по повышению качества жизни женщин среднего возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, Ю.И. Психофизиология. Питер. – 2019. – 214 р.
2. Бернштейн, Н.А. Биомеханика и физиология движений. – М.: Издательство Московского университета. – 2020. – 204 с.
3. Васильева, Л.Ф. Введение в прикладную кинезиологию. – М.: Фолиант. – 2019. – 202 с.
4. Громова, Е.А., Черникова, И.И. Инфантилизм как социально-психологический феномен современной молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 2(2). – С. 177-184.
5. Ильин, Е.П. Психология взрослости. Питер. – 2020. – 182 с.
6. Лурия, А.Р. Основы нейропсихологии. – М.: Академия. – 2019. – 240 с.
7. Николаев, С.И., & Иванова, Н.Л. Психологические факторы, влияющие на формирование инфантильности у взрослых. Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 8(1). – С. 26-34.
8. Перлз, Ф., Хефферлин, Р., Гудмен, П. Гештальт-терапия. Возбуждение и рост человеческой личности. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований. – 2019. – 146 с.
9. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс. – 2020. – 184 с.
10. Шевага, В.Н., Шестакова, Е.Г. Кинезиологический подход в комплексной реабилитации больных с психосоматическими расстройствами. Вестник восстановительной медицины. – 2020. – № 95(3). – С. 114-118.
11. Blyumina, M.G. Development of a methodology for assessing the level of infantilism in adolescents // Journal of Education and Practice. – 2019. – № 10(3). – pp. 123-130.
12. Bray, T. (Applied kinesiology: The scientific basis. CRC Press. – 2019. – 244 p.
13. Diamond, J. Life energy: Using kinesiology to heal your body, mind & spirit. Hay House. – 2019. – 88 p.
14. Goodheart, G.J. Applied kinesiology: Collected papers. International College of Applied Kinesiology. – 2020. – 182 p.
15. International College of Applied Kinesiology (ICAK) – Website containing information on applied kinesiology, training programs, and research: www.icak.com (access date: 15.05.2025).
16. Keniston, K. Young radicals: Notes on committed youth. Harcourt, Brace & World. – 1968. – 200 p.
17. Levine, P. A. Waking the tiger: Healing trauma. North Atlantic Books. – 2019. – 160 p.
18. Maslow, A.H. Motivation and personality. Martino Fine Books. – 2020. – 148 p.
19. Perry, B.D., Winfrey, O. What happened to you? Conversations on trauma, resilience, and healing. Flatiron Books. – 2021. – 102 p.
20. Shevaga, V.N., Shestakova, E.G. Kinesiological approach in the complex rehabilitation of patients with psychosomatic disorders. Bulletin of rehabilitation medicine. – 2020. – № 95 (3). – pp. 114-118.
21. Walther, D.S. Applied kinesiology: Synopsis. Systems DC. – 2020. – 220 p.
22. Young, J.E., Klosko, J.S., Weishaar, M.E. Schema therapy: A practitioner's guide. Guilford Press. – 2021. – 168 p.

© Лукичева Марина Александровна (blagorodica@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СВЯЗИ ДЫХАНИЯ И ТРЕВОЖНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Малин Дмитрий Юрьевич

Аспирант, Московский институт психоанализа

d.malin@list.ru

NEUROPHYSIOLOGICAL MECHANISMS OF RESPIRATION AND ANXIETY CONNECTION: PSYCHOLOGICAL ASPECT

D. Malin

Summary: The article examines the relationship between breathing and anxiety as a psychophysiological and behavioral phenomenon. The analysis includes Russian and international studies confirming the bidirectional nature of this relationship: the impact of anxiety on breathing patterns and the modulatory effect of breathing techniques on anxiety levels. Particular attention is given to the psychotherapeutic potential of breathing self-regulation, biofeedback, and autogenic training. The practical significance of breath-based interventions for anxiety reduction is substantiated.

Keywords: breathing, anxiety, psychophysiology, self-regulation, biofeedback, autogenic training, breathing techniques, parasympathetic regulation, situational anxiety, breath and emotions, body-oriented therapy, breathing practice, hyperventilation, breathing-based intervention.

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь дыхания и тревожности как психофизиологического и поведенческого феномена. Анализируются данные зарубежных и отечественных исследований, подтверждающих двустороннюю природу этой связи: влияние тревожности на паттерны дыхания и модулирующее воздействие дыхательных техник на уровень тревожности. Особое внимание уделено психотерапевтическим возможностям дыхательной саморегуляции, биологической обратной связи и аутогенной тренировки. Обосновывается практическая значимость дыхательных техник в работе с тревожными состояниями.

Ключевые слова: дыхание, тревожность, психофизиология, саморегуляция, биологическая обратная связь, аутогенная тренировка, дыхательные техники, парасимпатическая регуляция, ситуативная тревожность, дыхание и эмоции, телесно-ориентированная терапия, дыхательная практика, гипервентиляция, дыхательная коррекция.

Введение

В последние десятилетия наблюдается устойчивый рост интереса к изучению психофизиологических основ тревожных состояний и поиску методов их регуляции. Тревожность как феномен рассматривается не только в контексте клинической психологии, но и в русле повседневного функционирования личности, поскольку высокая личностная или ситуативная тревожность нередко становится фактором, снижающим качество жизни и адаптивные способности человека.

В исследованиях психофизиологических взаимосвязей рассматриваются не только когнитивные или поведенческие проявления, но соматически обусловленные состояния тревожности. Тревожность как психофизиологическое явление изучается в разных научных парадигмах – от классической психоаналитической школы до современных нейропсихологических и телесно-ориентированных подходов. Взаимосвязь дыхания и тревожности может носить как причинный, так и взаимозависимый характер: тревожность способна вызывать изменения в дыхательных паттернах, и в то же время изменение дыхания может оказывать влияние на эмоциональное состояние. В то время, как дыхание представляет собой жизненно важный автономный процесс,

одновременно являющийся каналом произвольной регуляции. Эта уникальная двойственность дыхательной функции делает её важным объектом в психотерапии и психокоррекции тревожных состояний.

Несмотря на наличие отдельных эмпирических и теоретических исследований, отсутствует единая классификация методов дыхательной коррекции, а научные основания некоторых практик до сих пор требуют эмпирического подтверждения. Комплексная психологическая оценка двусторонней взаимосвязи дыхания и тревожности всё ещё требует систематизации.

Практика работы с клиентами, страдающими от тревожных состояний, показывает, что обучение дыхательным техникам может стать эффективным инструментом саморегуляции. Однако клиническое применение дыхательных практик требует опоры на верифицированные научные данные. Важно понимать, насколько изучены механизмы влияния тревожности на дыхание и наоборот, и какие подходы в терапии опираются на эти механизмы. Актуальным остаётся вопрос: в какой степени выявленные закономерности взаимосвязи дыхания и уровня тревожности могут быть использованы в психотерапевтической практике.

Цель исследования

Провести теоретический анализ взаимосвязи между тревожностью и дыханием на основе современных эмпирических и обзорных исследований, а также определить возможности применения дыхательных техник в практике работы с тревожными клиентами.

Задачи исследования:

1. Провести обзор экспериментальных исследований, направленных на изучение взаимосвязи дыхания и тревожности.
2. Описать физиологические механизмы тревожности и дыхания.
3. Изучить влияние тревожности на дыхательные паттерны.
4. Изучить влияние дыхательных техник на уровень тревожности.
5. Оценить возможности применения дыхательных практик в работе с клиентами.

Гипотеза исследования.

Тревожность и дыхание находятся в двусторонней взаимосвязи: устойчиво высокий уровень тревожности способствует формированию поверхностных и учащённых дыхательных паттернов, в то время как осознанные дыхательные практики, направленные на активацию парасимпатической регуляции, могут способствовать снижению ситуативной тревожности и улучшению общего эмоционального состояния, что делает их эффективным инструментом в психотерапевтической работе.

Настоящее исследование представляет собой теоретический анализ и обобщение данных, представленных в рецензируемых научных источниках. Основой для анализа послужили отечественные и зарубежные исследования, опубликованные в международных базах PubMed, Scopus и eLIBRARY за период 2000–2024 гг. Критериями отбора были: наличие эмпирических данных, описание механизмов регуляции тревожности через дыхание, практическая направленность. Отдельное внимание уделено метаанализам и исследованиям с использованием объективных физиологических маркеров (HRV, ЭЭГ, fMRI).

Исследования взаимосвязи дыхания и психоэмоционального состояния человека имеют междисциплинарную природу и развивались в рамках как клинической психофизиологии, так и прикладной психологии. Зарубежные исследовательские инициативы в данной области восходят к работам 1960–70-х годов, в которых особое внимание уделялось феномену гипервентиляции при тревожных расстройствах, а также связи дыхания с реакцией «бей или беги» [10]. Уже тогда были сделаны

первые попытки объяснить участие дыхательной системы в модуляции тревожности через механизмы автономной регуляции.

С начала 2000-х годов, благодаря развитию нейровизуализационных методов, зарубежные школы (в частности, американская, немецкая и итальянская) начали активно исследовать нейропсихологические аспекты дыхания. Например, работы R. Jerath и A. Zaccaro, проведенные в разное время, в 2006 и 2018 гг., соответственно, связали дыхательные паттерны с активацией парасимпатической нервной системы, снижением активности миндалевидного тела и повышением вариабельности сердечного ритма [19, 24]. Характерной чертой зарубежного подхода является акцент на экспериментальных данных, количественных измерениях (HRV, ЭЭГ, fMRI), а также стремление к построению унифицированных протоколов дыхательных интервенций.

В российской научной традиции изучение дыхания в контексте тревожности получило развитие на стыке патофизиологии, военной психологии и спортивной медицины. Уже в 1980–90-х гг. в отечественной литературе фиксировалось внимание к дыханию как маркеру функционального состояния организма, находящегося в условиях стресса. Например, в работах В.М. Астапова дыхание рассматривается как объективный физиологический индикатор, чувствительно реагирующий на рост тревожности, особенно в ситуациях экзаменационного или соревновательного стресса [1, 2].

Исследование О.Н. Вовк, Н.А. Гончаровой и др. показало, что для лиц с высоким уровнем личностной тревожности свойственно наличие речевой тревоги, повышенный уровень невротизации, высокая эмоциональность, а также более выражены вегетативные дисфункции, нарушения речевого дыхания, фонации, речи [6].

Характерной чертой отечественного подхода является многоуровневый анализ тревожности – с позиций нейровегетативных, телесных и поведенческих проявлений. При этом акцент часто делается на коррекционные и тренинговые методики: биологическая обратная связь (БОС), аутогенная тренировка по И.Г. Шульцу, дыхательные практики, интегрированные в психологическую помощь студентам, спортсменам и детям с повышенной тревожностью [15].

Современные российские авторы, такие как Е.С. Булышко, М.С. Трунова, А.Б. Орлов, подчёркивают психотерапевтический потенциал дыхательных техник не только как методов физиологической регуляции, но и как средств восстановления субъектности, осознанности и телесной интеграции клиента [4, 5, 13].

При этом важно отметить, что зарубежные исследо-

вания фокусируются на экспериментальной верификации, использовании fMRI, ЭЭГ и HRV. В то время, как российская школа ориентирована на практико-ориентированные методики, телесную осознанность и применение дыхания в условиях повседневного стресса. В таблице 1 представлены основные различия.

В настоящее время наблюдается сближение подходов: зарубежные школы всё активнее внедряют элементы телесной осознанности и интероцептивной терапии, а отечественные исследования всё чаще обращаются к экспериментальным и доказательным методам (HRV, стресс-пробы, психофизиологический мониторинг).

Таким образом, и зарубежные, и российские исследования дают взаимодополняющее понимание роли дыхания в регуляции тревожности, однако различаются по методологическим акцентам и областям применения. Подобное сравнение обогащает представление о предмете и открывает перспективы для интеграции лучших практик обеих традиций.

При этом, тревожность в данной ситуации выступает фактором, влияющим на изменение дыхания. Тревожность как эмоциональное и личностное образование воздействует на вегетативную нервную систему (ВНС), в частности активируя симпатический отдел. К признаку возникает учащённое, поверхностное дыхание, в ряде случаев отмечалась гипервентиляция. Согласно исследованиям I. Nomma и Y. Masaoka, лица с высокой личностной тревожностью демонстрируют укороченный выдох, учащённое дыхание и повышенную реактивность на дыхательную нагрузку [16]. Это связано с активацией симпатической нервной системы, что приводит к гипервентиляции и снижению уровня CO₂ в крови, вызывая симптомы, схожие с панической атакой. Авторы отмечают, что такие изменения происходят даже при отсутствии выраженной стрессовой стимуляции, что свидетельствует о стойком характере дыхательных изменений у тревожных индивидов.

Физиологически это объясняется активацией механизма «бей или беги», в рамках которого происходит мобилизация ресурсов организма, включая учащение дыхания для обеспечения мышц кислородом. Таким образом, тревожность, в особенности хроническая, может становиться причиной закрепления грудного, поверхностного дыхания как автоматического паттерна.

Эти данные были подтверждены нейрофизиологическими исследованиями R. Jerath и др., выявившими гиперактивацию миндалевидного тела в ответ на изменённое дыхание [18].

В отечественных исследованиях были предприняты попытки количественно зафиксировать изменения в системе дыхания при возрастании ситуативной тревожности. Так, в работе Ю.Д. Карпенко показано, что у студентов в период экзаменационного стресса происходит статистически достоверное увеличение частоты дыхательных движений и бронхиальной проводимости, что сопровождается активацией симпатического отдела вегетативной нервной системы и изменениями в деятельности дыхательных центров ствола мозга. Подобные изменения, согласно данным автора, прямо коррелируют с уровнем ситуационной тревожности и могут рассматриваться как объективные маркеры функционального состояния организма в условиях стресса реальной жизни [7, 8].

Гипервентиляция, возникающая при тревожности, может не только усиливать тревожные симптомы, но и формировать замкнутый круг: снижение CO₂, вызванное поверхностным дыханием, вызывает ощущения удушья и головокружения, интерпретируемые как угроза. Это, в свою очередь, усиливает тревогу, закрепляя патологические симптомы.

Кроме того, в практике отмечаются психологические механизмы интерпретации дыхательных симптомов. Отдельные авторы подчеркивают, что восприятие дыхания

Таблица 1.

Обобщение и актуальные тенденции.

Параметр	Зарубежные исследования	Российские исследования
Методология	Экспериментальные установки, fMRI, HRV, анкетирование	Анкетирование, функциональная диагностика, телесно-ориентированный подход
Объект	Клинические группы	Студенты, спортсмены
Основной акцент	Парасимпатическая активация, нейронаука, терапевтические протоколы	Тренинговые и коррекционные программы, БОС, аутогенная тренировка
Теоретическая база	Нейропсихология, поведенческая медицина, mindfulness	Психофизиология, саморегуляция, спорт, стрессология
Интерпретация дыхания	Средство биомодуляции и регуляции ВНС	Канал телесного самоконтроля и психосоматической коррекции
Преобладающий объект исследования	Взрослые здоровые и клинические группы	Школьники, студенты, спортсмены

как субъективного признака тревожности оказывает значительное влияние на её интенсификацию. В частности, в клинической практике тревожные расстройства часто сопровождаются ощущением «неполного вдоха», «одышки» или «удушья», которые не подтверждаются объективными соматическими нарушениями. Эти ощущения формируют дополнительный тревожный фон, поддерживающий и усиливающий расстройство.

Механизмы взаимодействия дыхания и тревожности основаны на интеграции процессов вегетативной регуляции и эмоциональной модуляции, в которых участвуют такие структуры мозга, как миндалевидное тело, гипоталамус и префронтальная кора. Исследования Zaccaro A. и др. показали, что миндалевидное тело, играющее ключевую роль в формировании страха и тревоги, активно реагирует на паттерны дыхания и участвует в формировании ответной реакции организма на стрессовые стимулы [24].

Обратная связь между дыханием и тревожностью также подтверждена рядом исследований. Х. Ма и др. провели рандомизированное контролируемое исследование, в котором участники практиковали диафрагмальное дыхание в течение восьми недель. Результаты показали значительное снижение уровня ситуативной тревожности, улучшение внимания и снижение уровня кортизола у участников экспериментальной группы по сравнению с контрольной [22].

В работах R. Jerath и др. предложена модель, согласно которой осознанное дыхание задействует кортикальные структуры и оказывает тормозящее влияние на реактивность лимбической системы, включая миндалевидное тело и гипоталамус [19]. Важно отметить, что переход от поверхностного грудного дыхания к диафрагмальному происходит не автоматически, а требует этапа произвольного контроля, через который формируются новые дыхательные паттерны.

Последующие исследования статистически подтверждают взаимосвязь произвольного замедления дыхания и снижения уровня тревожности.

Произвольное замедление дыхания с акцентом на удлиненный выдох способствует активации префронтальной коры и торможению миндалевидного комплекса, что проявляется в снижении уровня тревожности и физиологического возбуждения [22].

Исследование Х. Ма показало, что диафрагмальное дыхание в течение восьми недель приводит к снижению уровня ситуативной тревожности, улучшению внимания и снижению уровня стресса. Участники, которые практиковали медленное дыхание до 6 вдохов за одну минуту, показали статистически значимое улучшение по шкале

STAI [22].

Эти результаты согласуются с обзором A. Zaccaro и др., где на основе 15+ исследований был сделан вывод о том, что замедленное дыхание активирует парасимпатическую нервную систему, стабилизирует сердечный ритм и снижает физиологические показатели тревожности. Особенно подчёркивается рост variability сердечного ритма (HRV) как объективного маркера снижения стресса [24].

Систематический обзор A. Zaccaro и соавт. подтвердил, что медленное дыхание до 10 вдохов в минуту, способствует активации парасимпатической нервной системы, увеличению variability сердечного ритма и снижению тревожности. Также было отмечено увеличение альфа-ритма ЭЭГ, связанного с состоянием расслабления и снижением тревожности. Эти исследования демонстрируют, что контролируемое дыхание может быть эффективным инструментом для снижения тревожности и улучшения эмоционального состояния [24]. Т.е. тревожность и дыхание взаимосвязаны через механизмы обратной связи между телесными ощущениями и эмоциональным состоянием. Изменения в дыхании могут усиливать или ослаблять ощущение тревоги, что важно учитывать в психотерапевтической практике. При этом, дыхание – это уникальный физиологический процесс, управляемый как автономно, так и сознательно. Эта особенность делает его мостом между бессознательными вегетативными процессами и психологическим самоконтролем.

Понимание взаимосвязи между дыханием и тревожностью позволяет использовать дыхательные техники в качестве инструмента для управления тревожными состояниями у клиентов [20]. Обучение клиентов контролируемым дыхательным упражнениям может быть эффективным дополнением к другим терапевтическим методам.

M.G. Hunt и др. в своем исследовании сравнивали глубокое диафрагмальное дыхание, ритмичное дыхание и прогрессивная мышечная релаксация у студентов-спортсменов. Результаты показали, что у испытуемых значительно снизилась частота сердечных сокращений и повысилась variability сердечного ритма, что указывает на снижение физиологической реакции на стресс [17].

Это подтверждает практическую применимость дыхательных техник в условиях повышенного стресса.

Метаанализ Lehrer и др. по HRV биологической обратной связи (БОС) показал эффективность в терапии генерализованного тревожного расстройства и посттравматического стрессового расстройства [21]. Обзор

А. Зассаро и др. подчеркнул, что медленное дыхание улучшает когнитивные функции, стабилизирует сердечный ритм и снижает тревожность [22].

Классическим примером работы с дыханием для снижения тревожности является аутогенная тренировка, предложенная И.Г. Шульцем. Метод направлен на переключение активности вегетативной нервной системы из симпатического в парасимпатический режим за счёт фокусировки на дыхании, мышечном расслаблении и внутренних ощущениях. Доказано, что аутогенная тренировка способствует снижению уровня кортизола, стабилизации дыхания и уменьшению симптомов тревожных расстройств [15].

Методики, основанные на управляемом дыхании, активно применяются в когнитивно-поведенческой терапии, практике mindfulness и телесно-ориентированных подходах. Например, SKY Breath Meditation продемонстрировала устойчивое снижение тревожности у студентов в ходе 6-недельной программы. В рандомизированном контролируемом исследовании, которое было опубликовано в 2025 году, участники, практиковавшие SKY в течение 8 недель, продемонстрировали значительное снижение тревожности, улучшение качества сна и повышение вариабельности сердечного ритма по сравнению с контрольной группой [23].

Метод биологической обратной связи (БОС) в контексте дыхательной регуляции получил широкое признание как эффективный инструмент управления тревожными состояниями [14]. Согласно данным М.С. Труновой, А.Б. Орлова [13], а также Булышко Е.С. [4], применение БОС позволяет достичь устойчивого снижения уровня ситуативной тревожности как у взрослых, так и у подростков в спортивной среде. При этом авторы подчёркивают не только физиологический, но и психотерапевтический эффект технологии БОС, который реализуется через осознание и контроль телесных процессов.

Метод биологической обратной связи (БОС) даёт пациенту возможность наблюдать параметры своего дыхания и сердечного ритма в реальном времени. Использование БОС для тренировки дыхания позволяет вырабатывать произвольный контроль над дыханием, что способствует повышению вариативности сердечного ритма, и в целом, снижению тревожности и повышению устойчивости к стрессу [3].

Согласно данным метаанализа, БОС по вариабельности сердечного ритма показал значительный клинический эффект при генерализованном тревожном расстройстве и посттравматическом стрессовом расстройстве.

БОС-тренинги способствуют формированию новых

паттернов дыхания, приводящих к доминированию парасимпатической регуляции и стабилизации психоэмоционального состояния. Влияние данного подхода усиливается при сочетании с диафрагмально-релаксационным дыханием, что позволяет формировать долгосрочные стратегии саморегуляции [3].

Методы дыхательной саморегуляции описываются в подходах Т.М. Панкратовой, Т.Г. Волковой как психотехнические инструменты, направленные на восстановление баланса между произвольным и автономным управлением дыханием. В частности, их применение позволяет снизить уровень психоэмоционального напряжения, повысить телесную осознанность и восстановить способность к самонаблюдению и эмоциональному самоконтролю. Это важно в работе с клиентами, склонными к генерализации тревожных реакций [11, 12].

Полученные в ходе теоретического анализа различных исследований результаты, позволяют применять дыхательные техники, включая методы биологической обратной связи и аутогенные тренировки, для регулирования тревожных состояний. Подобная практика может быть особенно полезна в работе с клиентами, у которых тревожность сопровождается телесными симптомами, такими как: напряжение, ощущение «кома в горле», «неполного вдоха», учащённого сердцебиения.

Кроме того, осознанное произвольное дыхание может выполнять роль связующего звена между сознательной и автономной регуляцией, что делает его ценным инструментом в практике психолога и психотерапевта.

Заключение

В настоящей статье была рассмотрена сложная и многогранная взаимосвязь между дыханием и тревожностью с акцентом на её значение для психологической практики. Новизна данной работы заключается в сопоставлении нейрофизиологических, телесно-ориентированных и когнитивных моделей дыхательной регуляции, а также в попытке объединить отечественные и зарубежные подходы.

Сравнительный анализ научных подходов выявил, что отечественные и зарубежные школы опираются на разные методологические базы, однако приходят к сходным выводам. Анализ исследований показал, что дыхание выступает как индикатор, посредник и регулятор психоэмоционального состояния. Это подтверждается как физиологическими данными (изменения в частоте дыхания, вариабельности сердечного ритма, уровнях кортизола), так и данными поведенческих и клинических наблюдений.

На уровне телесных проявлений тревожность при-

водит к учащению дыхания, укорочению выдоха, доминированию грудного типа дыхания, что активирует симпатическую нервную систему и поддерживает физиологический стресс-ответ. В свою очередь, практика осознанного, медленного и диафрагмального дыхания способна запускать противоположные механизмы – снижение активации миндалевидного тела, стимуляцию парасимпатической регуляции и стабилизацию эмоционального фона.

Понимание взаимосвязи между дыханием и тревожностью позволяет использовать дыхательные техники в качестве инструмента для управления тревожными состояниями у клиентов. Особую ценность в коррекционной работе представляют методы биологической обратной связи, аутогенной тренировки и дыхательной саморегуляции. Они демонстрируют эффективность в снижении ситуативной тревожности, восстановлении автономной регуляции и повышении способности субъекта к управлению своим психическим состоянием. Это открывает перспективы для интеграции экспериментальных технологий и телесно-ориентированных методов в комплексной психотерапии тревожных состояний. Дыхательные техники могут быть интегрированы в различные психотерапевтические подходы, включая когни-

тивно-поведенческую терапию, телесно-ориентированную терапию и методы осознанности.

Представленный обзор подводит к необходимости разработки унифицированных протоколов дыхательной коррекции тревожности и продольных исследований эффективности таких интервенций в различных возрастных и клинических группах.

В перспективе дальнейших исследований представляется важным:

- углублённо изучить нейропсихологические механизмы воздействия дыхания на эмоциональную сферу;
- разработать унифицированные протоколы дыхательной коррекции тревожности;
- изучить долгосрочные эффекты дыхательных практик в разных возрастных и клинических группах.

Таким образом, дыхание может рассматриваться как один из ключевых ресурсов в арсенале специалиста, работающего с тревожными расстройствами, и как инструмент формирования устойчивых навыков саморегуляции для снижения тревожности и улучшения эмоционального состояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астапов В.М. Тревожность у детей. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 231 с. – ISBN 978-5-9292-0169-1. – URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12039215 (дата обращения: 30.04.2025). – Текст: электронный.
2. Астапов В.М. Функциональный подход к изучению состояния тревоги / Под ред. В.М. Астапова. – СПб.: Питер, 2001. – 197 с.
3. Астахова А.И., Кицина Т.А. БОС тренинг как инструмент терапевтического контакта // Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2008. – № 83 (6). – С. 49–53.
4. Булышко Е.С. Коррекционно-развивающая программа по снижению уровня тревоги методом биологической обратной связи (БОС): практическое пособие. – Минск: РНЦП спорта, 2020. – 39 с.: ил., табл. – Электронный каталог Национальной библиотеки Беларуси. – URL: <https://elib.nlb.by/catalog/Record/BY-NLB-br0001710493?sid=27229178> (дата обращения: 04.05.2025). – Текст: электронный.
5. Булышко Е.С. Применение метода биологической обратной связи в психологической подготовке спортсменов // 75-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета [Электронный ресурс]: материалы конф. в 3 ч. Ч. 2, Минск, 14–23 мая 2018 г. / Белорус. гос. ун-т, Гл. упр. науки; редкол.: В. Г. Сафонов (пред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – С. 486–489.
6. Вовк О.Н., Гончарова Н.А., Смирнова Н.В., Большова Н.А., Клименко В.М. Исследование психологических и физиологических показателей здоровья будущих психологов с разным уровнем личностной тревожности [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. – 2011. – Т. 3, № 4. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n4/48746 (дата обращения: 22.04.2025). – Текст: электронный.
7. Димитриев Д.А., Димитриев А.Д., Сапёрова Е.В., Карпенко Ю.Д. Влияние экзаменационного эмоционального стресса на показатели системы внешнего дыхания студентов // Новые исследования. – 2011. – № 1 (26). – С. 22–24.
8. Карпенко Ю.Д. Особенности функционального состояния организма студентов в условиях экзаменационного стресса // Гигиена и санитария. – 2010. – № 1. – С. 78–80.
9. Карпенко Ю.Д. Физиологические механизмы функционирования и реактивности кардиореспираторной системы у студентов: дис. ... канд. биол. наук, 2014. – 361 с.
10. Кэннон У. Мудрость тела / пер. с англ. – Нью-Йорк: WW Norton & Company, 1932.
11. Панкратова Т.М. Саморегуляция в социальном поведении: учеб. пособие / Т. М. Панкратова; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 112 с.
12. Психология саморегуляции: практикум: учебное пособие для студентов специальности «Психология» / сост. Т.Г. Волкова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 80 с.

13. Трунова М.С., Орлов А.Б. Метод биологической обратной связи: психотерапевтическая перспектива // Вопросы психологии. – 2014. – № 6. – С. 33-43.
14. Чарыкова И.А., Рамза А.Г., Сороколит Я.Л., Булышко Е.С., Мухомова А.А. Аналитический обзор зарубежных научных публикаций на тему применения БОС в спорте // Прикладная спортивная наука. – 2017. – № 2 (6). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskiy-obzor-zarubezhnyh-nauchnyh-publikatsiy-na-temu-primeneniya-bos-v-sporte> (дата обращения: 11.04.2025). – Текст: электронный.
15. Шульц И.Г. Аутогенная тренировка / И.Г. Шульц; пер. с нем. С.Л. Дземешкевича; под ред. В.Е. Рожкова. – М.: Медицина, 1985. – 31 с.
16. Homma I., Masaoka Y. Breathing rhythms and emotions // Experimental Physiology. – 2008. – Vol. 93. – P. 1011–1021. – DOI: 10.1113/expphysiol.2008.042424. – Текст: электронный.
17. Hunt M.G., Rushton J. Positive effects of diaphragmatic breathing on physiological stress reactivity in varsity athletes // Journal of Clinical Sport Psychology. – 2018. – Vol. 12, no. 1. – P. 1–12. – DOI: 10.1123/jcsp.2016-0041. – Текст: электронный.
18. Jerath R., Crawford M.W., Barnes V.A., Harden K. Self-regulation of breathing as a primary treatment for anxiety // Applied Psychophysiology and Biofeedback. – 2015. – Vol. 40. – P. 107–115. – DOI: 10.1007/s10484-015-9279-8. – Текст: электронный.
19. Jerath R., Edry J.W., Barnes V.A., Jerath V. Physiology of long pranayamic breathing: neural respiratory elements may provide a mechanism that explains how slow deep breathing shifts the autonomic nervous system // Medical Hypotheses. – 2006. – Vol. 67. – P. 566–571. – DOI: 10.1016/j.mehy.2006.02.042. – Текст: электронный.
20. Korkmaz A., Bernhardsen G.P., Cirit B., Suzer G.K., Kayan H., Biçmen H., Tahra M., Suner A., Lehto S.M., Sag D., Saatcioglu F. Sudarshan Kriya Yoga breathing and a meditation program for burnout among physicians: a randomized clinical trial // JAMA Network Open. – 2024. – Vol. 7, no. 1. – Article e2353978. – DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2023.53978. – PMID: 38294813. – PMCID: PMC10831575. – Текст: электронный.
21. Lehrer P., Kaur K., Sharma A., Shah K., Huseby R., Bhavsar J., Sgobba P., Zhang Y. Heart rate variability biofeedback improves emotional and physical health and performance: a systematic review and meta-analysis // Applied Psychophysiology and Biofeedback. – 2020. – Vol. 45, no. 3. – P. 109–129. – DOI: 10.1007/s10484-020-09466-z. – Текст: электронный.
22. Ma X., Yue Z.-Q., Gong Z.-Q., Zhang H., Duan N.-Y., Shi Y.-T., Wei G.-X., Li Y.-F. The effect of diaphragmatic breathing on attention, negative affect and stress in healthy adults // Frontiers in Psychology. – 2017. – Vol. 8. – Article 874. – DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00874. – Текст: электронный.
23. Seppälä E., Bradley Ch., Goldstein M.R. Research: why breathing is so effective at reducing stress. – 29.09.2020. – URL: <https://hbr.org/2020/09/research-why-breathing-is-so-effective-at-reducing-stress> – Текст: электронный.
24. Zaccaro A., Piarulli A., Laurino M., Garbella E., Menicucci D., Neri B., Gemignani A. How breath-control can change your life: a systematic review on psychophysiological correlates of slow breathing // Frontiers in Human Neuroscience. – 2018. – Vol. 12. – Article 353. – DOI: 10.3389/fnhum.2018.00353. – Текст: электронный.

© Малин Дмитрий Юрьевич (d.malin@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ГЕНДЕРНЫХ, СЕМЕЙНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF WELL-BEING DEPENDING ON GENDER, FAMILY AND PROFESSIONAL DIFFERENCES

**O. Ovryanik
A. Oreshkov**

Summary: In the last decade, the problem of studying well-being has increasingly become the subject of research by psychologists. This is caused by the urgent need for psychological science and practice to determine what serves as the basis for the internal balance of the individual, what it consists of, what emotional-evaluative relationships underlie it, etc.

Aim. Identification of the main factors of well-being depending on gender, family and professional differences.

Methodology. Content analysis became the key research method. An analysis of studies by scientists who dealt with the problems of well-being depending on gender, family and professional differences was conducted.

Results. The conducted analysis allowed us to identify the main socio-psychological factors of well-being depending on various components of human life.

Research implications. lies in the generalization of practical experience of experimental activity of well-being factors. Along with this, an analysis of the views of researchers who have studied the problems of well-being and the factors influencing it is provided, which made it possible to identify the main and promising areas for further research.

Keywords: well-being, gender differences, determination, socialization, socio-psychological factors, subjectivity, spheres of life.

Овсяник Ольга Александровна

доктор психологических наук, профессор,
Государственный университет просвещения, (г. Москва)
ovsianik@mail.ru

Орешков Антон Павлович

Аспирант, Государственный университет просвещения,
(г. Москва)
oreshkov-anton@yandex.ru

Аннотация: В последнее десятилетие проблема исследования благополучия все чаще становится предметом исследования психологов. Это вызвано острой для психологической науки и практики необходимостью в определении того, что служит основанием для внутреннего равновесия личности, из чего оно складывается, какие эмоционально-оценочные отношения лежат в его основе и т.д.

Цель. Выявление основных факторов благополучия в зависимости от гендерных, семейных и профессиональных различий.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал контент-анализ. Проведен анализ исследований ученых, которые занимались проблемами благополучия в зависимости от гендерных, семейных и профессиональных различий.

Результаты. Проведённый анализ позволил выявить основные социально-психологические факторы благополучия в зависимости от различных составляющих жизнедеятельности человека.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обобщении практического опыта экспериментальной деятельности факторов благополучия. На ряду с этим, приведен анализ взглядов исследователей, занимавшихся проблемами благополучия и факторами, на него влияющими, который позволил определить основные и перспективные направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: благополучие, гендерные различия, детерминация, социализация, социально-психологические факторы, субъективность, сферы жизнедеятельности.

Социализация индивида в современных условиях, связанных с общественным развитием, несет свой яркий отпечаток на всю жизнедеятельность личности, определяя ее общую направленность, систему взаимоотношений и ценностных ориентаций. В процессе социализации у человека формируются внутренние основные критерии оценки к самому себе, системы внешних взаимоотношений, жизнедеятельности и других объектов социальной сферы, в которой существует сама личность и в которых реализуются его деятельность и поведение.

В.Н. Мясищев отмечал: «психологический смысл взаимоотношений заключается в том, что они являются одной

из форм отражения окружающей действительности». Бытие «создает в каждом конкретном случае ту субъективную «призму», через которую преломляются все воздействия, которым подвергается живой человек» [9, с. 126]. Соответственно, наиболее существенными являются эмоционально-оценочные отношения, которые формируются на основе сравнения результатов удовлетворения потребностей, социальной и психологической деятельности.

Важным фактором в вопросе определения представления о благополучии есть ни что иное, как семейное положение. Проблема семейного благополучия в современном обществе является наиболее противоречивой и многогранной.

Взаимоотношения, особенно в паре, являются наилучшими «предвестниками» счастья: 40% состоящих в браке считают себя «очень счастливыми» в сравнении с 23% теми, кто никогда не связывал себя узами брака [3, с. 132]. Кроме того, дети, которые были рождены в стабильных и счастливых браках, лучше справляются с трудностями жизни, которые касаются психологического здоровья и взаимоотношений, образования, чем дети, рожденные при плохих семейных составляющих [18, с. 132]. Когда люди женились, большая часть таких людей испытывали друг к другу чувства влюбленности, и, в соответствии с другим исследованием, 47% были просто «по уши влюблены» [2, с. 96]. С течением времени эта первоначальная влюбленность угасает, но в семейных взаимоотношениях по-прежнему много радостных чувств, которые, в свою очередь, зависят от заинтересованности в общении друг с другом и частоте такого общения.

Одним из важных факторов благополучия в семейной жизни является материальная обеспеченность (уровень жизни). С одной стороны, «выявлена определенная зависимость между социальным и бытовым благополучием и состоянием внутрисемейных отношений в молодой семье», — отмечают Белоусова и Костин. «Согласно их собственной самооценке, 64% молодых семей, которые живут в хороших условиях, имеют хорошую семейную жизнь. У тех, кто живет в плохих жилищных условиях, число успешных браков несколько ниже – 56%» [4, с. 23]. Другие ученые в качестве главной причины разногласий между мужем и женой называют финансовые затруднения (53%) и плохие жилищные условия – 19% [5, с. 69]. Одновременно с этим, параллельно с выводами, касающимися безусловного позитивного влияния увеличения определенного уровня семейной жизни на разрешение ее трудностей, другие исследования, направленные на межличностные отношения, выявили, что решение сложных финансовых проблем в браке автоматически не всегда приводит к решению всех остальных вопросов и проблем. Этот факт подтверждается в исследованиях И. Родзиского, который утверждает в своих работах, что «постоянные семейные конфликты возникают в семьях с низким доходом – 35%, со средним – 30%, с доходом выше среднего – 37%. Плохие материальные условия сами по себе не вызывают конфликтных ситуаций в семье, не усиливают ссоры между супругами» [11, с. 108].

Еще более противоречивые данные, которые свидетельствуют о взаимосвязи благосостояния и необходимого уровня обеспеченности семьи жильем. «К примеру, при повышении уровня обеспеченности с самого минимального до 5 м/кв на каждого члена семьи происходит почти незаметное, но улучшение отношений в семье. Однако при обеспеченности 6 м/кв, наоборот, наблюдается заметное ухудшение, которое отмечается практически одинаково по данным исследований, про-

веденных в разное время и на разных территориях» [14, с. 210]. Дальнейшее увеличение необходимой площади приводит к различным колебаниям иногда в лучшую и позитивную, иногда в худшие и отрицательные стороны удовлетворенности всех членов семьи. Исследованиями также было зафиксировано противоречивое и неоднозначное влияние имущественного положения всей семьи на уровень отношений внутри семьи [14, с. 200].

По мере более детального и углубленного изучения проблемы все чаще предлагается рассматривать институт семьи как «сферу личных, эмоциональных отношений» [12, с. 163]. Субъективный фактор, как правило, лежит в основе большинства конфликтных ситуаций в семье, включая в том числе различные взгляды на жизнь, расхождения во взглядах на воспитание детей, разные интересы и увлечения, бытовые вопросы и неверность супругов по отношению друг к другу.

Любовь в том числе взаимосвязана с некоторыми глубинными процессами когнитивного характера: когда человека любят окружающие и высказывают восхищение им, это повышает его личную самооценку, а также расширяет установленные границы человеческого «я». Влюбленные формируют друг для друга идеализированное представление о своем партнере, и последний пытается соответствовать этому образу и приближается к нему, так что разрыв между существующим реальным и идеальным «я» сокращается [2, с. 54]. Помимо этого, межличностные взаимоотношения в браке связаны, как правило, с культурным уровнем двух супругов. Однако общепринятого подхода, определяющего оценку такого уровня в исследованиях не обозначен, поэтому большинство исследователей, занимающихся этим вопросом, опираются на определенный уровень образования, который является традиционным статистическим показателем. По мнению П. Эглите «в зависимости от уровня образования показатель удовлетворенности семейной жизнью распределился следующим образом: среди людей с начальным образованием он составил 72% у мужчин и 49% у женщин, с неполным средним образованием – 68% и 48%, с полным средним образованием – 70% и 53%, с высшим образованием – 73% и 60% соответственно» [16, с. 63]. Автор объясняет выявленную более высокую удовлетворенность респондентов, имеющих высшее образование, и их более конкретизированное отношение к избирательности в выборе брачного партнера.

Кроме того, у людей в браке в среднем психическое и эмоциональное здоровье значительно лучше, чем у неженатых людей. Кокрейн, например, собрал и систематизировал данные о людях, которые находятся в психиатрических больницах Англии, подтверждающие данное утверждение. Гоув в рамках своих исследований пришел к подобным выводам относительно американских мужчин, но среди женщин было обнаружено, что

влияние семейного положения слабее. Все еще остается непонятным: либо брак является основной причиной таких различий, либо те, кто часто страдает от депрессии и других проблем, связанных с психическим здоровьем, с меньшей вероятностью вступают в брак и долгое время не разводятся. Горвиц, исследуя данный вопрос, провел специальный эксперимент, наблюдая за 829 женщинами и мужчинами в течение 7 лет, начиная с 25-летнего возраста. Те, кто вступил в брак в сравнении с холостяками, характеризуются повышенным снижением депрессивного состояния и зависимости от алкоголя [6, с. 112]. Меньший ощутимый эффект был отмечен среди лиц женского пола, что, скорее всего, связано с небольшими и реальными шансами тех, кто страдает от постоянной депрессии, вступить в брак.

Благотворная роль семейной жизни в обретении стабильного психического здоровья зависит от качества брачных отношений. В своем исследовании Браун и Харрис [15, с. 186] обнаружили, что стресс приводит к депрессии у лиц женского пола, если у них нет мужа, который действовал бы как «тот, с кем можно поговорить о себе и своих проблемах».

Пайкел и соавторы выявили, что удовлетворенность в процессе жизни отношениями с мужем предотвращает влияние депрессии во время беременности, но ощутимая помощь в данном случае не играет никакой роли. Амберсон [16, с. 75] провел большое и масштабное лонгитюдное исследование в Америке и выявил, что «стресс, вызванный, например, рождением детей-подростков, приводит к депрессии, особенно у женщин, но социальная интеграция и поддержка супругов оказывают смягчающий эффект – они уменьшают депрессию и алкогольную зависимость».

Социальная поддержка, которая оказывается индивиду, состоящему в браке, заметно влияет на его здоровье еще и потому, что семейные люди в большей мере демонстрируют более здоровое поведение по отношению друг к другу. Например, они не пьют и не курят в таких значительных количествах, как холостяки, лучше питаются, более точно стараются выполнять предписания докторов, что говорит о большей заботе супругов друг о друге. Сокращение потребления крепкого алкоголя снижает риск появления цирроза печени, сокращение курения, как правило, снижает риск развития рака легких, а правильное питание, больше различных физических упражнений и уменьшение стрессовых ситуаций снижают риск сердечных приступов.

Даже обычный простой разговор может благоприятно сказываться на благополучии в браке, поэтому супруги часто прибегают к данному способу взаимодействия в процессе жизнедеятельности. Пеннебейкер выявил, что люди, которые пережили эмоциональные и травмирующие со-

бытия, а затем рассказали об этих событиях или даже попытались записать свои переживания, реже обращались к доктору в течение следующих пяти-шести месяцев. То же самое было выявлено и у тех, кто овдовел в результате самоубийства своего супруга (супруги) или смерти, которая произошла в результате несчастного случая.

Некоторые из аспектов, которые вызывают позитивные эмоции у влюбленных, также оказывают влияние на брак, особенно в первые годы семейной жизни. Аргайл и Фернхэм [2, с. 39] выделили 3 фактора, которые характеризуют удовлетворенность социальными отношениями, и семья занимает одно из первых мест по всем этим обозначенным позициям. «Первый – это инструментальная удовлетворенность: самые счастливые браки – это те, в которых супруги довольны своим финансовым положением и в которых один из партнеров выполняет работу по дому. Второй – это эмоциональная удовлетворенность; социальная поддержка, теплые отношения и секс являются наиболее важными факторами счастливого брака. Здесь также присутствует фактор альтруизма: счастье и здоровье партнера важны для счастья в браке. Третье – это общение во время совместного досуга, похожее на дружеское общение, но в данном случае эта форма, по-видимому, играет большую роль». Однако, если мужу и жене не удастся сформировать устраивающую обоих позитивную модель семьи, общие семейные ценности и цели в первые годы семейной жизни, наступают элементы разочарования, которые обычно приводят к алкогольным проявлениям и развитию вне семейных отношений у мужей, а также к росту необоснованных конфликтов и созданию напряженности в семье у жен.

Качество семейной жизни также является важным фактором. Рассел и Уэллс [7, с. 127] опросили 1207 английских супружеских пар, чтобы определить факторы счастья у испытуемых. В результате они пришли к выводу, что важнейшей предпосылкой счастья является качество семейной жизни. Через него на счастье оказывают влияние экстраверсия и нейротизм. Берри и Уиллингем [1, с. 175] выявили, что «у счастливых людей более крепкие романтические и другие близкие отношения, потому что они прибегают к более позитивному невербальному общению и конструктивно разрешают конфликты – у них более развиты социальные навыки».

С. Голод отмечает, что образ успешной семьи не является все время постоянной величиной, а проходит ряд определенных этапов и не всегда совпадает у мужчин и женщин. «Удовлетворенность супругов браком во многом определяется тем, реализуется ли соответствующая ценность брака на определенном этапе функционирования семьи» [6, с. 50].

Результаты исследования демонстрируют отрицательную корреляцию между продолжительностью

первого брака и уровнем семейного счастья, особенно выраженную у женщин. Этот феномен может быть объяснен различиями в стратегиях поведения мужчин и женщин в случае неудовлетворительного брака: мужчины чаще прибегают к разводу, тогда как женщины демонстрируют большую склонность к сохранению супружеских отношений.

Примечательно, что доля женщин, не сообщающих о наличии серьезных семейных проблем, остается относительно постоянной независимо от продолжительности брака, что может свидетельствовать о приоритете сохранения видимости семейного благополучия над субъективным ощущением счастья. [14, с. 241].

По словам Тараданова А.А. «эмоциональная удовлетворенность семейной жизнью не зависит от пола, социального статуса, дохода семьи, а связана с наличием детей. Рождение первого ребенка ослабляет интенсивность эмоциональных отношений между супругами. Один из них чувствует себя менее любимым, чем раньше» [14, с. 164]. Это подтверждается другими научными исследованиями, где семейное счастье мужа и жены, у которых нет детей, выше, чем в семьях с наличием детьми. С увеличением количества детей и их возрастных показателей уровень общего семейного счастья начинает снижаться.

Дети чувствуют себя лучше, когда их родители живут в гармонии. Конфликты между родителями, особенно серьезные, могут негативно влиять на детей, увеличивая риск агрессивного поведения, непослушания, депрессии и тревожности [2, с. 146].

Амберсон обнаружила, что рождение ребенка в раннем возрасте часто вызывает стресс у матери, но поддержка партнера может смягчить это воздействие. Интересно, что рождение детей связано с более продолжительной продолжительностью жизни супругов, что указывает на потенциальную пользу для здоровья. Наиболее выраженное положительное влияние социальной поддержки на физическое и психическое здоровье наблюдается у женщин, которые являются матерями, имеют мужа и работают [2, с. 68].

Исследование Лу, проведенное среди взрослых тайваньцев, показало, что чувство поддержки в семье связано со снижением негативных эмоций, даже с учетом других факторов. В частности, развод может сильнее ударить по мужчинам, вызывая у них более глубокую депрессию, особенно если они лишены возможности общаться со своими детьми.

Современные исследования показывают, что развод родителей оказывает меньшее негативное влияние на детей, чем раньше. Американское исследование Моррисона

и Черлин [17, с. 98], охватившее более тысячи детей в течение двух лет, не выявило негативного влияния развода на девочек. Однако для мальчиков влияние развода было связано с ухудшением экономического положения семьи и снижением социального статуса. В то же время британское исследование показало, что развод оказывает традиционное негативное влияние на девочек [2, с. 147].

В целом, по мнению Аргайла, наличие детей не оказывает существенного влияния на уровень счастья родителей. Тем не менее, влияние детей на счастье родителей различается в зависимости от стадии жизненного цикла семьи. Исследования, проведенные в США и Великобритании, показывают, что удовлетворенность браком со временем снижается, а затем снова возрастает. Самые сложные периоды для семейного счастья — это те, когда дети совсем маленькие или в подростковом возрасте. Фаза «пустого гнезда» может быть полезной, при условии сохранения хороших отношений со взрослыми детьми. Австралийское исследование Фини и соавторов показало, что эта модель действительна для женщин, но не для мужчин [10, с. 95]. Недавние исследования показали, что развод родителей в настоящее время менее травматичен для детей, чем в прошлом. Моррисон и Черлин [17, с. 98] наблюдали за 1123 детьми в течение двух лет. Они не обнаружили никаких последствий развода родителей для девочек, но его влияние на мальчиков было обусловлено возникающими в результате этого экономическими трудностями и нисходящей социальной мобильностью. Это исследование было проведено в Америке. Недавнее исследование проблемы в Великобритании показало, что развод влияет на девочек обычным образом [2, с. 147]. По словам И. Бониуэлл, «определенные объективные факторы влияют на удовлетворенность браком. Среди них высокий уровень образования, хорошее социально-экономическое положение, схожие интересы и уровень интеллекта, ранняя или поздняя стадия семейного цикла (до и после рождения детей), сексуальная совместимость и, для женщин, поздний брак» [3, с. 132].

Вопрос гендерных различий в счастье остается предметом дискуссий. Метаанализ большого количества исследований, проведенный Вудом и соавторами [7, с. 179], выявил лишь незначительные различия: женщины в среднем немного счастливее мужчин, испытывают немного больше положительных эмоций и больше удовлетворены жизнью. Однако эти различия не всегда постоянны, и в некоторых случаях мужчины демонстрируют более позитивные оценки общего благополучия. Эффект «брака» несколько усилил незначительное преимущество женщин в счастье. Кроме того, с возрастом у мужчин наблюдается тенденция к повышению уровня счастья по сравнению с женщинами.

В то же время влияние пола на негативные эмоцио-

нальные состояния выражено гораздо сильнее. Женщины значительно чаще страдают депрессией, тревогой и невротизмом, чем мужчины. Интересно, что эти гендерные различия менее заметны в этнических и традиционных культурах. Важно подчеркнуть, что более высокая распространенность депрессии среди женщин не обязательно противоречит их несколько более высокому общему уровню счастья, поскольку клиническая депрессия затрагивает лишь часть населения [2, с. 157].

Женщины испытывают, как правило, более сильные эмоции, чем мужчины. Это касается как положительных, так и отрицательных эмоций. Динер [17, с. 134] обнаружил, что «средняя интенсивность эмоций по шкале от 1 до 6 составляет 4,34 балла для женщин и 3,88 балла для мужчин. Это можно объяснить тем фактом, что социализация учит женщин активнее выражать свои чувства. Также вероятно, что женщины более вовлечены в социальные отношения».

Большой акцент делается на повышенной подверженности женщин депрессии. Предлагаются следующие объяснения:

- насилие: женщины чаще становятся жертвами сексуального и физического насилия, что негативно влияет на их психическое здоровье;
- эмпатия: высокий уровень эмпатии делает женщин более восприимчивыми к чужому горю, что может привести к депрессивным состояниям;
- стратегии преодоления стресса: исследования показывают, что женщины склонны «пережевывать» проблемы, то есть постоянно думать о негативных событиях. Вместо того чтобы искать решения, они застревают на проблеме, что усугубляет депрессию. Это противоречит распространенному мнению о пользе «выпускания пара» (катарсиса) [13, с. 63]. В отличие от женщин, мужчины в депрессии чаще прибегают к физической активности или общению с друзьями за различным времяпрепровождением. Физические упражнения отвлекают от негативных мыслей и улучшают настроение.

Также существуют различия в источниках счастья для мужчин и женщин. Мужчины больше ценят работу, финансовое благополучие и самооценку. Женщины, с другой стороны, больше сосредоточены на благополучии детей и здоровье семьи, а также более критичны к себе. Внешность играет гораздо большую роль в самооценке женщин, особенно после 45 лет, когда они часто чувствуют себя менее привлекательными. Хотя высокий рост является преимуществом для мужчин, это не всегда так для женщин.

Степень гендерных разнообразий в различных культурных сообществах имеет различия. Согласно Аргайлу «счастье мужчины зависит главным образом от его удов-

летворенности работой, в то время как счастье женщины зависит от удовлетворенности семейной жизнью и счастья членов семьи» [2, с. 86].

Одним из существенных и главных критериев профессиональной социализации каждого индивида является его личное переживаемое субъективное благополучие, которое может, соответственно, быть отнесено к разным ипостасям профессиональной и личной деятельности индивида. По мнению Шамяникова [15, с. 169], «проблема субъективного благополучия в профессиональной сфере становится все более острой в силу многих причин, включая объективные обстоятельства осуществления деятельности, результаты общей и профессиональной социализации, а также те, которые не имеют к ней прямого отношения, но во многом выступают в качестве детерминант благополучия. (социальная, политическая, экономическая неопределенность)». В отечественных работах важная проблема удовлетворенности трудом была в большей степени раскрыта. Однако данная проблематика не была связана с другими основными составляющими характеристик благополучия и, в этом смысле, была полностью оторвана от целостной жизни исследуемого индивида.

Существует ряд различных исследований, в которых удовлетворенность непосредственно работой рассматривается с различных точек зрения в системе личных взаимоотношений. Так, Самсонов О.В. [13, с. 177], изучая взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и стилем управления у педагогов и торговых работников, обнаружил важные различия, основанные на характеристиках непосредственно внутренней среды испытываемой организации и их управленческой культуре. Еще ранее Э. Мэй предложила начать рассматривать удовлетворенность трудом как основной показатель ее эффективности. В отечественной психологии было выявлено, что эффективность той или иной деятельности индивида связана с отношением к ней, которая выражается в удовлетворенности. Также периодически предпринимаются попытки совместного и взаимосвязанного изучения удовлетворенностью трудом и удовлетворенностью жизнедеятельностью. Так, в исследованиях Бессокирной Г.П. и Темницкой А.Л. отражено, что «существует расхождение между оценками удовлетворенности работой на предприятии и удовлетворенностью жизнью в целом». Ранее М. Аргайл говорил, что эти составляющие критериев благополучия взаимосвязаны, но основная определяющая роль того или иного критерия может изменяться.

Как в зарубежной, так и в отечественной науке исследуется взаимосвязь между мотивацией и удовлетворенностью. В частности, интерес ученых направлен на изучение взаимосвязи между непосредственно мотивацией и удовлетворенностью образовательной деятельностью студентов (Т.В. Прохоренко), волонтеров (М.Г. Ро-

гов, О.В. Гаврилова), мотивацией и удовлетворенностью трудовой деятельностью (Х. Гезелл, К. Замфир, Э. Мэйо, Ф. Герцберг, В.П. Захаров, Ю.П. Поваренков).

Многочисленные исследования факторов, влияющих на личное благополучие, указывают на значимость профессиональной занятости. Шамионов подчеркивает этот факт, а результаты исследований Аргайлы и Муздобаева подтверждают его, демонстрируя более высокую удовлетворенность жизнью среди работающих людей по сравнению с безработными.

Помимо этого, как считает Ю.П. Поваренкова [10, с. 78], высшим проявлением профессиональной идентичности индивида является профессиональная удовлетворенность трудовой деятельностью. По мнению Л.М. Митиной «удовлетворенность профессиональной деятельностью и самим собой является основным механизмом поведенческой подструктуры самосознания» [8, с. 112].

Также в исследованиях А.А. Реана, А.Р. Кудашева и А.А. Баранова выявлено, что повышение удовлетворенности трудовой деятельностью можно рассматривать как важный фактор, положительно оказывающий воздействие на степень стрессоустойчивости педагога [11, с. 156].

Взаимосвязь между удовлетворенностью работой, различными жизненными аспектами и общим субъективным благополучием человека изучена гораздо меньше, чем следовало бы. Шамионов подчеркивает, что период подготовки к профессиональной деятельности, являющийся важной частью ранней профессиональной социализации, обладает рядом специфических характеристик. По мнению Шамионова «с одной стороны, молодые люди испытывают противоречивость установок и представлений о критериях благополучия, с другой стороны, действие различных детерминант вынуждает их прибегать к компенсации, одним из последствий которой является «глухота», неспособность обнаружить текущие проблемы, которые требуют решения и, в некоторых случаях, приводят к социальной и личной пассивности» [15, с. 241].

На сегодняшний день практически не проводилось исследований субъективного благополучия волонтеров, работающих в различных областях добровольчества. Исключением является лишь работа Шамионова, который изучал, как различные аспекты благополучия связаны с установками волонтеров относительно ожидания помощи, мотивации к деятельности и стремления к независимости. В своих исследованиях Шамионов выявил, что волонтеры демонстрируют относительно низкую удовлетворенность своими познавательными потребностями и поведением, но при этом их уровень удовлетворенности выбранной профессией и учебой существенно выше [15, с. 243]. Эмоциональное благопо-

лучие волонтеров тесно связано с общей удовлетворенностью жизнью, удовлетворением жизненных потребностей, самопринятием и качеством общения, а также мотивацией получать одобрение и удовлетворение от своих действий.

Шамионов обнаружил, что студенты педагогического вуза, сомневающиеся в правильности своего профессионального выбора, испытывают значительное напряжение и неудовлетворенность жизнью и отношениями. Это контрастирует с теми, кто доволен своей профессией, которые демонстрируют спокойствие и успешность. Неудовлетворение когнитивных потребностей также связано с неадекватным выбором профессии, поскольку такие студенты не находят возможности для реализации своих познавательных интересов в рамках университета, что негативно влияет на их общее благополучие и ощущение смысла жизни.

Согласно факторному анализу, который провел Шамионов, самыми сильными и важными факторами успеха в образовательной деятельности, профессиональном становлении и материальном благосостоянии являются государственные и политические системы. Кроме того, «надежда на «судьбу» и на самого себя одинаково значима с точки зрения этого успеха, хотя молодые люди возлагают наибольшие надежды на помощь своей семье и государства, а ожидание помощи от родственников и Бога является значительным» [15, с. 244]. В целом, из научных работ Шамионова можно сделать вывод, что эмоционально благополучная молодежь – это те, кто пытается возложить большие надежды в успешных критериях благополучия на социальные институты. Данные надежды выражаются в оказании помощи молодым людям и поддержки в достижении поставленных задач в различных сферах жизнедеятельности при достаточно заниженном уровне непосредственно самостоятельности и сильной мотивации к получению одобрения. Из этого следует наиболее высокая степень приверженности молодежи к социальным традициям и нормам в отношении получения и ожидания помощи от различных субъектов их окружающих и внутреннего стремления личности принять групповые ценности и стандарты.

Подводя итог, можно сказать, что представляется совершенно очевидным, что выявленные типологические подходы к изучению и исследованию субъективного благополучия явно не в полной мере соответствуют современному положению вещей. Существует определенный запрос к исследователям и их изысканиям относительно выявления новой структуры данного феномена, влияния благополучия на поведение индивида и формирование социально-психологических характеристик, имеющих важное значение. Также важным аспектом является выявление определённых структур благополучия для различных групп людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. — М.: Аспект Пресс, 2020. — 373 с.
2. Аргайл М. Психология счастья. СПб: Питер, 2023. — 271с.
3. Бонивелл И. Ключи к благополучию: Что может позитивная психология. — М.: Время, 2019.— 192 с. 47 с
4. Белоусова И.С., Костин А.А. Трудовой коллектив и семья: проблемы стабилизации / в кн. Предприятие и семья: проблемы сотрудничества / Тезисы докладов областной научно—практической конференции. Челябинск, 1989.
5. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976
6. Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996
7. Джеймс У. Психология. — М.: Педагогика, 2021. — 368 с.
8. Митина Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально—экономических условиях // Вопр. психол. — 1997. — №.4. — С.28—37.
9. Мясищев В.Н. Психологии отношений М.—Воронеж, 2013. С.6.
10. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека. М., 2022. С. 89
11. Родзинская И.Ю. Материальное благосостояние и стабильность семьи // Социол. Исслед. 1981. N3.
12. Сысенко В.А. Устойчивость брака. М., 1981
13. Самсонов О.В. Стиль руководства и удовлетворенность трудом: организационно—культурная обусловленность // Личность и бытие: субъектный подход. Становление и реализация субъектности личности в профессии. Краснодар, 2005. С. 74—76
14. Тараданов А.А. Семейный круг. Результаты социологических исследований проблем семьи в Уральском регионе в 1993—1999 годах. Челябинск, 2000
15. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р.М. Шамионов. — Саратов: Изд—во Саратов. ун—та, 2018. — 294
16. Эглите П.А. Особенности репродуктивного поведения в условиях высокой внесемейной активности населения // Социол.исслед. 1985. N4.
17. Diner E. Subjective well—being: Three decades of progress. Psychological Bulletin. 1999.
18. Selegman M., Schuiman P.Explanatory style as a predictor of performance as a life insurance agent. Journal of Personality and Social Psychology, 1986. 832—838.

© Овсяник Ольга Александровна (ovsianik@mail.ru), Орешков Антон Павлович (oreshkov-anton@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЛОНТЕРОВ, ЗАНЯТЫХ В ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ЛЮДЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF VOLUNTEERS ENGAGED IN HELPING PEOPLE IN DIFFICULT SITUATIONS

**A. Oreshkov
O. Ovsyanik**

Summary: Over the past 15 years, according to the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, the percentage of volunteer activity has increased significantly. Volunteering, as one of the forms of philanthropy and pro-social activity, as well as the best platform for solving problems significant to the people, has become an urgent phenomenon that is gaining popularity among Russian citizens, which generally contributes to the improvement and well-being of a democratic society. These trends indicate the humanization of society, its achievement of spiritual, moral and psychological well-being, socio-economic prosperity in general, as well as the harmonization of interpersonal relations of the studied category of people both in a socially significant prosocial field and in intra-family relationships in particular. In particular, volunteer work has a positive impact on the personal growth of each individual who engages in gratuitous assistance – it leads to a positive change in his communicative consciousness, develops empathy and promotes self-actualization. People who provide assistance to people in difficult life situations have certain socio-psychological characteristics that are most often characteristic of extroverts. Moreover, they show flexibility, lack of self-esteem, reliability, responsibility, have faith in the expediency of their own actions and expect success from their implementation.

Keywords: volunteerism, philanthropy, volunteerism, assistance, socio-psychological characteristics, psychological portrait of a volunteer, motivational determinants, Russia Public Opinion Research Center (VCIOM).

Орешков Антон Павлович

Аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения», (г. Москва)
oreshkov-anton@yandex.ru

Овсяник Ольга Александровна

доктор психологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения», (г. Москва)

Аннотация: За последние 15 лет, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, процент добровольческой деятельности существенно вырос. Волонтерство, как одна из форм филантропии и проявления просоциальной активности, а также лучшая платформа для решения значимых для народа проблем, стало актуальным явлением, набирающим популярность среди граждан России, что в целом способствует оздоровлению и благополучию демократического общества. Данные тенденции свидетельствуют о гуманизации социума, достижении им духовно-нравственного и психологического благополучия, социально-экономического процветания в целом, а также гармонизации межличностных отношений исследуемой категории лиц как на общественно значимом просоциальном поприще, так и во внутрисемейных взаимоотношениях в частности. В том числе, добровольческий труд оказывает положительное влияние на личностный рост каждого индивида, занимающегося волонтерством – ведет к позитивному изменению его коммуникативного сознания, развивает эмпатию и способствует самоактуализации. Лица, занятые оказанием помощи людям, находящимся в трудных жизненных ситуациях, обладают определенными социально-психологическими характеристиками, которые чаще всего свойственны для экстравертов, более того, они проявляют гибкость, безоценочность, надежность, ответственность, имеют веру в целесообразность собственных действий и ожидают успех от их реализации.

Ключевые слова: волонтерство, филантропия, добровольчество, помощь, социально-психологические особенности, психологический портрет волонтера, мотивационные детерминанты, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Введение

Данные Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ, г. Москва) свидетельствуют о том, что «в период с 2013 по 2021 гг. число волонтеров в России увеличилось в восемь раз. А опрос Центра исследований ВШЭ показал: в 2022 г. 44 % россиян хотя бы разово помогали нуждающимся» [9]. Более того, согласно статистике Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), добровольная активность в некоммерческих благотворительных орга-

низациях с каждым годом все более и более набирает обороты, а именно: если в 2010 г., исходя из исследований А.Б. Бархаева (2010) [3], этот показатель едва достигал 9 % [3], в 2020 г., по данным Forbes, насчитывал уже 23 % [9], то с 2023 по 2025 гг. он вырос с 27 % до 36 %, как и число окружающих лиц, занимающихся безвозмездной помощью (см. рисунок 1):

Помимо вовлеченных в добровольческий труд людей, две трети россиян декларируют полную готовность оказывать безвозмездную помощь лицам, находящимся

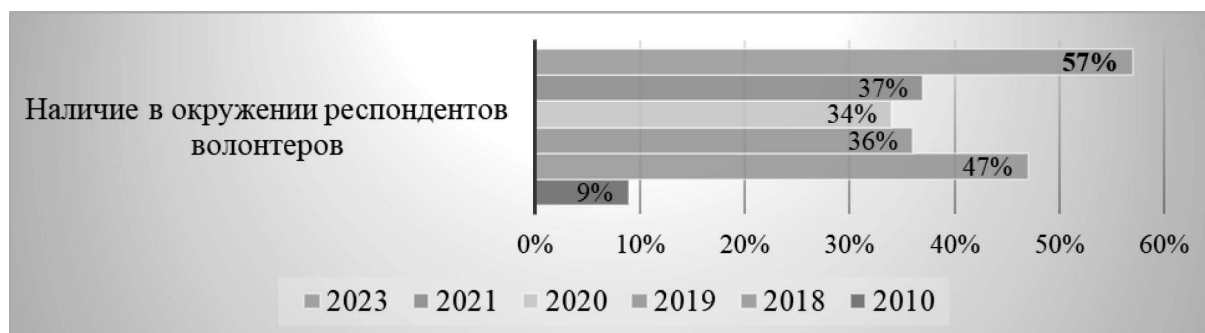

Рис. 1. Рост знакомых и друзей респондентов, вовлеченных в добровольческую деятельность (с 2018 по 2023 гг. включительно; данные получены с официального сайта ВЦИОМ, 2023 [4]. Рисунок автора).

в трудной жизненной ситуации (в 2025 г. – 67 %) [8]. При этом общественно полезной деятельностью активно занимается одинаковое количество мужчин и женщин, более того, высокая степень вовлеченности в волонтерство сохраняется у россиян всех возрастов от 18-ти до 60-ти лет [8].

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы: анализ, синтез, систематизацию и обобщение полученных результатов и статистических данных.

Результаты и обсуждение

Рост окружающих лиц, вовлеченных в волонтерство в 2018 г., составлял 47%, тогда как в 2021 г. он вырос до 72 %, а в 2023 г. – еще на девять процентов (81 %) и сохранился в 2025 г. (81 %) [8]. По данным Forbes, «87% респондентов принимали участие в деятельности, которую можно назвать волонтерской» [9]. Такое поведение отражает прямые попытки улучшить структуру и функционирование общества [10]. В России данный феномен детерминирован определенными социальными факторами, обусловленными «внешними кризисными ситуациями, мобилизующими общественный ресурс» [4], которые можно условно дифференцировать на 4 основных составляющие:

- всплеск уровня информированности и образованности граждан [4];
- рост солидарности и активизация гражданской активности [4];
- проявление гражданской позиции и патриотизма [8];
- локальная инициатива, превалирующая над институциональной практикой (за исключением самой молодой возрастной когорты) [8].

Согласно статистическим данным Т. Смак (2025), наиболее высокий уровень готовности к волонтерству и непосредственно самой работы в добровольческой деятельности демонстрирует молодежь 18-24 лет [8], половина из которой уже имеет опыт участия в социальных проектах, оказания помощи лицам из уязвимых групп и прочей безвозмездной трудовой деятельности в разных

сферах, а три четверти хотят заниматься этим в ближайшей перспективе. Статистика ВЦИОМ свидетельствует о том, что основная часть респондентов поддерживает инициативу волонтерства их детей и внуков – это говорит о росте привлекательности и престижа данной практики и укрепления ее роли в обществе [8].

Восприятие волонтерства как позитивного феномена отражено в исследованиях ВЦИОМ за 2023 г. [4], исходя из которых данная тенденция интерпретируется среди россиян как (см. рисунок 2):

На рисунке 3 перечислены преимущественно социально обусловленные механизмы внутренней регуляции, мотивирующие личность заниматься волонтерской деятельностью, которая, в свою очередь, способствует формированию чувства доверия и укреплению горизонтальных связей в обществе [8], а также принципов гуманизма и взаимопомощи [6, с. 2]. Исследования Forbes (2023) указывают на то, что волонтерство повышает субъективный уровень счастья и способствует снижению риска депрессии; благодаря окситоцину, вырабатываемому при эмоциональном контакте, укрепляется психическое и физическое здоровье волонтера; лицо, вовлеченное в регулярную филантропическую деятельность, становится в глазах окружающих более импонируемым субъектом [9].

По мнению респондентов ВЦИОМ (2023 г.), существуют следующие социально-психологические причины оказания помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации [4] (см. рисунок 3):

Помимо социальных особенностей, следует выделить такие интересующие и интрасубъектные психологические факторы, мотивирующие заниматься волонтерством, как: «альтруистическая доброта» (не предполагающая вознаграждения) и «стратегическая доброта» [7, с. 43] (т.е. совершение добрых дел выполняется под влиянием окружающих и с расчетом на ответную соразмерную реакцию).

Интрасубъектные факторы в контексте менталь-

Рис. 2. Интерпретация феномена «волонтерство» с точки зрения россиян (данные получены с официального сайта ВЦИОМ, 2023 [4]. Рисунок автора).

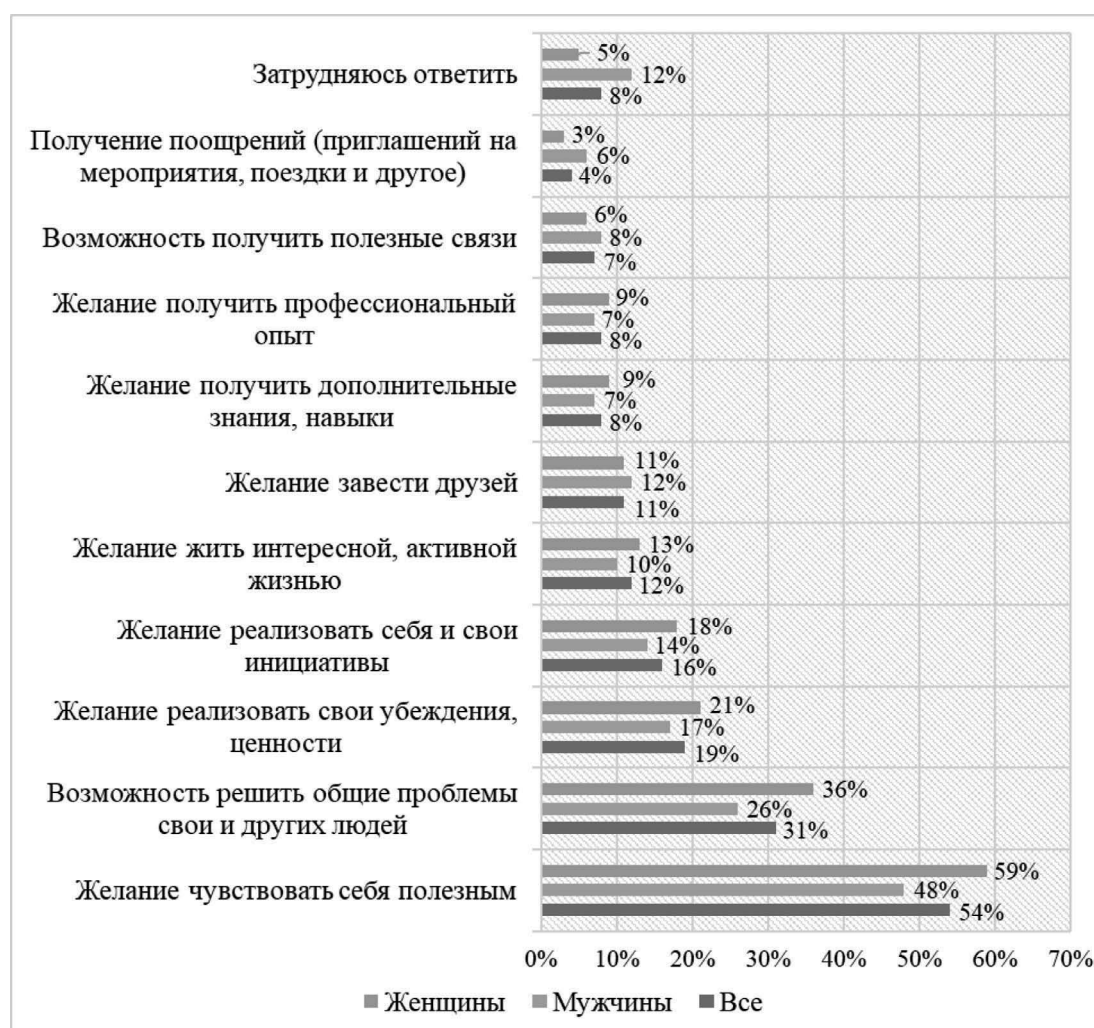

Рис. 3. Социально-психологические мотивационные детерминанты оказания помощи уязвимым группам в трудных жизненных ситуациях (данные получены с официального сайта ВЦИОМ, 2023 [4]. Рисунок автора).

ной репрезентации «Я-концепции» и окружающей действительности, а также внутренних ресурсов личности, опираются на тренды, сфокусированные на «заботе о благополучии и правах Других, заинтересованности в оказании им помощи и поддержки» [7, с. 43], интрасубъектные факторы – на заботу о личных потребностях, приоритетные ценности и идеологические концепции, субъективные этические стандарты – все то, чем руководствуется такой человек на протяжении всей своей траектории жизни, в рамках чего он стремится развиваться, совершенствоваться и расти [7].

Различия в готовности людей вступать в филантропические движения указывают на роль психологических факторов, способствующих или препятствующих волонтерству [10]. Согласно результатам исследований Е.С. Азаровой (2008), М. Субанта (2023), В. Блейддорн, А.Г. Штальманн, У. Орт, Л.Д. Смитли, К. Хопвуд (2025), главной детерминантой волонтерства выступает система индивидуально-психологических характеристик личности: высокий уровень уверенности в себе, интернальности, эмпатии и рефлексии, толерантности, самоконтроля, ответственности, альтруистической и творческой направленности личности [1, с. 6; 9; 10, р. 363].

Среди внутренних детерминант вовлеченности в добровольческую практику, по мнению Е.А. Митициной, Е.В. Ковалевской (2022) и М. Субанта (2023), следует выделить альтруизм и коммуникативные свойства человека [6, с. 2; 9], помимо которых психологический портрет волонтера включает в себя также:

- высокие внутренние стандарты (Корнеева 2015 [5, с. 132]);
- высокий уровень добросовестности (Митицина, Ковалевская 2022 [6, с. 2]; Bleidorn, Stahlmann, Ulrich, Hopwood 2025 [10]).
- отзывчивость, экспрессию в выражении эмоций (Семикин, Игнатенко, Арсеньева, Неговская, Курагина, Белогубец 2013; Митицина, Ковалевская 2022 [6, с. 2]);
- позитивное отношение к себе и людям (Корнеева 2015 [5, с. 132]; Митицина, Ковалевская 2022 [6, с. 2]);
- самооффективность, стремление к пережива-

нию собственной эффективности (Корнеева 2015 [5, с. 132]);

- стрессоустойчивость; конкурентоспособность; умение выстраивать партнерские отношения и высокую производительность труда (Субанта 2023 [9]);
- социальную экстраверсию, доброжелательность, эмоциональную устойчивость / стабильность, уверенность в себе и собственных силах (Lodi-Smith, Roberts 2007 [11, р. 68]; Азарова, Яницкий 2008 [2, с. 121; 1, с. 6]; Корнеева 2015 [5, с. 132]; Митицина, Ковалевская 2022 [6, с. 2]);
- сочувствие и эмпатию (Корнеева 2015 [5, с. 132], Митицина, Ковалевская 2022 [6, с. 2]; Субанта 2023 [9]).

Помимо этого, как подчеркивают М. Субанта (2023), Риар и др. (Riar et al. 2024), а также Ж.Э.К. Манджаджи, Н. Муса и Н.Х.М. Нур (Manjaji, Musa, Noor 2024): волонтеры получают максимальное удовлетворение от того, что помогают людям, нуждающимся в этом [9; 12], а лица с такими выраженными чертами, свойственными для филантропа, как доброжелательность, эмоциональная стабильность и добросовестность, как правило, лучше справляются не только с общественными обязанностями, но и с семейными [11].

Между тем важно соблюдать баланс между альтруизмом и здоровым эгоизмом [9], чтобы волонтерство не приобретало признаки патологического (когда человек стремится заниматься добровольческой деятельностью в ущерб своей работе, семье и затрачивает ресурсы, превышающие его стабильный доход).

Выводы:

Волонтерство набирает популярность в России, особенно среди молодежи, которую активно поддерживают лица старших возрастных категорий. Для личностей, занимающихся добровольческой деятельностью, характерна прежде всего социальная экстраверсия – волонтеры обладают экспрессивностью, коммуникабельностью, активной жизненной позицией, а также эмпатией, уверенностью в себе и своих начинаниях, безоценочностью и гибкостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова Е.С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / Азарова Елена Станиславовна; [Место защиты: Дальневост. гос. ун-т путей сообщ.]. Хабаровск, 2008. 20 с.
2. Азарова Е.С., Яницкий М.С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. №306. С. 120-125.
3. Бархаев А.Б. Социально-психологические предпосылки вовлечения студенческой молодежи в волонтерскую деятельность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2010. №1. С. 51-58.
4. Волонтеры России: мониторинг. Официальный сайт ВЦИОМ. Статья от 04.12.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring> (дата обращения: 06.08.2025).
5. Корнеева Е.Л. Основные направления исследования волонтерской деятельности // Психологическая наука и образование. 2015. № 1. Т. 7. С. 131-141.

6. Митицина Е.А., Ковалевская Е.В. Структура психологической готовности к волонтерской деятельности у студентов // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. №5. С. 1-10.
7. Рязузова Е.В. Личностно обусловленный контент доброты в контексте межличностных интеракций // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2024. №1. С. 40-49. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-1-40-49>.
8. Смак Т. Волонтерство в России: мониторинг. Официальный сайт ВЦИОМ. Статья от 23.07.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volonterstvo-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 06.08.2025).
9. Субанта М. Баланс альтруизма со здоровым эгоизмом: почему волонтерство делает людей счастливее // Forbes. Статья от 27.02.2023. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/485412-balans-al-truizma-so-zdorovym-egoizmom-pocemu-volonterstvo-delaet-ludej-scastlivee> (дата обращения: 07.08.2025).
10. Bleidorn W., Stahlmann A.G., Ulrich O., Hopwood Ch. (2025) Personality Traits and Traditional Philanthropy: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology* 129(2):363-383. <https://doi.org/10.1037/pspp0000556>.
11. Lodi-Smith J., Roberts B.W. (2007) Social Investment and Personality: A Meta-Analysis of the Relationship of Personality Traits to Investment in Work, Family, Religion, and Volunteerism. *Personality and Social Psychology Review* 11(1):68-86. <https://doi.org/10.1177/1088868306294590>.
12. Manjaji J.E.C., Musa N., Noor N.H.M. (2024) Determinants of Voluntary Intention in Welfare Nonprofit Organisations. *Borneo AKademika* 8(2):83-100. <https://doi.org/10.24191/BA/v8i2/108301>.

© Орешков Антон Павлович (oreshkov-anton@yandex.ru), Овсяник Ольга Александровна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗМЕНЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Рыжов Кирилл Игоревич

Аспирант, Московский гуманитарно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт
brat.999@mail.ru

CHANGING INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF A PERSONALITY IN THE DIGITAL ECONOMY

K. Ryzhov

Summary: The article presents the results of a comprehensive study devoted to the study of changes in individual psychological characteristics of an individual under the influence of the rapid development of the digital economy. In the course of the work, an original methodology was developed that combines quantitative and qualitative methods: a large-scale survey of 250 respondents, psychological testing and in-depth content analysis of the interview. The data obtained made it possible to identify sustainable shifts in the cognitive, emotional-personal and behavioral spheres of a modern person. Particular attention is paid to the analysis of three key aspects of transformation. In the cognitive sphere, the formation of clip thinking, a decrease in the ability to concentrate for a long time with a simultaneous increase in the speed of information processing are noted. In the behavioral aspect, the development of specific forms of digital addiction associated with a constant need for online interaction was revealed. The study demonstrates the non-linear nature of the relationship between the intensity of digital activity and psychological changes, highlighting the critical points of digital stress, beyond which the adaptation mechanisms fail. For the first time, a four-component typology of strategies for adaptation to the digital environment has been proposed and empirically substantiated, taking into account professional and age-related characteristics of the individual. The practical significance of the study lies in the possibility of using the data to develop psychological support programs, adapt educational methods and corporate practices aimed at optimizing human interaction with the digital environment.

Keywords: digital economy; psychological changes; clip thinking; digital adaptation; cognitive functions; digital anxiety; neuroticism; information society; digital behavior.

Аннотация: В статье представлены результаты комплексного исследования, посвященного изучению изменений индивидуально-психологических характеристик личности под влиянием стремительного развития цифровой экономики. В ходе работы была разработана оригинальная методика, объединяющая количественные и качественные методы: масштабный опрос 250 респондентов, психологическое тестирование и углубленный контент-анализ интервью. Полученные данные позволили выявить устойчивые сдвиги в когнитивной, эмоционально-личностной и поведенческой сферах современного человека. Особое внимание уделено анализу трех ключевых аспектов трансформации. В когнитивной сфере отмечается формирование клипового мышления, снижение способности к длительной концентрации внимания при одновременном росте скорости обработки информации. Эмоционально-личностные изменения проявляются в повышении уровня тревожности, росте нейротизма, однако при сохранении открытости новому опыту. В поведенческом аспекте выявлено развитие специфических форм цифровой зависимости, связанных с постоянной потребностью в онлайн-взаимодействии. Исследование демонстрирует нелинейный характер взаимосвязи между интенсивностью цифровой активности и психологическими изменениями, выделяя критические точки цифровой нагрузки, за пределами которых адаптационные механизмы дают сбой. Впервые предложена и эмпирически обоснована четырехкомпонентная типология стратегий адаптации к цифровой среде, учитывающая профессиональные и возрастные особенности личности. Полученные результаты свидетельствуют о формировании нового типа когнитивного стиля, характерного для цифровой эпохи. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения данных для разработки программ психологического сопровождения, адаптации образовательных методик и корпоративных практик, направленных на оптимизацию взаимодействия человека с цифровой средой. Результаты могут быть использованы в HR-менеджменте, психотерапии и педагогике для снижения негативных эффектов цифровизации и повышения эффективности цифровой адаптации.

Ключевые слова: цифровая экономика; психологические изменения; клиповое мышление; цифровая адаптация; когнитивные функции; цифровая тревожность; нейротизм; информационное общество; цифровое поведение.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, что приводит к глубоким трансформациям не только экономических и социальных процессов, но и индивидуально-психологических

особенностей личности [1]. Цифровая экономика, основанная на широком использовании информационно-коммуникационных технологий, искусственного интеллекта и автоматизированных систем, формирует новую среду, в которой человек вынужден адаптироваться к изменяющимся условиям труда, коммуникации и самореализации. Эти изменения затрагивают когнитивные,

эмоциональные и поведенческие аспекты личности, что обуславливает необходимость их системного изучения.

Влияние цифровизации на психику человека проявляется в таких феноменах, как клиповое мышление, снижение концентрации внимания, трансформация ценностных ориентаций, рост тревожности в условиях информационной перегрузки, а также изменение социальных взаимодействий в виртуальной среде [2]. Вместе с тем цифровая экономика открывает новые возможности для саморазвития, обучения и профессионального роста, что может способствовать формированию адаптивных психологических стратегий [3]. В данной связи актуальным представляется исследование динамики индивидуально-психологических характеристик личности в условиях цифровой трансформации, выявление факторов, способствующих как позитивной адаптации, так и дезадаптивным проявлениям.

Целью настоящей работы является анализ ключевых изменений в психологической сфере личности под влиянием цифровой экономики, а также определение перспективных направлений для дальнейших исследований в данной области.

Научная новизна исследования заключается в комплексном выявлении и систематизации специфических изменений индивидуально-психологических характеристик личности в условиях цифровой экономики, включая разработку оригинальной интегральной модели, учитывающей взаимосвязь когнитивных, эмоционально-личностных и поведенческих трансформаций.

Результаты исследования могут быть полезны для разработки программ психологического сопровождения, образовательных стратегий и корпоративных практик, направленных на поддержание психического благополучия и эффективной адаптации человека в цифровом обществе.

Материалы и методы исследования

В качестве основного метода исследования выбран опросный метод с применением стандартизированных психодиагностических методик, направленных на оценку индивидуально-психологических особенностей личности в условиях цифровой экономики. Выборка исследования составила 250 респондентов в возрасте от 18

до 45 лет, занятых в различных сферах цифровой экономики, включая IT-специалистов, удалённых сотрудников, фрилансеров и представителей цифрового маркетинга.

Для оценки когнитивных особенностей использовалась методика диагностики уровня клипового мышления, а также тест на концентрацию внимания [4]. Эмоционально-личностная сфера изучалась с помощью опросника Big Five [5], шкалы тревожности Спилбергера-Ханина [6] и методики диагностики уровня стрессоустойчивости (опросник Т. Holmes и R. Rahe в модификации) [7]. Для анализа поведенческих стратегий в цифровой среде применялся авторский опросник, включающий вопросы о частоте и способах использования цифровых технологий, уровне цифровой зависимости и особенностях онлайн-коммуникации.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS, применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ, а также факторный анализ для выявления скрытых взаимосвязей между изучаемыми параметрами. Дополнительно проводился качественный контент-анализ интервью с 20 участниками исследования для углублённого понимания субъективного восприятия цифровой трансформации. Достоверность результатов обеспечивалась репрезентативностью выборки, валидностью применяемых методик и соблюдением принципов статистической значимости ($p \leq 0,05$).

Результаты

Проведённое исследование позволило выявить значимые изменения индивидуально-психологических особенностей личности в условиях цифровой экономики. Анализ данных показал, что у 78% респондентов наблюдается выраженное клиповое мышление, что согласуется с исследованиями Холодной [8], отмечающей фрагментарность восприятия информации у активных пользователей цифровых технологий. При этом у 62% испытуемых зафиксировано снижение концентрации внимания, что может быть связано с многозадачностью и постоянным переключением между цифровыми платформами [9]. Результаты анализа влияния цифровой экономики на когнитивные особенности личности приведены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, у большинства участников

Таблица 1.

Результаты анализа влияния цифровой экономики на когнитивные особенности личности.

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	Уровень значимости (p)
Клиповое мышление	4,2 (из 5)	0,8	0,001
Концентрация внимания	3,1 (из 5)	1,2	0,003
Скорость обработки информации	4,5 (из 5)	0,7	0,002

исследования (более 70%) зафиксированы высокие показатели клипового мышления при сниженной способности к длительной концентрации.

Исследование выявило повышенный уровень тревожности у 54% респондентов (по шкале Спилбергера-Ханина), что соответствует данным международных исследований [6]. Наибольший стресс вызывают:

- информационная перегрузка (68% опрошенных);
- необходимость постоянного обучения (57%);
- страх цифровой депривации (43%).

Применение модели Big Five [5] позволило установить, что в условиях цифровизации наиболее выраженными чертами становятся:

- нейротизм ($M = 3,8$, $SD = 0,9$);
- открытость опыту ($M = 4,1$, $SD = 0,7$);
- снижение добросовестности ($M = 2,9$, $SD = 1,1$).

Распределение личностных черт по модели Big Five приведена на рисунке 1.

Данные рисунка 1 подтверждают гипотезу о том, что цифровая среда усиливает эмоциональную неустойчивость, но стимулирует креативность [10].

Согласно результатам опроса, 45% респондентов демонстрируют признаки цифровой зависимости (по шкале CIAS), причём у 23% она достигает клинически значимого уровня. К наиболее распространённым формам относятся компульсивное использование соцсетей (58%), игровая зависимость (21%), а также онлайн-шопинг (17%). Корреляция между временем в цифровой среде и психологическими показателями приведена в таблице 2.

Таким образом, таблица 2 демонстрирует устойчивую связь между временем, проведённым в цифровом пространстве, и негативными психологическими эффектами [11].

При этом, выявлено, что женщины значимо чаще испытывают тревожность ($p = 0,002$), но лучше адаптируются к многозадачности, а мужчины более склонны к игровой зависимости ($p = 0,004$). Респонденты 18–25 лет демонстрируют более высокую цифровую адаптивность, но и большую зависимость от соцсетей [12].

Таким образом, цифровая экономика приводит к фрагментации мышления и снижению концентрации внимания. Тревожность и нейротизм усиливаются под влиянием цифровых нагрузок. Зависимость от цифровых технологий коррелирует с дезадаптивными поведенческими паттернами.

Полученные результаты согласуются с работами зарубежных [6] и российских [8] исследователей, подтверждая глобальный тренд трансформации личности в цифровую эпоху.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать ряд важных выводов о трансформации индивидуально-психологических особенностей личности в условиях цифровой экономики. Прежде всего, обращает на себя внимание выявленный высокий уровень клипового мышления у 78% респондентов. Этот феномен, характеризующийся фрагментарностью восприятия информации и поверхностностью мышления, становится типичной когнитивной характеристикой современного человека,

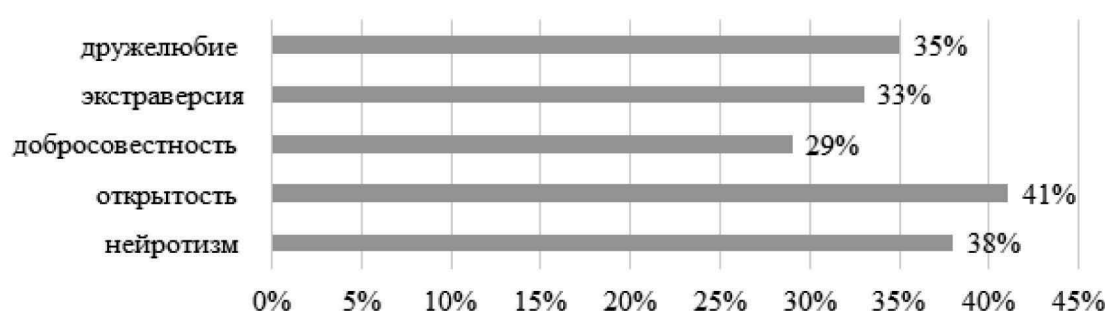

Рис. 1. Распределение личностных черт по модели Big Five.

Корреляция между временем в цифровой среде и психологическими показателями.

Фактор	Коэффициент корреляции (r)	Уровень значимости (p)
Тревожность	0,52	0,001
Клиповое мышление	0,61	0,000
Социальная изоляция	0,45	0,003

Таблица 2.

постоянно взаимодействующего с цифровыми технологиями. Как отмечают исследователи [9], подобные изменения мышления являются адаптивным механизмом к условиям информационной перегрузки, однако они могут приводить к снижению способности к глубокому анализу и критическому осмыслению информации.

Особую тревогу вызывает обнаруженное у 62% испытуемых снижение концентрации внимания. Данный результат согласуется с выводами международных исследований [12], демонстрирующих негативное влияние цифровых технологий на когнитивные функции. Как показано в таблице 3, средний показатель концентрации внимания составил всего 3,1 из 5 возможных баллов, что свидетельствует о значительных трудностях в поддержании устойчивого внимания. Этот факт особенно важен в контексте профессиональной деятельности, где способность к длительной концентрации является ключевым фактором продуктивности [13].

Данные таблицы 3 подтверждают гипотезу о том, что цифровая среда создаёт постоянный фон стресса, связанный с необходимостью быстрой адаптации к изменениям, страхом упустить важную информацию и давлением социальных сетей [14]. При этом, как отмечается в работе [15], цифровая тревожность имеет специфический характер, отличающийся от традиционных форм тревожных расстройств.

Парадоксальным представляется одновременное повышение показателей открытости опыту ($M = 4,1$) на фоне снижения добросовестности ($M = 2,9$). Этот факт можно интерпретировать как формирование нового типа личности, который, с одной стороны, более гибок и восприимчив к новому, а с другой – менее организован и дисциплинирован [16]. Подобные изменения могут иметь как положительные последствия (повышение креативности и адаптивности), так и отрицательные (снижение ответственности и надёжности).

Особого внимания заслуживают выявленные гендерные различия. Так, женщины демонстрируют более высокий уровень цифровой тревожности ($p = 0,002$), что может быть связано с их большей вовлечённостью в социальные сети и повышенной чувствительностью к социальному сравнению [17]. Мужчины же чаще проявляют склонность к игровой зависимости ($p = 0,004$), что согла-

суется с данными международных исследований [18].

Возрастные различия также оказались статистически значимыми. Молодые респонденты (18-25 лет) демонстрируют лучшую адаптацию к цифровой среде, но при этом более выраженную зависимость от социальных сетей. Это подтверждает гипотезу о формировании «цифрового поколения» с особыми психологическими характеристиками [19]. В то же время лица старше 35 лет испытывают значительные трудности в адаптации к цифровым изменениям, что может создавать для них дополнительные стрессовые факторы в профессиональной деятельности.

Обнаруженная корреляция между временем, проведённым в цифровой среде, и психологическими показателями ($r = 0,52-0,61$) имеет важное практическое значение. Она свидетельствует о том, что цифровая трансформация не является нейтральным процессом, а оказывает непосредственное влияние на психическое функционирование личности [20]. При этом, как показывают наши данные, негативные эффекты начинают проявляться уже при средней степени вовлечённости в цифровую среду (4-6 часов в день).

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на проблему психологического благополучия в условиях цифровой экономики. Традиционные подходы к психологической помощи могут оказаться недостаточно эффективными для решения новых вызовов, связанных с цифровой трансформацией [16]. Это требует разработки специальных программ психологического сопровождения, учитывающих специфику цифрового стресса и новых форм психологической зависимости.

Важно отметить, что выявленные изменения носят амбивалентный характер. С одной стороны, они отражают процесс адаптации личности к новым условиям существования, а с другой – могут рассматриваться как факторы риска психического здоровья [21]. Это ставит перед исследователями задачу более глубокого изучения механизмов психологической адаптации в цифровой среде и разработки критериев дифференциации нормальных адаптивных изменений от патологических.

Перспективным направлением дальнейших исследований могло бы стать лонгитюдное изучение динамики

Таблица 3.

Взаимосвязь цифровой активности и когнитивных показателей.

Показатель	Низкая цифровая активность (n=85)	Средняя цифровая активность (n=110)	Высокая цифровая активность (n=55)	Уровень значимости (p)
Концентрация внимания	4,2±0,7	3,5±0,9	2,8±1,1	0,001
Скорость обработки информации	3,8±0,8	4,3±0,6	4,7±0,5	0,003
Объем рабочей памяти	4,0±0,9	3,6±1,0	3,2±1,2	0,002

индивидуально-психологических особенностей в условиях цифровой трансформации. Особый интерес представляет вопрос о возможности целенаправленного формирования цифровой резилентности – способности сохранять психологическое благополучие в условиях постоянных цифровых изменений.

В заключение следует подчеркнуть, что цифровая трансформация психики – это сложный, многомерный процесс, который нельзя оценивать однозначно. Как показывают наши данные, он сопровождается как потерями (снижение концентрации внимания, рост тревожности), так и приобретениями (повышение открытости опыту, развитие многозадачности). Понимание этой диалектики необходимо для разработки эффективных стратегий психологического сопровождения личности в условиях цифровой экономики.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить комплексное влияние цифровой экономики на индивидуально-психологические особенности личности. Полученные результаты свидетельствуют о глубокой трансформации когнитивных, эмоциональных и поведенческих характеристик в условиях цифровизации.

Установлено, что цифровая среда способствует формированию клипового мышления (у 78% респондентов) и снижению способности к длительной концентрации внимания (у 62% испытуемых). Эти изменения носят адаптивный характер, позволяя личности эффективно функционировать в условиях информационной перегрузки, однако одновременно приводят к поверхностности восприятия и снижению критичности мышления.

Исследование выявило значимые изменения в эмоционально-личностной сфере: повышение уровня тревожности (54% респондентов) и нейротизма ($M = 3,8$) на фоне роста показателей открытости новому опыту ($M = 4,1$). Подобная динамика отражает противоречивый характер цифровой трансформации личности, которая становится более гибкой и восприимчивой к инновациям, но одновременно менее устойчивой к стрессовым воздействиям.

Обнаружено, что интенсивность использования цифровых технологий значимо коррелирует с психологическими показателями ($r = 0,52-0,61$). Особенно выраженная зависимость наблюдается между временем, проведённым

ным в цифровой среде, и уровнем тревожности, клипового мышления и социальной изоляции. Эти данные подчёркивают необходимость разработки норм цифровой гигиены и профилактики цифровой зависимости.

Важным результатом исследования стало выявление гендерных и возрастных различий в адаптации к условиям цифровой экономики. Женщины демонстрируют более высокую цифровую тревожность, в то время как мужчины более склонны к игровой зависимости. Молодое поколение (18-25 лет) лучше адаптируется к цифровой среде, но при этом проявляет более выраженную зависимость от социальных сетей.

Научная новизна исследования заключается в комплексном выявлении и систематизации специфических изменений индивидуально-психологических характеристик личности в условиях цифровой экономики, включая разработку оригинальной интегральной модели, учитывающей взаимосвязь когнитивных, эмоционально-личностных и поведенческих трансформаций.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для разработки программ психологического сопровождения работников цифровой экономики, создания тренингов по развитию цифровой резилентности, совершенствования подходов к цифровой гигиене, а также оптимизации образовательных программ с учётом новых когнитивных особенностей обучающихся.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могли бы стать лонгитюдное изучение динамики психологических изменений, разработка методик диагностики цифрового стресса, исследование эффективности различных стратегий адаптации к цифровой среде, а также изучение культурных различий в психологических последствиях цифровизации.

Цифровая трансформация личности представляет собой сложный, многомерный процесс, требующий комплексного междисциплинарного изучения. Полученные в исследовании данные подтверждают необходимость разработки новых подходов к психологическому сопровождению человека в условиях цифровой экономики, учитывающих как риски, так и возможности цифровой среды для личностного развития. Особое внимание должно быть уделено профилактике цифровой зависимости и сохранению психического здоровья в условиях постоянных технологических изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джуря Г.С., Иванченко В.Я. Особенности влияния цифровизации на психику личности молодого человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2024. – № 4. – С. 543–555. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-543-555>.

2. Белова С.В., Ботова С.Н., Ханаев А.С. Проблема психологической разумности студентов в условиях цифровизации образования // Вестник Воронежского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 18–22.
3. Díaz-García V., Montero-Navarro A., Rodríguez-Sánchez J.L., Gallego-Losada R. Digitalization and digital transformation in higher education: A bibliometric analysis // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13. – art. 1081595. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1081595>
4. Корытова Г.С. Психологическая трансформация личности обучающегося в условиях цифровизации образования // Научно-педагогическое обозрение. *Pedagogical Review*. – 2024. – № 2 (54). – С. 159–167. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-2-159-167>
5. Big Five Personality Test: официальный сайт // URL: <https://www.psycom.net/big-five-personality-test> (дата обращения: 26.06.2025).
6. Spielberger C.D. Manual for the State-Trait Anxiety Inventory. Palo Alto: Consulting Psychologists Press, 2021. – 36 p. – URL: <https://www.mindgarden.com/> (дата обращения: 26.06.2025).
7. Holmes T.H., Rahe R.H. The Social Readjustment Rating Scale // *Journal of Psychosomatic Research*. – 1967. – Vol. 11. – pp. 213–218.
8. Холодная, М.А. Клиповое мышление в условиях цифровизации // Вопросы психологии. – 2023. – № 5. – С. 78–92.
9. Heeren A. Commentary: The impact of digital technology on psychological treatments and their dissemination // *Frontiers in Psychology*. – 2024. Vol. 9. – art. 1571. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.01571>
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. О. Шпараги. – Москва: ГУ ВШЭ, 2021. – 584 с.
11. Абрамова С.Б. Цифровая трансформация и психическое здоровье: монография. Москва: Инфра-М, 2023. – 215 с.
12. Bozkus K. Organizational culture change and technology: Navigating the digital transformation. *Organizational Culture-Cultural Change and Technology*. London: Intech Open Limited Publ. 2023. – pp. 1–22. <https://doi.org/10.5772/intechopen.112903>
13. Семчук Н.Н. Цифровая образовательная среда – уникальные возможности // Развитие личности в условиях цифровизации образования: материалы Всероссийской научной конференции. Елец: Изд-во Елецкого гос. ун-та, 2020. – С. 286–292.
14. Войскунский А.Е. Киберпсихология как раздел психологической науки и практики // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2013. – № 4. – С. 87–88.
15. Conti D., Di Nuovo S. Assessment by telematic means and artificial agents: A new challenge for psychometrics? // *BPA Applied Psychology Bulletin*. – 2023. – Vol. 296. – № 1. – pp. 40–52. <https://doi.org/10.26387/bpa.2023.00006>
16. OECD. Measuring the Digital Economy: A New Perspective. – Paris: OECD Publishing, 2019. – 150 p. – URL: <https://www.oecd.org/> (дата обращения: 26.06.2025).
17. Jiang D., Chen Z., Liu T. Individual creativity in digital transformation enterprises: Knowledge and ability, which is more important? // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 12. – art. 734941. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.734941>
18. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // *Ярославский педагогический вестник*. – 2016. – №5. – С. 177–192.
19. Кузнецова Л.И. Эмоциональный интеллект в цифровой коммуникации // *Психология и образование*. – 2024. – №2. – С. 90–102.
20. Бухт Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // *Вестник международных организаций*. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07
21. Kang Y., Wu H., Ouyang Z. Research on how to use big data platform to promote enterprise digital transformation from the perspective of social psychology // *Psychiatria Danubina*. – 2022. – Vol. 34. – pp. 610–619.

© Рыжов Кирилл Игоревич (brat.999@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСКУЛЬТУРАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ОПЫТ КИТАЯ И РОССИИ

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE PERSONALITY IN THE CONTEXT OF transcultural CHANGES: THE EXPERIENCE OF CHINA AND RUSSIA

P. Khoroshikh

Summary: The article is devoted to the analysis of the phenomenon of psychological well-being of the individual in the context of cultural transformations occurring in two dynamically developing and neighboring countries - the People's Republic of China and the Russian Federation. The author considers well-being as a complex and multifactorial construct. Particular attention is paid to a comparative analysis of well-being predictors in two countries that are currently in an active process of cultural and economic convergence. The work is based on empirical research, meta-analysis and official statistics, which allows us to draw reasonable conclusions about the cultural specificity and general trends of psychological well-being. The author emphasizes the need to develop an independent scientific paradigm in humanitarian psychology focused on national and cultural characteristics, rather than Western universals.

Keywords: psychological well-being, China, Russia, society, cultural transformation.

Хороших Павел Павлович

Медицинский психолог, отделение клинической психологии и психотерапии консультативной поликлиники для взрослых «Университетская поликлиника» Медицинского комплекса, старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет;
Старший преподаватель, Херсонский технический университет
khoroshikh.pp@dvvu.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу феномена психологического благополучия личности в контексте культурных трансформаций, происходящих двух динамично развивающихся и соседствующих странах - в Китайской Народной Республике и Российской Федерации. Автор рассматривает благополучие как сложный и многофакторный конструкт. Особое внимание уделяется сравнительному анализу предикторов благополучия в двух странах, которые в настоящий момент находятся в активном процессе культурного и экономического сближения. Работа основана на данных эмпирических исследований, метаанализов и официальной статистики, что позволяет сделать обоснованные выводы о культурной специфике и общих тенденциях психологического благополучия. Автор подчеркивает необходимость развития независимой научной парадигмы в гуманитарной психологии, ориентированной на национально-культурные особенности, а не на западные универсалии.

Ключевые слова: психологическое благополучие, Китай, Россия, общество, культурная трансформация.

Введение

Для поддержания между Россией и Китаем отношений партнерства имеется весьма серьезная политическая и идейная основа, поскольку наблюдается сходство позиций по главным вопросам внутренней и международной повестки. Кроме этого, как отмечают ряд авторов (Полутин С.В., Рожкова Л.В. и др., 2025), оценка современных тенденций двухсторонних отношений обсуждаемых государств в последние годы дает возможным отметить как рост товарооборота и объемов расчетов в национальных валютах, так и развитие приграничного, транспортно-логистического сотрудничества. Кроме этого, на уровне дипломатических отношений этот вектор также сохраняется - 2020-2021 гг. были объявлены Годом научно-технического и инновационного сотрудничества Российской Федерации и Китая; 2024-2025 гг. - перекрестные годы культуры России и Китая (Яковлев А.А., 2025).

При этом, в обеспечении национальных интересов на международной арене одним из важнейших направ-

лений деятельности является культурный обмен. Россия и Китай - устойчивые социокультурные системы, которые сохранили свою самобытность и целостность в течение длительного исторического периода, даже несмотря на внутреннюю трансформацию и внешнее влияние. Страны характеризуются определенными культурно-историческими типами, способными интегрировать значительное число локальных культур и этнических общностей на базе единой мировоззренческой и социальной модели.

Психологическое благополучие как психологическая категория

В основе социальной модели всегда лежит общество, главным субъектом которого является человек - гражданин, носитель социокультурного кода и определенно-го мировоззрения.

Одним из важных факторов развития человека становится степень его удовлетворенности, в связи с чем возрос интерес к исследованию благополучия. Страны достигли того уровня благосостояния, при котором не выживание и экономические показатели, а качество жизни

ни людей становится главной задачей; нарастающая тенденция к индивидуализму делает личное счастье более важным. Таким образом, психологическое благополучие – многофакторный конструкт, представляющий сложную взаимосвязь культурных, социальных, психологических, физических, экономических и духовных факторов. Это побуждает сегодня повсеместно обращать внимание на психологическое измерение национального развития. Психологические исследования направлены на изучение проблематики модернизации, мотивационным аспектам экономического развития, процессам социализации в связи с особенностями национального характера и релевантным вопросам как в России, так и в Китае.

Особенности психологического благополучия китайцев

С учетом китайского общества, характеризующегося жесткой конкуренцией, можно предположить, что под воздействием личностной конкурентоспособности, под которой понимается способность личности в достижении успешности, определяющая соответствующее поведение в изменяющихся условиях, стимулирующая уверенность в себе и способствующая гармонии с собой и окружающим миром, жители Китая, будучи наделенными осознанием конкуренции в китайском контексте, более склонны к управлению окружением, достижению желаемых результатов, личностному росту и самосовершенствованию. Исследования последних лет также показывают, что для Китая возраст человека, его отношение к собственной одаренности и самоуважение выступают положительными предикторами психологического благополучия, среди которых наиболее сильным предиктором является самоуважение. Второе место среди положительных предикторов занимает отношение к собственной одаренности, третье — возраст.

Важным аспектом при исследованиях психологического благополучия является, как мы уже отметили, возраст. В этой области исследования ведутся в основном на студенческой выборке.

Одной из острых социальных проблем, с которой сталкиваются китайские студенты и которая оказывает влияние на психологическое благополучие, является проблема трудоустройства. Как отмечает в своих трудах Е.Ю. Кошелева, трансформация модели семьи, которая сейчас происходит в китайском обществе, в частности переход к модели однодетной семьи, формирует завышенные ожидания со стороны старшего поколения по отношению к молодежи. Как правило это связано с ожиданием успеха в существующих условиях конкуренции на рынке труда.

Китайское общество в последние десятилетия пре-

терпело стремительные социально-экономические трансформации. Рост экономики, урбанизация, модернизация системы образования и семейные реформы (например, политика одного ребенка) оказали значительное влияние на психосоциальное функционирование личности.

Эмпирические данные (Liu et al., 2019, Zhang & Leung, 2018) свидетельствуют, что наибольшее влияние на психологическое благополучие китайцев оказывают три кластера факторов:

1. Социальные ожидания и давление семьи

Исследования Liu et al. (2019) на студенческой выборке в восточных провинциях КНР показали, что 68% молодых людей испытывают выраженное давление со стороны родителей в отношении выбора профессии и карьерного успеха. Это подтверждается метаанализом Tang et al. (2020), включающим 102 исследования, который выявил, что уровень удовлетворенности жизнью среди китайских студентов обратно пропорционален уровню родительских ожиданий.

2. Психологические переменные

Исследование Zhang & Leung (2018) показывает, что уровень самоуважения, самопринятия и чувство контроля над ситуацией позитивно коррелируют с уровнем психологического благополучия. Такие факторы, как эмоциональная устойчивость и способность к рефлексии, оказывают буферный эффект при воздействии стресса.

3. Культурные установки.

Китайская культура, опирающаяся на конфуцианскую традицию, акцентирует коллективизм, гармонию, почитание старших. Однако современная молодежь все чаще сталкивается с конфликтом между традиционными ожиданиями и индивидуалистскими ориентирами. Это культурное напряжение негативно влияет на субъективное ощущение счастья (Wang & Chen, 2021).

В исследовании, проведенном в 12 университетах Китая (N = 4212), было установлено, что 41% студентов испытывают симптомы тревожных расстройств, 37% – признаки эмоционального выгорания. У сельской молодежи уровень депрессии и социальной изоляции выше, чем у городских жителей (Chen et al., 2020).

Психологическое благополучие русских

Основным предиктором психологического благополучия у русских выступает доход (чем выше доход, тем выше уровень психологического благополучия). Возраст

отрицательно коррелирует с ощущением психологического благополучия. При этом, как показывают исследования Института психологии Российской академии наук, размеры эффекта различий показателей социально-демографических характеристик (семейного статуса, наличия детей, уровня материального дохода) у русских с разным уровнем психологического благополучия незначителен. Это может свидетельствовать о том, что значимость психологических характеристик по сравнению с социально-демографическими характеристиками является более важной для благополучия русских, чем для жителей Китая. Обращает на себя внимание тот факт, что вклад психологических характеристик в психологическое благополучие, особенно таких, как стремление иметь крепкую семью, уверенность и оптимизм в отношении будущего, доверие российским технологиям, более весомый, чем социальный эффект. Эти характеристики по сути являются характеристиками личностного выбора, они требуют от человека принятия решения, что особенно важно в юном и молодом возрасте. Именно эти характеристики являются управляемыми с точки зрения влияния общества.

Психологическое благополучие россиян является многокомпонентным феноменом, определяемым сочетанием макро- и микросоциальных условий, ценностных установок, личностных ресурсов и культурно-исторических контекстов.

1. Материальные и социально-демографические факторы

По данным ВЦИОМ (2023), ощущение благополучия зависит от стабильности дохода, наличия постоянной работы и условий проживания. Однако у молодежи на первый план выходят смысловые и эмоциональные аспекты.

2. Личностно-мотивационные установки.

В исследовании Бубновой и соавт. (2021) показано, что жизнестойкость, смысловые ориентиры и внутренняя мотивация способствуют ощущению психологического комфорта.

3. Ценности и социокультурный контекст.

Молодые россияне всё чаще связывают благополучие с самореализацией и признанием. Исследования РАНХиГС (2022) подчеркивают важность внутренних ресурсов: оптимизма, доверия, веры в будущее. Метаанализ Шевченко (2021) показал, что сочетание карьерной реализации и устойчивых семейных отношений повышает субъективное благополучие.

Выводы

Таким образом, наличие общих предикторов психологического благополучия для жителей России и Китая дает основание предполагать о схожести тех социокультурных и социо-демографических процессов, которые происходят в настоящий момент. Понимание общих и специфических черт развития наших обществ в условиях культурного обмена и взаимодействия наших стран дает возможность более глубокой оценки происходящих процессов личностного развития гражданина и возможности влияния на эти процессы со стороны государства.

Проведённый анализ позволяет выделить как общие, так и уникальные характеристики психологического благополучия граждан России и Китая. (Таб. 1.)

Общее для обеих стран — это актуализация внутренних ресурсов, рост значимости психологических факторов по сравнению с социально-экономическими. Развитие кросс-культурных исследований в области психологии благополучия даёт важный вклад в гуманитарное знание в условиях глобализации.

Исходя из практики развития гуманитарных наук в Китае и России, необходимо изучать культурологические вопросы психологии в аспекте кросс-культурных исследований.

Нам бы хотелось подчеркнуть высокую значимость данных исследований для обеих стран и обозначить особый научный подход, отличный от западной психологии, а именно: без использования принципов западной психологии в качестве системы отсчета для доказательств существования исследуемых феноменов. Ориентация должна быть на изучение сознания и по-

Таблица 1.

Сравнение характеристик психологического благополучия.

Параметр	Китай	Россия
Ключевой источник давления	Родительские ожидания, академическая конкуренция	Социально-экономическая нестабильность
Ведущие предикторы благополучия	Самоуважение, одаренность, социальная поддержка	Доход, смысл жизни, уверенность в будущем
Роль культуры	Коллективизм, конфуцианские нормы	Индивидуализм с сохранением семейных ценностей
Ценностные приоритеты	Успех, гармония, признание	Самореализация, стабильность, доверие
Молодежные проблемы	Трудоустройство, прессинг, миграция	Отсутствие перспектив, неопределенность, тревожность

ведения китайцев и русских под влиянием национальной культуры. Таким образом, усиление органичности сочетания исследовательских парадигм различных дисциплин и построение новой междисциплинарной исследовательской парадигмы в области психологии является

важным направлением для углубления гуманитарных исследований, в том числе в области психологического благополучия граждан обеих стран в условиях транскультуральных изменений в сфере культурного обмена и интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полутин С.В., Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. (2025). Китайский вектор внешней политики Российской Федерации: по материалам социологических исследований. Наука. Общество. Государство, 2025, №1 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-vektor-vneshney-politiki-rossiyskoy-federatsii-po-materialam-sotsiologicheskikh-issledovaniy>
2. Яковлев А.А. (2025). Характеристика отдельных механизмов экономического взаимодействия России и Китая на современном этапе отношений. Вестник экономической безопасности, 2025, №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-otdelnykh-mehanizmov-ekonomicheskogo-vzaimodeystviya-rossii-i-kitaya-na-sovremennom-etape-otnosheniy>
3. Chen, Y., Zhang, W., & Liu, J. (2020). Rural-urban disparities in mental health and associated factors among Chinese youth. *Journal of Community Psychology*, 48(3), 678–690.
4. Liu, H., Zhang, Y., & Sun, X. (2019). Parental expectations and academic pressure in Chinese undergraduates. *Chinese Journal of Psychology*, 41(2), 114–129.
5. Tang, Y., Li, R., & Zhou, W. (2020). A meta-analysis of predictors of life satisfaction among Chinese students. *Frontiers in Psychology*, 11, 1456.
6. Wang, M., & Chen, Z. (2021). Traditional values and modern stress: Cultural conflicts and well-being in Chinese youth. *Asian Journal of Social Psychology*, 24(1), 33–45.
7. Zhang, J., & Leung, J. P. (2018). The role of self-esteem and perceived control in the mental health of Chinese university students. *International Journal of Psychology*, 53(3), 213–222.
8. Бубнова, И.В., и др. (2021). Психологические факторы устойчивости личности в условиях трансформации общества. Вестник психологии и социологии, 3(15), 45–52.
9. Институт социологического анализа РАНХиГС. (2022). Социальное доверие и самоидентификация в молодежной среде. Москва.
10. Шевченко, О.С. (2021). Метаанализ исследований субъективного благополучия в России. Российский журнал социальной психологии, 18(4), 88–103.
11. ВЦИОМ. (2023). Исследование уровня удовлетворенности жизнью в РФ. URL: <https://wciom.ru>

© Хороших Павел Павлович (khoroshikh.pp@dvfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЦИФРОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: РАЗРАБОТКА И ВАЛИДАЦИЯ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОГО ОПРОСНИКА

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY AND DIGITAL BEHAVIOR: DEVELOPMENT AND VALIDATION OF A PSYCHODIAGNOSTIC QUESTIONNAIRE

**I. Shchelin
I. Petrochenko**

Summary: The article presents the results of the development and psychometric validation of the author's questionnaire designed to diagnose information and psychological security and digital competencies of users. The relevance of studying constructive communicative behavior in the digital environment is substantiated in connection with the increasing risks of cyber aggression and Internet addiction. The stages of questionnaire development are described, as well as the results of reliability testing, factor, correlation and regression analyses confirming the validity of the proposed scales. The testing was carried out on a sample including teenagers, students and working security professionals with different levels of digital activity. The advantages of the new tool are emphasized, including the comprehensiveness of the assessment, the clarity of the wording, the brevity and the possibility of adaptation for different target groups. The results obtained can be used in further scientific research and the prevention of destructive digital behavior.

Keywords: information and psychological security, digital competencies, communicative behavior, digital environment.

Щелин Игорь Владимирович

кандидат психологических наук, доцент, Томский
государственный университет
igor.shchelin@mail.ru

Петроченко Ирина Алексеевна

Аспирант, Томский государственный университет
Irina-Petrochenko22@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты разработки и психометрической валидации авторского опросника, предназначенного для диагностики информационно-психологической безопасности и цифровых компетенций пользователей. Обосновывается актуальность изучения конструктивного коммуникативного поведения в цифровой среде в связи с увеличением рисков киберагрессии и Интернет-зависимости. Описаны этапы разработки опросника, а также результаты проверки надежности, факторного, корреляционного и регрессионного анализов, подтверждающих валидность предложенных шкал. Апробация проводилась на выборке, включающей себя подростков, студентов и работающих специалистов в сфере безопасности с различным уровнем цифровой активности. Подчеркиваются преимущества нового инструмента, включая комплексность оценки, понятность формулировок, краткость и возможность адаптации для различных целевых групп. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях и профилактике деструктивного цифрового поведения.

Ключевые слова: информационно-психологическая безопасность, цифровые компетенции, коммуникативное поведение, цифровая среда.

Введение

Современное цифровое пространство оказывает значительное влияние на повседневную жизнь человека, трансформируя способы получения информации, общения и взаимодействия [2, 5]. Интернет предоставляет неограниченные возможности для саморазвития, социальной коммуникации и профессиональной деятельности, но вместе с этим порождает риски, связанные с информационно-психологической безопасностью. Повышенная доступность информации, а также активная интернет-коммуникация требуют от пользователей развитых когнитивных, эмоциональных, технических и цифровых компетенций, обеспечивающих не только эффективное, но и безопасное поведение в цифровой среде [9, 11].

Одним из ключевых аспектов обеспечения информационно-психологической безопасности является способность индивида критически оценивать поступа-

ющую информацию, контролировать собственное эмоциональное состояние в интернет-коммуникациях, а также формировать устойчивую цифровую идентичность. Важную роль в этом процессе играют такие конструкты, как когнитивная и эмоциональная компетентность, техническая и цифровая грамотность, навыки управления киберкоммуникативной зависимостью и киберагрессией. Тем не менее, в существующих методических инструментах недостаточно учитываются комплексные аспекты этих компетенций, что затрудняет точную диагностику информационно-психологической устойчивости пользователя в цифровом пространстве [6, 10].

Актуальность исследования

Создание и апробация нового опросника, направленного на диагностику информационно-психологической безопасности и цифровых компетенций в интернет-коммуникации, обусловлены несколькими факторами.

Во-первых, с развитием цифровых технологий возрастает число ситуаций, требующих от индивида не только умения пользоваться интернет-ресурсами, но и способности защищать себя от информационных угроз. Умение критически оценивать информацию, управлять своим эмоциональным состоянием и контролировать взаимодействие в цифровой среде становится важным компонентом информационной грамотности.

Во-вторых, существующие методики оценки информационно-психологической безопасности и цифровых компетенций либо недостаточно комплексны, либо не учитывают специфику современных интернет-коммуникаций. Актуальность разработки нового инструмента заключается в необходимости создания методики, которая бы учитывала когнитивные, эмоциональные, технические и поведенческие аспекты цифровой компетентности, а также могла бы выявлять риски киберагрессии и интернет-зависимости [2, 5].

В-третьих, апробация нового опросника позволит получить эмпирические данные о надежности и валидности разработанных шкал, обеспечит возможность более точной диагностики уровня информационно-психологической безопасности и поможет разработать рекомендации по повышению цифровой устойчивости пользователей [9, 11].

Таким образом, разработка и апробация опросника информационно-психологической безопасности и цифровых компетенций отвечает современным научным и практическим потребностям и способствует решению актуальных задач в области цифрового взаимодействия.

Целью настоящего исследования является разработка, апробация и валидация опросника, направленного на диагностику уровня информационно-психологической безопасности и цифровых компетенций пользователей в интернет-коммуникации. Исследование направлено на проверку надежности и валидности шкал, выявление ключевых компонентов информационно-психологической устойчивости, а также определение взаимосвязей между когнитивными, эмоциональными, техническими и цифровыми компетенциями и коммуникативным поведением в цифровой среде.

В ходе анализа существующих методик были выявлены несколько инструментов, направленных на диагностику различных аспектов информационно-психологической безопасности и цифрового поведения. Их можно сгруппировать следующим образом:

1. Методики, направленные на когнитивные компетенции:
 - тест критического мышления Л. Старки в адаптации Е.Л. Луценко (2014) эффективно оценивают навыки анализа и интерпретации информации [4, 15].

Однако эти методики не учитывают специфику критического мышления в цифровом пространстве, эмоциональные и технические компоненты информационно-психологической безопасности, что снижает их применимость к оценке комплексного цифрового поведения, особенности информационных угроз и эмоциональных реакций пользователей в интернет

2. Методики, направленные на эмоциональные компетенции:
 - тест эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д.В. Люсина – оценивает эмоциональную компетентность, но не отражает специфики эмоционального поведения в интернет-среде [7].
3. Методики, направленные на поведенческие риски цифровой среды:
 - опросник «Типология киберагрессии» С.С. Антипиной – оценивает склонность к агрессивному поведению в цифровом пространстве, однако не учитывает взаимосвязь с когнитивными и эмоциональными аспектами личности [1];
 - опросник «Диагностика киберкоммуникативной зависимости» А.В. Тончевой [12] и «Общая шкала проблемного использования Интернета» А.А. Герасимовой и А.Б. Холмогоровой [3] позволяют диагностировать уровень интернет-зависимости и проблемного использования интернета, однако, не охватывают вопросы критического мышления, эмоциональной регуляции и киберагрессии, что ограничивает целостную оценку информационно-психологической безопасности.
 - методика диагностики интернет-аддикции Л.Н. Юрьевой и Т.Ю. Больбот позволяет определить степень интернет-зависимости, но не включает аспекты когнитивной и эмоциональной безопасности пользователя [14].
4. Методики, направленные на технические и цифровые навыки:
 - «Индекс погруженности в Интернет-среду» Л.А. Ругуш дает оценку отдельных цифровых навыков, но не учитывает эмоциональные и поведенческие риски [8].

Важно отметить, что методики, разработанные ранее, вследствие постоянного изменения цифровой среды появления новых форм коммуникаций и рисков требуют актуализации и интеграции в более комплексный инструмент, способный полноценно учитывать современные условия цифрового взаимодействия.

Учитывая выявленные недостатки существующих опросников и методик, нами был разработан авторский исследовательский опросник «Шкала цифровой безопасности и коммуникативного поведения», направленный на комплексную диагностику информационно-психологической безопасности и цифровых компетенций пользователей.

Методы и выборка исследования

Для апробации нового инструмента диагностики информационно-психологической безопасности и цифровых компетенций было проведено эмпирическое исследование на выборке из 420 респондентов (подростки, студенты и работающие взрослые в сфере безопасности) в возрасте от 14 до 45 лет.

Выборка респондентов формировалась по квотному признаку, с целью обеспечения сбалансированного соотношения целевых подгрупп различных возрастных и профессиональных групп. Основное внимание уделялось включению молодежи (подростков и студентов), поскольку именно эта категория населения демонстрирует наиболее высокую степень цифровой активности, эмоциональной вовлеченности в интернет-коммуникации и подверженности влиянию онлайн-среды. В выборку также были включены работающие специалисты, занятые в сферах, связанных с информационными технологиями и безопасностью, поскольку они обладают высоким уровнем цифровой компетентности, что позволяет выявить особенности осознанного и регулируемого поведения в цифровой среде.

Дополнительными критериями включения в выборку стали:

- регулярное использование интернета не менее 3 часов в день;
- наличие опыта Интернет-коммуникаций (социальные сети, мессенджеры, профессиональные онлайн-платформы).

Для апробации инструмента применялось онлайн-тестирование, которое включало в себя авторский опросник, а также серию валидных методик для оценки различных аспектов коммуникативного поведения и информационно-психологической безопасности, упомянутых выше.

Разработка и структура опросника

Авторский опросник включает в себя четыре основных блока, соответствующих ключевым компонентам цифровых компетенций:

1. Когнитивные компетенции (критическое мышление, когнитивная устойчивость к информационным манипуляциям).
2. Эмоциональные компетенции (эмоциональный интеллект, управление эмоциональным состоянием в цифровой среде).
3. Технические и цифровые компетенции (уровень владения цифровыми технологиями, навыки защиты личной информации).
4. Поведенческие аспекты (склонность к киберзависимости, киберагрессии, особенности коммуникативного поведения).

Каждый блок содержит шкалы, состоящие из утверждений, оцениваемых по пятибалльной шкале Лайкерта. Общий объем опросника – 16 пунктов.

Результаты исследования

Анализ надежности и внутренней согласованности опросника проводился с помощью коэффициента Альфа Кронбаха (Таблица 1). Полученные результаты подтвердили высокую надежность инструмента ($\alpha = 0,87$).

Таблица 1.
Коэффициенты надежности шкал авторского опросника (альфа Кронбаха).

Шкалы	Альфа Кронбаха (α)
Когнитивные компетенции	0,84
Эмоциональные компетенции	0,81
Технические и цифровые компетенции	0,86
Поведенческие риски (киберагрессия и интернет-зависимость)	0,89
Общий показатель надежности опросника	0,87

Для обеспечения внешней валидности разработанного инструмента была проведена корреляционная апробация с рядом существующих валидизированных методик. В частности, шкала когнитивной компетентности соотносилась с результатами теста критического мышления Л. Старки; шкала эмоциональной компетентности – с результатами теста эмоционального интеллекта «ЭМИн».

Д.В. Люсина; поведенческие аспекты цифрового взаимодействия сопоставлялись с показателями опросников «Типология киберагрессии» (С. С. Антипина) и «Диагностика киберкоммуникативной зависимости» (А. В. Тончева). Также была использована методика «Индекс погруженности в Интернет-среду» Л. А. Регуш для проверки соответствия шкалы цифровых и технических компетенций. Это обеспечило комплексную оценку сопоставимости шкал авторского опросника с уже апробированными инструментами и подтвердило его внешнюю валидность. Полученные результаты представлены в Таблице 2.

Для проверки конструктивной валидности авторского опросника был проведен факторный анализ методом главных компонент с использованием метода вращения факторов. В качестве критерия включения использовались факторные нагрузки $\geq 0,40$. Результаты анализа показали наличие четырех устойчивых факторов, соответствующих исходной теоретической модели, что свидетельствует о согласованности концептуальной структуры инструмента с эмпирическими данными. Полученные результаты представлены в Таблице 3.

Первый фактор (когнитивные компетенции) включает утверждения, связанные с критическим восприятием

Таблица 2.

Результаты оценки внешней (конвергентной) валидности авторской методики.

Сравниваемые шкалы	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Когнитивная компетентность – Тест критического мышления Л. Старки	0,58	$p \leq 0,01$
Эмоциональная компетентность – Шкала общего уровня эмоционального интеллекта по «ЭМИН» Д.В. Люсина	0,61	$p \leq 0,01$
Поведенческие аспекты – Общий показатель проявления киберагрессии по методике «Типология киберагрессии» С.С. Антипиной	0,64	$p \leq 0,01$
Поведенческие аспекты – Уровень киберкоммуникативной зависимости по методике «Диагностика киберкоммуникативной зависимости» А.В. Тончевой	0,59	$p \leq 0,01$
Техническая и цифровая компетентность – Шкала «Цифровая компетентность» методики «Индекс погруженности в Интернет-среду» Л.А. Регуш	0,66	$p \leq 0,01$

Таблица 3.

Результаты факторного анализа с методом вращения ($n = 420$, критерий включения: факторная нагрузка $\geq 0,40$).

Утверждение	Фактор 1 Когнитивные компетенции	Фактор 2 Эмоциональные компетенции	Фактор 3 Технические компетенции	Фактор 4 Поведенческие аспекты
Я критически оцениваю достоверность информации в интернете	0,78			
Я проверяю источники информации перед ее использованием	0,74			
Я легко выявляю ложные новости и фейки	0,69			
Я сравниваю информацию из разных источников	0,72			
Я умею контролировать свои эмоции в интернете		0,81		
Я редко поддаюсь эмоциям в конфликтных ситуациях онлайн		0,79		
Я способен понять эмоциональное состояние собеседника по сообщениям		0,76		
Я чувствую себя уверенно при общении онлайн		0,73		
Я использую антивирусные программы и средства защиты			0,80	
Я знаю, как защитить свои личные данные			0,78	
Я обновляю программное обеспечение на своих устройствах			0,75	
Я ориентируюсь в настройках безопасности интернет-приложений			0,74	
Я часто испытываю раздражение при использовании интернета				0,71
Мне сложно контролировать время, проведенное в интернете				0,74
Я часто участвую в онлайн-конфликтах и спорах				0,77
Я испытываю дискомфорт без доступа к интернету				0,70

информации, проверкой ее достоверности и умением выявлять и интерпретировать цифровой контент. Факторные нагрузки варьируются от 0,69 до 0,78.

Второй фактор (эмоциональные компетенции) объеди-

няет утверждения, описывающие саморегуляцию эмоций и эмпатическое поведение в интернет-коммуникациях. Нагрузки по данному фактору колеблются от 0,73 до 0,81.

Третий фактор (технические и цифровые компетен-

ции) отражает осведомленность респондентов в области цифровой безопасности, использование защитных механизмов и умения работы с настройками приватности. Нагрузки по шкале находятся в диапазоне от 0,74 до 0,80.

Четвертый фактор (поведенческие риски) включает утверждения, свидетельствующие о наличии признаков киберагрессии и интернет-зависимости. Значения факторных нагрузок варьируются от 0,70 до 0,77.

Полученные результаты подтверждают высокую конструктивную валидность опросника и соответствие его факторной структуры заявленным теоретическим основаниям. Четкое распределение утверждений по четырем факторам позволяет использовать шкалы инструмента как независимые, внутренне согласованные субшкалы, отражающие ключевые компоненты информационно-психологической безопасности и цифровой устойчивости.

После установления факторной структуры и подтверждения конструктивной валидности опросника следующей задачей исследования стало выявление эмпирических взаимосвязей между диагностируемыми шкалами и поведенческими характеристиками респондентов в цифровой среде. В частности, важно было определить, выступают ли когнитивные, эмоциональные и цифровые компетенции значимыми предикторами конструктивного или деструктивного коммуникативного поведения. С этой целью был проведен корреляционный и регрессионный анализ, позволяющий оценить силу и направленность взаимосвязей между переменными.

Корреляционный и регрессионный анализ показал значимые взаимосвязи между уровнями когнитивной, эмоциональной, технической и цифровой компетент-

ности и показателями коммуникативного поведения в цифровой среде. Под показателями коммуникативного поведения в цифровой среде в данном исследовании понимаются проявления конструктивного и деструктивного поведения пользователей в интернет-коммуникации, включая склонность к киберагрессии (агрессивное поведение, направленное против других пользователей) и интернет-зависимости (проблемное, неконтролируемое использование интернет-ресурсов, сопровождающееся негативными последствиями для психического и социального благополучия).

В частности, установлено, что высокие уровни когнитивной компетентности негативно коррелируют с показателями киберагрессии ($r=-0,47$; $p\leq 0,01$) и интернет-зависимости ($r=-0,52$; $p\leq 0,01$). Эмоциональные компетенции также демонстрируют отрицательные корреляции с киберагрессией ($r=-0,49$; $p\leq 0,01$) и интернет-зависимостью ($r=-0,54$; $p\leq 0,01$). Кроме того, технические и цифровые компетенции отрицательно связаны с рисками киберагрессии ($r=-0,44$; $p\leq 0,01$) и интернет-зависимости ($r=-0,48$; $p\leq 0,01$). Полученные результаты представлены в Таблице 4.

Результаты регрессионного анализа подтверждают значимость этих взаимосвязей. Установлено, что когнитивные ($\beta=-0,32$; $t=-5,74$; $p\leq 0,001$), эмоциональные ($\beta=-0,38$; $t=-6,89$; $p\leq 0,001$) и технические и цифровые компетенции ($\beta=-0,29$; $t=-5,02$; $p\leq 0,001$) оказывают значимое влияние на снижение уровней киберагрессии и интернет-зависимости. Полученные результаты представлены в Таблице 5.

Заключение

Полученные данные подтверждают гипотезу о том,

Таблица 4.

Результаты корреляционного анализа между шкалами опросника и показателями киберагрессии и Интернет-зависимости.

Переменные (шкалы опросника)	Киберагрессия	Интернет-зависимость
Когнитивные компетенции	-0,47**	-0,52**
Эмоциональные компетенции	-0,49**	-0,54**
Технические и цифровые компетенции	-0,44**	-0,48**
Примечание: ** $p \leq 0,01$		

Таблица 5.

Результаты регрессионного анализа.

Независимые переменные	β (бета-коэффициент)	t-критерий	Уровень значимости (p)
Когнитивные компетенции	-0,32	-5,74	$\leq 0,001$
Эмоциональные компетенции	-0,38	-6,89	$\leq 0,001$
Технические и цифровые компетенции	-0,29	-5,02	$\leq 0,001$
Примечание: зависимые переменные – общий показатель киберагрессии и интернет-зависимости.			

что информационно-психологическая безопасность выступает значимым предиктором конструктивного коммуникативного поведения в цифровой среде. Разработанный и апробированный опросник позволяет осуществлять комплексную диагностику уровня цифровой компетентности и информационно-психологической устойчивости индивидов, выявлять риски деструктивного цифрового поведения и предлагать конкретные рекомендации по их профилактике и коррекции.

Среди значимых достоинств разработанного инструмента можно выделить следующие:

1. Комплексный характер – интегрируются когнитивные, эмоциональные, технические и поведенческие компоненты цифрового поведения;
2. Теоретико-эмпирическая обоснованность – структура опросника подтверждена посредством факторного анализа.
3. Оптимальный объем – инструмент состоит из 16 утверждений, что обеспечивает удобство и экономию времени при проведении диагностики;

4. Доступность формулировок – утверждения сформулированы понятно и однозначно, что делает опросник пригодным для использования среди различных групп, включая подростков и студентов;
5. Практическая направленность – позволяет выявлять риски, связанные с киберагрессией, интернет-зависимостью и недостаточным уровнем цифровой компетентности;
6. Адаптивность – методика обладает потенциалом для модификации и дополнения в зависимости от целей исследования и особенностей социокультурного контекста применения.

В дальнейшем планируется регулярно дополнять и корректировать опросник с учетом изменения цифровой среды и новых вызовов, связанных с развитием информационных технологий. Дополнительно в будущих исследованиях будет включен межкультурный аспект, что позволит расширить понимание особенностей цифрового поведения в различных социокультурных контекстах.

Приложение

Структура авторского исследовательского опросника «Шкала цифровой безопасности и коммуникативного поведения»
Авторский исследовательский опросник включает четыре блока, охватывающих ключевые аспекты информационно-психологической безопасности и цифровых компетенций.

Инструкция:

Уважаемый(ая) участник(ца),

Перед вами находится опросник, направленный на изучение особенностей вашего поведения, восприятия и взаимодействия в цифровой среде. Он включает утверждения, касающиеся оценки информации в интернете, эмоционального самоконтроля, цифровой грамотности и особенностей интернет-коммуникации.

Пожалуйста, внимательно прочитайте каждое утверждение и выберите степень согласия с ним по следующей шкале:

1. – Полностью не согласен
2. – Скорее не согласен
3. – Затрудняюсь ответить / Нейтрально
4. – Скорее согласен
5. – Полностью согласен

Опрос анонимный. Ответов, которые можно считать «правильными» или «неправильными», не существует. Важно, чтобы вы отвечали честно и опирались на свой личный опыт.

Благодарим за участие!

Бланк ответов

	1 – полностью не согласен	2 – скорее не согласен	3 – трудно сказать	4 – скорее согласен	5 – полностью согласен
I. Когнитивные компетенции					
Я критически оцениваю достоверность информации в интернете.					
Я проверяю источники информации перед ее использованием.					
Я легко выявляю ложные новости и фейки.					
Я сравниваю информацию из разных источников перед принятием решений.					
II. Эмоциональные компетенции					

	1 – полностью не согласен	2 – скорее не согласен	3 – трудно сказать	4 – скорее согласен	5 – полностью согласен
Я умею контролировать свои эмоции во время общения в интернете.					
Я редко поддаюсь эмоциям во время конфликтных ситуаций онлайн.					
Я способен понять эмоциональное состояние собеседника по текстовым сообщениям.					
Я чувствую себя уверенно, общаясь с					
III. Технические и цифровые компетенции					
Я использую антивирусные программы и другие средства защиты.					
Я регулярно обновляю программное обеспечение на своих устройствах.					
Я знаю, как защитить свои личные данные в интернете.					
Я свободно ориентируюсь в настройках безопасности интернет-приложений.					
IV. Поведенческие аспекты					
Я часто испытываю раздражение при использовании интернета.					
Мне сложно контролировать время, проведенное в интернете.					
Я часто участвую в онлайн-конфликтах и спорах.					
Я испытываю дискомфорт, если у меня нет возможности выйти в интернет.					

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина С.С. Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики // Вестник КемГУ, 2021. Т. 23. № 1. С. 113-122.
2. Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. №1. С. 36-49.
3. Герасимова А.А. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника / А.А. Герасимова, А.Б. Холмогорова // Консультативная психология и психотерапия, 2018. Т. 26. №3. С. 56-79.
4. Е.Л. Луценко. Адаптация теста критического мышления Л. Старки // Вісник Харківського національного університету. Серія: Психологія, 2014. №1110. С. 65-70.
5. Жичкина А.Е. О возможностях психологических исследований в сети в Интернете // Психологический журнал. 2000. №2. Т. 21. С. 75-78.
6. Лучинкина И.С. Когнитивные механизмы коммуникативного поведения в Интернет-пространстве // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2018. Т. 4. №3. С. 56-70.
7. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям. 2009. С. 264-278.
8. Регуш Л.А. Индекс погруженности в интернет-среду: стандартизация методики / Л.А. Регуш, Е.В. Алексеева, О.Р. Веретина, А.В. Орлова, Ю.С. Пежемская // Психолого-педагогические исследования, 2021. №3. С.31-50.
9. Синяева А.Ю. Цифровые компетенции педагога в современном образовании // Педагогика. 2022. №1. С. 205-210.
10. Солдатова Г.У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. №3. С. 431-450.
11. Токтарова В.И. Цифровая грамотность: понятие, компоненты и оценка / В.И. Токтарова, О.В. Ребко // Вестника Марийского государственного университета. 2021. № 15. С. 165-177.
12. Тончева А.В. Диагностика киберкоммуникативной зависимости // Вестник евразийской науки. 2012. №4. С. 138-142.
13. Юрьева Л.Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография / Л.Н. Юрьева, Т.Ю. Бельбот. Днепропетровск: Пороги, 2006.-196 с.
14. Lauren Starkey. Critical Thinking Skills Success in 20 Minutes a Day. LearningExpress, 2004. 169 p.

© Щелин Игорь Владимирович (igor.shchelin@mail.ru), Петроченко Ирина Алексеевна (Irina-Petrochenko22@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧИМОСТЬ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГРАМОТНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

THE IMPORTANCE OF CRITICAL THINKING IN THE PROCESS OF FORMING INFORMATION LITERACY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

**O. Ponomarenko
N. Garkol**

Summary: In the context of the development of the information society, critical thinking has become a key component of information literacy, ensuring the effectiveness of all stages of information processing: acquisition, evaluation, and application. The article examines the levels of critical thinking: empirical, theoretical, and meta-theoretical, as well as their role in the information processing process. Special attention is paid to the classification of information sources (primary, secondary, and tertiary) and the importance of a critical approach in selecting, analyzing, and using information. It is shown that only through conscious and reflective work with information can it be transformed into knowledge that is personally meaningful to the subject. The development of critical thinking is a necessary condition for the development of the information culture of modern people.

Keywords: critical thinking, information literacy, levels of critical thinking, sources of information, and information processing.

Пономаренко Ольга Павловна

*К.ф.н. доцент, ФГБОУ ВО Алтайский государственный
педагогический университет
o.ponomarenko2018@mail.ru*

Гарколь Наталья Станиславовна

*К.т.н. доцент, ФГБОУ ВО Алтайский государственный
педагогический университет
n_garkol@mail.ru*

Аннотация: В условиях развития информационного общества критическое мышление становится ключевым компонентом информационной грамотности, обеспечивая эффективность всех этапов работы с информацией: её получением, оценкой и применением. В статье рассматриваются уровни критического мышления: эмпирический, теоретический и метатеоретический, а также их роль в процессе информационной деятельности. Особое внимание уделено классификации источников информации (первичные, вторичные, третичные) и значению критического подхода при выборе, анализе и использовании информации. Показано, что только через осознанную и рефлексивную работу с информацией она может быть преобразована в знание, лично значимое для субъекта. Формирование критического мышления является необходимым условием развития информационной культуры современного человека.

Ключевые слова: критическое мышление, информационная грамотность, уровни критического мышления, источники информации, обработка информации.

С быстрым развитием прогресса информационных технологий существенно изменяется и общество, увеличиваются объёмы медийного пространства в жизни современного человека. С одной стороны, это способствует расширению возможности для коммуникации, а с другой — становится сложнее справляться с огромными потоками информации, труднее ориентироваться среди большого количества сообщений и других данных. В условиях цифровой эпохи формирование критического мышления и информационной грамотности становится необходимым условием успешной социализации, профессиональной самореализации и плодотворного взаимодействия индивида с окружающим миром. Для проверки достоверности и качества информации требуется более тщательный её анализ, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Существуют разнообразные варианты определения «информации», существенно зависящие от контекста, в котором используется понятие «информация». В широком смысле под «информацией» понимаются любые данные, факты, сигналы, воспринимаемые субъектом

и имеющие определенный смысл. Это может быть новость, сообщение, инструкция, документ, научная статья и т.п. Сама по себе информация не обязательно связана с пониманием или применением — она просто существует независимо от восприятия и трактовки.

В философском аспекте информация трактуется как всеобщее свойство (атрибут) любой материи, связанное с передачей, отражением разнообразия в любых объектах и процессах, в науках о жизни — как свойство материи живой, более того, как основа жизни (например, «генетическая информация»). Важно отметить значение информации, которое отражает отношение человека к жизни и обществу. В этом случае информацией выступает любое сообщение, передаваемое людьми посредством устных, письменных, технических, изобразительных или других средств.

В контексте философского осмысления фиксируется такое свойство информации, как материалоемкость, интенсивность использования ресурсов, потенциальная возможность изменяться и увеличиваться, развиваться.

По мнению философа А.Д. Урсула, информация «присуща как материальному, так и идеальному. Она применима и к характеристике материи, и к характеристике сознания. Если объективная (и потенциальная для субъекта) информация может считаться свойством материи, то идеальная, субъективная информация есть отражение объективной, материальной информации» [1, с. 229]. В данном определении подчеркивается универсальное свойство информации. Другое определение означает, что всякая информация является знанием лишь в потенции, «инструментом знания», но не всякая информация действительно становится знанием. Установление соотношения между понятиями «информация» и «знание» имеет самостоятельную ценность, особенно в контексте процесса обучения. Информация становится знанием лишь тогда, когда человек её «структурировал, осмыслил и способен использовать в процессе решения каких-либо задач» [2, с. 9].

Информация становится знанием благодаря процессу осмысления, анализа и интеграции новых сведений в существующую систему представлений. После получения новой информации (факты, идеи или наблюдения) мозг обрабатывает её, сопоставляет с предыдущими знаниями и опытом, выявляя связи и закономерности. Если новая информация подтверждает ранее известные концепции или дополняет их, она усваивается и преобразуется в знания. Таким образом, знание представляет собой структурированную совокупность проверенных фактов и понятий, приобретённых человеком посредством опыта, изучения и размышлений. «Информация определяет объем знаков (единиц), которые могут восприниматься (усваиваются) системой. Упорядочивание информации преобразует ее в знание, наделяет эти знаки содержанием» [3, с. 67]. Процесс превращения информации в знание требует от человека информационной грамотности. Знание формируется из информации путем осмысленного восприятия, анализа и включения полученных данных в имеющуюся картину мира. Новые сведения подтверждают существующие представления либо расширяют их, они интегрируются и становятся частью знаний. Следовательно, знание — это организованная система подтвержденных фактов и идей, приобретенных индивидом в результате жизненного опыта, учебы и размышлений. По мере увеличения объема информации она способна превратиться либо в набор разрозненных и непонятных данных, либо стать значимым знанием, если механизмы обработки информации работают качественно. Именно поэтому особую важность приобретает концепция информационной грамотности как ключевого качества современного человека, функционирующего в условиях информационного общества. Н.И. Гендина подчеркивает, что «информационно грамотный человек способен выявлять, размещать, оценивать информацию и наиболее грамотно её использовать» [4]. Информационная грамотность подразумевает наличие набора навыков, позво-

ляющих получать, понимать, оценивать, адаптировать, создавать, хранить и представлять информацию, необходимую для решения задач и принятия решений. Это лаконичное описание требует дополнительного раскрытия, поскольку каждая стадия взаимодействия с информацией играет важную роль.

Обычно выделяются следующие этапы информационной грамотности:

1. Стадия сбора информации. Здесь субъект определяет, какую именно информацию ищет, выбирает подходящие источники и осуществляет поиск нужной информации.
2. Оценочный этап. Человек извлекает найденную информацию, производит отбор, проводит аналитику, объединяет фрагменты, делает выводы и интерпретирует полученные данные.
3. Использование полученной информации. Субъект применяет извлеченную информацию (возможно, создает на её основе собственные знания), передает и употребляет её согласно правовым нормам и моральным принципам.

Рассмотрение функций критического мышления на каждом из указанных этапов работы с информацией показывает мыслительную деятельность как особый вид интеллектуальной активности человека.

Осознание значимости критического мышления как инструмента познания вообще и информационных процессов в частности, полезно обратиться к статье В.Н. Брюшкина «Критическое мышление и аргументация», где автор выделяет компоненты критического мышления. «Критическое мышление – последовательность умственных действий, направленных на проверку высказываний или систем высказываний с целью выяснения их несоответствия принимаемым фактам, нормам или ценностям. ...Существуют уровни критического мышления, для каждого из которых есть свой вид аргументации, характеризующийся различными соотношениями логической и когнитивной компоненты: эмпирический уровень – критическая проверка фактов; теоретический уровень – критическая проверка теорий; метатеоретический уровень критических ценностей» [5, с. 30]. Из приведённого описания следует, что эти уровни, в первую очередь, реализуются в процессе научного познания, но они вполне применимы и в приложении к каждому этапу информационной деятельности.

В образовательных технологиях принято выделять три вида источников информации: первичные, вторичные и третичные [6]. Первичные источники — это оригинальные материалы, предоставляющие данные без какого-либо анализа или пересказа. Они различаются в зависимости от области поиска и могут включать отчетные доклады исследователей, журнал лабораторных экспериментов, оригинальные предметы искусства, фо-

тоизображения, патенты, частные дневниковые записи, личную корреспонденцию, государственные постановления и законы и т.п.

Чаще всего оптимальным выбором считаются именно первичные источники, обеспечивающие наибольшую достоверность. Но зачастую они бывают сложны для понимания непрофессионалами или ограничены в доступности широкой аудитории. Тогда используют вторичные источники, где информация из первых рук подвергается обработке, разбору и объединению (например, сообщения на ресурсах научно-исследовательских центров, научная литература, журнальные статьи, информационные базы). Стоит учитывать, что вторичные источники могут содержать информацию ничуть не менее точную и заслуживающую доверия, нежели первичная. Особенности доверия вызывают научные журналы, прошедшие независимую экспертизу экспертов, которые допускают публикацию статей только после положительной рецензии специалистов соответствующего профиля. Значимым индикатором качественной информации служит так называемый импакт-фактор журнала, показывающий популярность и востребованность его публикаций.

Сейчас широко используются вторичные источники в форме мета-анализов — специально разработанных обзоров результатов исследований, выполненных в рамках жестких методик и включающих статистическую обработку данных, содержащихся в различных исследованиях [7].

Третичные источники аккумулируют отобранную и обработанную информацию из первичных и вторичных источников (конспекты, учебные руководства, толковые словари, энциклопедии и прочие материалы). Выбирая подобные источники, важно учитывать опытность автора компиляции и надежность используемых им базового материала.

Итак, на начальном этапе работы с информацией необходимо критически подходить к подбору источников, находя разумный компромисс между простотой доступа и уровнем доверия к изложенным данным. Следующим шагом идет оценка качества информации, где главным помощником выступает критическое мышление, способствующее проверке достоверности полученных сведений, сравнению данных из разных источников, формированию общей картины, интерпретации их в контексте имеющихся знаний и принятию решения о необходимости дальнейшего поиска информации. Заключительная фаза связана с применением подобранной и проработанной информации для практических целей.

Вторичные источники могут обладать не меньшей степенью авторитетности и объективности, чем первичные. Одним из важных видов надежных вторичных источников выступают рецензируемые научные журналы, публикующие статьи исключительно после прохожде-

ния процедуры позитивного отзыва, проведенного экспертами соответствующей предметной области. Помимо этого, высоким качеством информации характеризуется показатель цитируемости издания — так называемый импакт-фактор, отображающий количество ссылок на опубликованные в журнале статьи.

Современной тенденцией стало широкое использование в качестве надежного вторичного ресурса мета-анализов. Под ними подразумевают систематизированный обзор результатов исследований в заданной области, выполненный с соблюдением строгой методологии и включающий статистическую оценку представленных данных [7].

Что касается третичных источников, то они представляют собой компиляции первичной и вторичной информации в виде рефератов, учебных пособий, справочников, энциклопедий и иных аналогичных изданий. Выбор третичных источников предполагает учет квалификации авторов компиляции, а также степени надежности первичных и вторичных материалов, послуживших основой для формирования данного источника.

Первый этап информационной деятельности заключается в критичном подходе к выбору источников с целью соблюдения баланса между их доступностью и надежностью содержащейся в них информации. Второй этап предусматривает проведение оценки качества информации, при которой основное значение приобретает применение методов критического мышления, позволяющих верифицировать достоверность информации, проводить сравнение данных из различных источников, интегрировать их в общую концепцию, интерпретировать в контексте предшествующих знаний и устанавливать потребность в дополнительном изучении вопроса.

Заключительный этап процесса представляет собой реализацию найденной и обработанной информации в целях решения прикладных задач или устранения возникших проблем. Этот этап требует умения разрабатывать логически обоснованные структуры выводов, соответствующие имеющимся данным. При этом активно задействуются все составляющие критического мышления, включая готовность пересмотреть собственную точку зрения при столкновении с новыми убедительными аргументами, опровергающими предыдущие взгляды. На данном этапе информация переходит в категорию знания, если субъект проявляет интерес именно к данному аспекту и намерен воспользоваться этими знаниями в практической деятельности. В противном случае информация остается простой регистрацией фактов, не становясь предметом личного усвоения.

В современных условиях в ряде областей важными вторичными источниками служат мета-анализы, представля-

ющие собой систематизированные обзоры результатов исследований в определенной области, выполненные в строгом соответствии с установленной методологией и включающие статистический анализ данных рассмотренных исследований [7]. Третичные источники содержат выборочно собранные и интегрированные данные из первичных и вторичных источников (резюме, учебники, глоссарии, энциклопедии и пр.). Выбор третичного источника предполагает оценку квалификации автора компиляции, а также степени надежности задействованных им первичных и вторичных источников.

Следовательно, на начальной фазе информационной деятельности необходимо проявлять высокий уровень критичности при подборе источников, стремясь достичь оптимального баланса между легкостью доступа к источнику и степенью уверенности в достоверности представленных в нем сведений. Вторая фаза характеризуется оценкой качества информации, где центральную роль играет критическое мышление, обеспечивающее возможность верификации достоверности полученных данных, осуществления межисточниковых сравнений, синтеза данных в цельную концепцию, интерпретации их в контексте существующих знаний и выявления необходимости привлечения дополнительной информации. Третья фаза предусматривает применение найденной и обработанной информации для практической реализации конкретных задач или решений. На данном этапе требуется способность выстраивать обоснованные структуры выводов, соответствующие имеющимся сведениям, задействуя весь спектр аспектов критического мышления, включая готовность пересмотреть собственную точку зрения при столкновении с новыми, доказанными данными, противоречащими предыдущей позиции. Данный процесс позволяет перевести информацию в разряд личного знания субъекта, что возможно при условии личной

вовлеченности и намерения применить данное знание на практике. В противном случае информация остается нейтральной, зафиксированной, но не трансформировавшейся в индивидуальное знание. Финальным этапом информационной деятельности является реализация найденной и обработанной информации для эффективного решения прикладных задач и проблем, предполагающая формирование логически аргументированного вывода, адекватного полученным результатам.

Завершающим этапом информационной деятельности является применение полученной и обработанной информации для решения практических задач или проблем. На этом этапе требуется умение разработать логически обоснованную структуру выводов, соответствующих полученным данным. Задействуются все аспекты критического мышления, включая готовность пересматривать собственные позиции при наличии новой, достоверной информации, противоречащей ранее принятым взглядам. Информация становится знанием лишь в том случае, если она была осмыслена, структурирована и используется субъектом в личностно значимой деятельности. В противном случае информация остаётся просто зафиксированными сведениями, не нашедшими применения в практике.

Таким образом, критическое мышление представляет собой ядро информационной грамотности, обеспечивая адекватность и эффективность всех этапов информационной деятельности на каждом её этапе осмысления и применения. Эти компетенции позволяют человеку эффективно ориентироваться в информационном пространстве, оценивать надежность источников, избегать манипуляций и дезинформации, самостоятельно анализировать и интерпретировать информацию, формируя собственные обоснованные выводы и решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урсул А.Д. Природа информации: философский очерк. — Челябинск, 2010. — 231 с.
2. Костромина С. Н. Информация и знание: подходы к пониманию процессов усвоения информации и формированию знаний в обучении // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2015. — № 2. — С. 5–14.
3. Пономаренко О.П., Гарколь Н.С. Социально-философский анализ синергетических процессов современных информационных систем // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. — 2025. — №02. — С. 66–69
4. Гендина, Н.И. Информационная грамотность и информационная культура личности: международный и российский подходы к решению проблемы // Открытое образование. — 2007. — № 5. — С. 58–69.
5. Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация / Под ред. В.Н. Брюшинкина, В.И. Маркина. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003 — С.29–34.
6. Туоминен С., Котилайнен С., Лундвалл А., Лаакконен М. Педагогические аспекты формирования медийной и информационной грамотности. Учебник. М.: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2012. — 140 с.
7. Лукина Ю.В., Марцевич С.Ю., Кутишенко Н.П. Систематический отбор и мета-анализ: подводные камни методов // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. — 2016. Т. 12, № 2. — С. 180–185.

© Пономаренко Ольга Павловна (o.ponomarenko2018@mail.ru), Гарколь Наталья Станиславовна (n_garkol@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫК - ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

LANGUAGE AS A FACTOR OF ETHNIC IDENTITY IN INTERLINGUAL INTERACTION: CULTURAL-PHILOSOPHICAL ASPECT

V. Skopa
A. Zimenkin

Summary: The cultural-philosophical approach to language reveals its deep essence as a keeper of collective memory and traditions. Each language forms a special picture of the world, where lexical and grammatical constructions reflect the national mentality and specific perception of reality. Language is a complex socio-cultural system that reflects the uniqueness of the worldview and self-identification of an ethnic group. Interlingual interaction creates a unique space for cultural dialogue, where language acts not only as a tool for transmitting information, but also as a way of representing ethnic identity. Globalization processes complicate, but do not neutralize linguistic identity. Language is a fundamental factor of ethnic identity, which provides not only a communicative, but also an ontological function of self-determination of social groups in a global cultural context.

Keywords: ontology of language, ethnic identity, interlingual interaction, philosophy, communication, cultural code.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Зименкин Александр Сергеевич

Преподаватель, Алтайский государственный
университет (г. Барнаул)

Аннотация: Культурфилософский подход к языку раскрывает его глубинную сущность как хранителя коллективной памяти и традиций. Каждый язык формирует особую картину мира, где лексические и грамматические конструкции отражают национальный менталитет и специфику восприятия реальности. Язык является сложной социокультурной системой, которая отражает уникальность мировоззрения и самоидентификации этноса. Межъязыковое взаимодействие создает уникальное пространство культурного диалога, где язык выступает не только инструментом передачи информации, но и способом репрезентации этнической самобытности. Процессы глобализации усложняют, но не нивелируют языковую идентичность. Язык является фундаментальным фактором этнической идентичности, который обеспечивает не только коммуникативную, но и онтологическую функцию самоопределения социальных групп в глобальном культурном контексте.

Ключевые слова: онтология языка, этническая идентичность, межъязыковое взаимодействие, философия, коммуникация, культурный код.

Язык представляет собой сложную социокультурную систему, которая выступает не только средством коммуникации, но и ключевым механизмом формирования и поддержания этнической идентичности. В контексте межъязыкового взаимодействия роль языка становится особенно значимой. Когда люди взаимодействуют на разных языках, язык становится не просто инструментом для общения, а значимой связующей нитью, которая пронизывает этнические границы и выявляет общие черты между народами [2, 4, 8]. В таких ситуациях язык способен либо углубить взаимопонимание, либо, наоборот, стать причиной недопонимания. Таким образом, роль языка в межъязыковой коммуникации выходит за рамки простой передачи сообщений. Он выступает в качестве своеобразного отражения этнической самобытности и культурных особенностей, способствуя или препятствуя взаимодействию между различными этническими группами [9].

Язык – это не просто инструмент общения, а организм, который отражает самобытность народа, его культурный код и мировоззрение. В контексте межъязыко-

вой коммуникации он выступает средством передачи информации и глубинным механизмом формирования этнической идентичности.

Каждый язык представляет собой уникальную призму, через которую представители того или иного этноса воспринимают и интерпретируют окружающую реальность. Лексические конструкции, грамматические особенности и стилистические нюансы несут в себе многовековую мудрость народа, его исторический опыт и ментальные особенности.

При межкультурном взаимодействии язык становится своего рода игрой между различными этническими группами, позволяя не только обмениваться информацией, но и глубже понимать друг друга. Он раскрывает культурные коды, национальные архетипы и специфику мышления каждого сообщества [11]. Лингвистическое разнообразие – это не барьер, а богатство человеческой цивилизации, которое позволяет сохранять уникальность каждой этнической общности и одновременно создавать межкультурный диалог.

В современном глобализированном мире язык представляет собой не просто средство коммуникации, а сложную знаковую систему, которая отражает менталитет этноса. Через язык передаются культурные традиции; исторический опыт народа; мировоззренческие установки; национальные архетипы.

Культурфилософский подход к изучению языка раскрывает его многофункциональную природу. В данном контексте уместно остановиться на онтологическом и гносеологическом аспектах языка.

1. Онтологический аспект включает в себя следующие дефиниции:

- язык – способ бытия этноса;
- репрезентация культурного кода;
- трансляция мировоззренческих установок.

Язык – это не набор слов, а живая природа, которая вбирает в себя глубинные пласты национального самосознания. Философ Мартин Хайдеггер метко подметил: «Язык – это убежище человеческого духа», где каждое слово является отпечатком коллективной памяти и мировосприятия [10, С. 85].

Каждый язык – это уникальный код, который расшифровывает культурный генотип народа. Он формируется не только звуками и грамматикой, но и особым мировоззренческим контекстом. Попытки унифицировать языки подобны покушению на культурный геном – это разрушение самобытности и многогранности человеческого опыта [11]. Языковое разнообразие – это не просто различие в коммуникативных системах, а целые миры со своими философскими горизонтами. Как справедливо отмечал Ю. Лотман, невозможно создать универсальный идеальный язык. Истинное богатство заключается в сосуществовании множества языковых систем, каждая из которых по-своему интерпретирует реальность [7].

Язык можно определить, как живой посредник между человеком и универсумом, стремящийся установить тонкую коммуникацию для раскрытия глубинных смыслов бытия. Философы экзистенциального направления, прежде всего Хайдеггер, определяли этот процесс как интимный диалог между лингвистической материей и онтологической реальностью [10]. Коммуникативная субстанция языка выступает ключевым инструментом сохранения этнической идентичности и познания экзистенциальных горизонтов. Речь идет не просто о наборе знаков, а механизме проявления сущностных характеристик мироздания, способе визуализации невидимого.

Языковая реальность настолько многогранна, что каждое слово – это не просто номинация, а целый универсум смыслов. Исчезновение языка означает деконструкцию культурного кода, утрату первичных архетипических матриц восприятия реальности [3].

Парадоксальность языка заключается в его одновременной динамичности и статичности. Он существует как самодостаточная система, но нуждается в человеке как проводнике своей экспрессии. Каждый этнический язык – это уникальная призма мировосприятия, которую невозможно унифицировать без потери аутентичности [5]. Принципиально важно сохранять лингвистическое разнообразие как способ альтернативного мышления, выходящего за рамки европоцентристской картины мира. Язык – не только средство коммуникации, но и глубокий код культурной памяти. В свою очередь лингвистическая материя – это не просто набор слов, а живой организм, который одновременно называет предмет и раскрывает его сокровенную суть. Каждый этнос имеет свой уникальный мировоззренческий код, который зашифрован в языковых конструкциях. Исчезновение языка означает утрату первоначального.

Язык – это таинственный медиатор бытия, который говорит метафорами и явлениями, порой оставаясь неподвижным. Один из самых известных отечественных исследователей философии языка В. В. Библихин считал, что в языке уже все существует, весь мир заключен в языке. Чтобы язык смог его выразить, мы не должны ему мешать. Но в то же время для языка нужен человек, чтобы явить себя и раскрыть миру [1, С. 80]. Согласно В. Гумбольдту, «в каждом языке заложено самобытное мирозерцание» [5, С. 89]. Поэтому нельзя объединить в один язык множество самобытных языков. Так, Россия – многонациональная страна, она старается сохранить культуру каждого народа, проживающего на её территории, и быть оплотом единства как культурного, так и духовного. Достоевский видел Россию «стремящейся к совершенно духовному единению людей» [6]. Без такого единения и понимания проблемы каждого этноса, нации, народа мы станем лишь этнографическим материалом. Сохранение языкового разнообразия – это не просто академический интерес, а вопрос культурной безопасности и идентичности.

Язык является одним из ключевых факторов, определяющих этническую общность и играющих ключевую роль в межкультурной коммуникации. Он выступает не просто средством общения, но и глубинным механизмом сохранения культурной идентичности.

В процессе межкультурного взаимодействия язык выполняет несколько важнейших функций:

1. коммуникативную – обеспечивает взаимопонимание между представителями различных этнических групп;
2. идентификационную – маркирует принадлежность индивида к определенной этнической общности;
3. трансляционную – передает культурные коды, традиции, менталитет от поколения к поколению.

Лингвистические особенности любого языка отражают национальный менталитет, систему ценностей и мировоззрение этноса. Специфические языковые конструкции, идиомы, метафоры несут уникальную культурную информацию. В межкультурной коммуникации различия в языковых картинах мира могут становиться источником как взаимного обогащения, так и потенциальных коммуникативных барьеров, препятствий. Глубокое понимание лингвокультурных особенностей – ключ к успешному межкультурному диалогу.

2. Гносеологический аспект возможно раскрыть посредством:

- познания мира через языковые конструкции;
- формирования картины мира;
- интерпретации социальной реальности.

Проблема соотношения языка и мышления остается актуальной для философии на протяжении уже двух с половиной тысяч лет. Феномен человека – в противоречивом нахождении на границе двух миров: духовного и физического. А в рамках человеческой реальности началом, объединяющим эти два мира, выступает язык. Он является, по определению П. Флоренского, «мостиком» между реальным и идеальным в человеке, а потому вопрос о природе языка, о выполняемых им функциях – это и вопрос о сущности человека [9].

Лингвистическая материя как зеркало познавательных процессов человеческого разума представляет собой сложную многоуровневую систему трансляции смыслов и конструирования реальности. Язык выступает не просто инструментом коммуникации, но и когнитивным механизмом интерпретации окружающего мира. Познавательная функция языка раскрывается через его способность фиксировать ментальный опыт; структурировать концептуальные модели восприятия; кодировать информационные паттерны; формировать картину мира индивида и социума.

Семантические конструкции языка выступают своеобразными матрицами мышления, где каждое слово – это не просто знак, а концентрированный смысловой код культурной и индивидуальной реальности. Через лингвистические формы происходит непрерывный процесс концептуализации человеческого опыта. Гносеологический потенциал языка раскрывается в диалектическом взаимодействии мышления, речи и реальности [4].

Познавательная функция языка реализуется через несколько ключевых механизмов:

1. Категоризация действительности. Язык структурирует реальность, создавая понятийные конструкции и классификационные модели. Каждое слово является своеобразным концептуальным инструментом, который упорядочивает сенсорно-

перцептивный опыт человека.

2. Когнитивное моделирование. Языковые структуры формируют когнитивные схемы восприятия и интерпретации информации. Грамматические конструкции, лексические значения и синтаксические модели выступают матрицами мышления.
3. Культурная трансляция знаний. Язык выступает механизмом накопления и передачи социокультурного опыта между поколениями. Он сохраняет коллективную память и транслирует культурные коды.

Важным аспектом гносеологического измерения языка является его способность формировать картину мира. Различные лингвистические традиции по-разному концептуализируют реальность, что отражается в национальных языковых картинах мира [3, 11].

Языковая культура как система представлений, коммуникативных норм и ценностей выступает сложным гносеологическим феноменом. Она включает в себя когнитивные модели интерпретации реальности; аксиологические установки социума; коммуникативные стратегии и практики.

Межкультурные коммуникативные исследования демонстрируют, что языковая культура является не просто набором правил, а глубинной матрицей смыслополагания и миропонимания. Современная лингвофилософия рассматривает язык как активного посредника между субъектом и объективной реальностью. Гносеологический подход позволяет раскрыть механизмы конструирования знания через языковые практики.

Рассматривая язык как фактор этнической идентичности в межкультурном взаимодействии в культурфилософском аспекте, важным представляется рассмотреть механизмы влияния языка на этническую идентичность.

Язык выступает многоуровневым инструментом этнической самоидентификации, где можно выделить:

1. когнитивный уровень, который включает в себя формирование ментальных моделей; конструирование культурных смыслов и категоризацию социального опыта;
2. коммуникативный уровень обеспечивает внутригрупповое взаимодействие, маркирует этническую принадлежность и создает символическое пространство общности;
3. аксиологический уровень транслирует культурные ценности, сохраняет традиции и поддерживает историческую преемственность.

Современные глобализационные процессы создают принципиально новые условия межкультурного взаимодействия. Происходит размывание языковых границ, появляются гибридные формы коммуникации, идет транс-

формация традиционных языковых практик.

В современной действительности к ключевым характеристикам языковой идентичности можно отнести динамичность; контекстуальность; множественность интерпретаций. Язык является динамической системой, которая постоянно трансформируется под влиянием социальных процессов. Его изменения отражают эволюцию этнической общности, ее открытость или закрытость внешним влияниям [2].

В контексте межкультурной коммуникации языковые различия становятся индикатором не только лингвистической, но и социокультурной дистанции между общностями. Каждый язык репрезентирует особый когнитивный ландшафт, формирующий специфическую картину мира и модели социальной перцепции [2, 5]. Этническая общность через призму языка проявляется как сложноорганизованная система культурных кодов, где

вербальные практики выступают маркером групповой идентичности и механизмом поддержания коллективной солидарности.

Таким образом, язык является сложным социокультурным феноменом, который обеспечивает сохранение этнической целостности, трансляцию культурного опыта и является основой для конструирования идентичности. Гносеологический аспект языка и языковой культуры представляет собой многоуровневый процесс познания, категоризации и интерпретации реальности через знаковые системы человеческой коммуникации. Понимание глубинной сущности языка как социокультурного феномена является ключом к эффективной межкультурной коммуникации и межкультурному взаимодействию. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением трансформационных процессов в лингвопространстве в условиях глобальных социальных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибихин В.В. Язык философии. М., 2002. – 416 с.
2. Билалов М.И. Статус субъекта в познавательной культуре эпохи информационных технологий // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2021. Т. 36, вып. 4. – С. 107–112.
3. Васильев С.А. Категории мышления в языке и тексте // Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М.В. Попович. Киев: Наукова думка, 1980. – С. 66–116.
4. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. М.: Изд-во МГУ, 1989 – 239 с.
5. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Избранные труды по языкознанию / пер. Г.В. Рамишвили. М., 1984. – 400 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. – Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь–август / текст подгот. и примеч. сост. А.В. Архипова и др. – 470 с.
7. Лотман М.Ю. Семиосфера. СПб., 2010. – 602 с.
8. Макарова Е.Ю. Аксиологический подход к проблеме взаимосвязи культуры и языка // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Материалы региональной научной конференции Поволжья и Северо-Кавказского региона (19–21 апреля 2004 г.). Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. С. 425–429.
9. Пархоменко Е.В. Язык как «дом бытия»: от логоса к многослойности // Общество: философия, история, культура. 2016. № 8. – С. 42–44.
10. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления; пер. с нем. М., 1993. – 447 с.
11. Шепель Ю.А. Язык как фактор этнической общности в межкультурной коммуникации // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 26 (65). № 1 – С. 553–558.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Зименкин Александр Сергеевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ ДИНАМИКИ И РОЛЬ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Чиркова Екатерина Александровна

Ассистент, Пятигорский государственный университет

425257@mail.ru

PECULIARITIES OF VALUE DYNAMICS AND THE ROLE OF TRADITION IN MODERN RUSSIA

E. Chirkova

Summary: The article is devoted to the peculiarities of value dynamics and the role of tradition in modern Russia. Objective: to identify socio-cultural features of value dynamics and the role of tradition in modern Russia in the context of globalization of the modern world. Objectives: to define theoretical and methodological approaches to the study of the dynamics of values and traditions in the context of the cultural and historical uniqueness of Russia; to determine the content and essence of the concepts of «value» and «tradition»; to identify socio-cultural factors that determine the value dynamics and the role of tradition in modern Russia. It is concluded that tradition is one of the mechanisms for the accumulation and reproduction of values as elements of socio-cultural heritage. The traditionalist-conservative and subject-axiological approaches are productive, which allow us to determine the value status of tradition in the transmission of values significant for the subject and society. Modern Russia is in a state of value crisis. The axiological space of Russian society is formed by ambivalent values of the «Russian world», values of Russian ethnic groups and Western values. In critical periods of society's development, the value dynamics are characterized by metamorphoses, which are characterized by multidirectionality, chaos and nonlinearity of changes. The role of traditions in the value dynamics of modern Russia is to ensure the sustainability and continuity of social development.

Keywords: Russian society, values, traditions, value status of tradition, traditionalist-conservative approach, subject-axiological approach, basic Russian traditional values.

Аннотация: Статья посвящена особенностям ценностной динамики и роли традиции в современной России. Цель: выявить социокультурные особенности ценностной динамики и роли традиции в современной России в условиях глобализации современного мира. Задачи: определить теоретико-методологические подходы к исследованию динамики ценностей и традиций в контексте культурно-исторического своеобразия России; определить содержание и сущность понятий «ценности» и «традиции»; выявить социокультурные факторы, определяющие ценностную динамику и роль традиции в современной России. Сделан вывод, что традиция выступает одним из механизмов аккумуляции и воспроизводства ценностей как элементов социокультурного наследия. Продуктивными выступают традиционалистско-консервативный и субъектно-аксиологический подходы, которые позволяют определить ценностный статус традиции в трансляции значимых для субъекта и общества ценностей. Современная Россия находится в состоянии ценностного кризиса. Аксиологическое пространство российского общества сформировано амбивалентными ценностями «русского мира», ценностями российских этносов и западными ценностями. В критические периоды развития общества ценностная динамика отличается метаморфозами, для которых характерны разнонаправленность, хаотичность и нелинейность изменений. Роль традиций в ценностной динамике современной России заключается в обеспечении устойчивости и преемственности общественного развития.

Ключевые слова: российское общество, ценности, традиции, ценностный статус традиции, традиционалистско-консервативный подход, субъектно-аксиологический подход, базисные российские традиционные ценности.

Введение

В настоящее время проблема ценностей и традиций, их динамики в ходе трансформационных процессов общественного развития является одной из актуальных проблем социально-гуманитарных наук. Аксиологическая проблематика сегодня в познании социальных механизмов общественного развития становится в приоритете в силу значительной трансформации ценностной системы при переходе от постиндустриального к информационно-цифровому обществу, к обществу цифровой глобализации и технологизации, к обществу постмодерна, для которого характерны многослойность, многозначность и противоречивость ценностной системы, доминирование ценностей массовой культуры и девальвация традиционных духовно-нравственных цен-

ностей. Сегодня, как отмечают С.В. Перевезенцев, О.Е. Пучнина, А.Б. Страхов, А.А. Шакирова, «на фоне ускоряющихся темпов общественного развития, глобализации, виртуализации, роста экономической взаимозависимости в мировом масштабе вопросы ценностных доминант и ориентиров этих процессов выходят на первый план» [3, с. 115]. Ценностная проблематика актуализируется в связи с процессами глобализации, которые, как пишет Е.Ю. Шакирова, «следует рассматривать как существенный фактор, изменяющий развитие культур и их аксиологическое наполнение» [9, с. 126]. Внимания заслуживают вопросы трансформации ценностной системы российского общества, его культурного многообразия в эпоху постмодерна, в связи с чем исследование особенностей ценностной динамики и роли традиции в современной России становится актуальным в научном диспуте.

Цель исследования: выявить социокультурные особенности ценностной динамики и роли традиции в современной России в условиях глобализации современного мира. Задачи исследования:

- определить теоретико-методологические подходы к исследованию динамики ценностей и традиций в контексте культурно-исторического своеобразия России;
- определить содержание и сущность понятий «ценности» и «традиции»;
- выявить социокультурные факторы, определяющие ценностную динамику и роль традиции в современной России.

Результаты и обсуждение

Проблемы ценностной динамики и роли традиции в современной России требуют определения, во-первых, теоретико-методологических подходов, позволяющих раскрыть данные феномены в контексте культурно-исторического своеобразия России; во-вторых, раскрыть содержание понятий «ценности» и «традиции».

Вопросы об особенностях ценностной динамики и роли традиции в современной России необходимо рассматривать в русле российской духовно-исторической традиции, отражающей традиции, ценности и смыслы социокультурной сферы российского общества. Российская социально-онтологическая традиция, как пишет Г.А. Илларионов, «с одной стороны, не отказывается от традиционалистского универсализма, с другой – находится в плотном синтезе с российскими национальными, конфессиональными и идеологическими системами, что раскалывает его на множество фрагментов» [1, с. 76]. Аксиологическое пространство российского общества сформировано базисными российскими традиционными ценностями, которые, согласно С.В. Перевезенцеву, О.Е. Пучниной, А.Б. Страхову, А.А. Шакировой, определяются как «ценности, выработанные в результате многовекового исторического и духовно-политического развития российского народа в сложившихся природно-климатических, географических, конкретно-исторических, духовно-нравственных и социально-политических условиях, и являющиеся неперенным фактором формирования общенациональной и политической идентичности народа» [3, с. 123]. Ценностной основой российского социокультурного пространства, как пишет А.В. Теняков, «являются традиционные ценности государственности (патриотизм и монархизм), религиозности (православие и другие конфессии) и ценности справедливости (нравственность), семьи и некоторые другие» [5, с. 97]. Особенностью ценностного пространства России является приоритет нравственных ценностей над нормами права, что обусловлено значимой ролью православной культуры, ценностей морали и коллективизма [3; 5].

Внимания заслуживают вопросы о теоретико-методологических подходах к исследованию динамики ценностей и традиций в контексте культурно-исторического своеобразия России. Н.Р. Хупения выделяет две противоположные позиции – традиционализм и антитрадиционализм. С позиции традиционализма говорится о необходимости «сохранения традиции как важнейшего механизма воспроизводства привычных ценностных ориентиров» [8, с. 60]. Антитрадиционалисты, напротив, рассматривают традиции и лежащие в их основе ценностные детерминанты, как препятствия к социальному прогрессу. Аналогичную точку зрения находим у С.В. Перевезенцева, О.Е. Пучниной, А.Б. Страхова, А.А. Шакировой, которые при анализе аксиологической проблематики российского общества выделяют традиционалистско-консервативный и либеральный подходы [3]. Либеральная идеология, в основе которой лежат принципы универсализма и индивидуализма, провозглашающая приоритет индивидуального над общественным, в самой крайней форме нивелирует национальное, религиозное и культурное многообразие мира. Продуктивным для исследования традиционных российских ценностей, с точки зрения С.В. Перевезенцева, О.Е. Пучниной, А.Б. Страхова, А.А. Шакировой, выступает традиционалистско-консервативный подход, который «позволяет отразить и показать цивилизационную специфику России» [3, с. 125]. В отличие от либеральной идеологии, традиционалистско-консервативный подход признает приоритет традиционных форм общественно-политического развития над принципами универсализма, рассматривая традиции важнейшим источником развития общества. С этих позиций авторы делают вывод, что российское общество способно сохранить свое культурно-аксиологическое своеобразие в том случае, «если будет опираться на комплекс базисных ценностей, основанных на традиционных ценностях народов России, и вместе с тем вбирающих в себя все те положительные новшества, которые несет с собой социальный, информационный и технологический прогресс» [3, с. 117].

Для понимания ценностной динамики и роли традиции в современной России продуктивным, с нашей точки зрения, выступает субъектно-аксиологический подход к исследованию традиции в ценностном пространстве общества, предложенный Н.Р. Хупения [8]. Устойчивость общественного развития, как отмечает А.В. Теняков, «определяется традицией, то есть преемственностью опыта поколений, который передается через испытанный социокультурный механизм трансляции жизненно важного опыта» [5, с. 92]. Анализируя связь традиций и ценностей на уровне индивидуального сознания, Н.Р. Хупения говорит о значимости традиции «для сохранения/воспроизводства субъектом своих ценностных ориентаций» [6, с. 86], отмечая, что «чем выше значимость традиции в поддержании ценностных ориентаций субъекта, тем выше ее ценностный статус в его сознании» [8, с. 86]. Ценност-

ный статус традиции определяется как «значимость той или иной традиции для передачи накапливаемого опыта, сохранения и воспроизводства основополагающих для субъекта ценностных ориентаций из поколения в поколение» [8, с. 9]. Таким образом, «традиция, поддерживающая ценность на протяжении многих поколений, может сама приобрести статус ценности» [8, с. 86]. В традиционном обществе доминируют традиции с высоким ценностным статусом. Как пишет Н.Р. Хупения, в обществах, обладающих высокой связью традиций и ценностей, «ценностные ориентации возводятся в ранг сакральных и не подлежащих переосмыслению, а традиция выступает как эффективный инструмент их защиты и воспроизводства, снижения интенсивности кризисных проявлений, вызываемых социальными трансформациями» [8, с. 93].

Осмысление проблемы ценностной динамики и роли традиции в современной России предполагает анализ сущности понятий «ценности» и «традиция» в их взаимодействии и взаимосвязи как элементов аксиологического пространства российского общества. В этой связи данные понятия целесообразно, как заявлялось выше, рассматривать с позиции субъектно-аксиологического подхода, преимущество которого в возможности для объяснения ценностной динамики и традиции в исторической ретроспективе [8]. Традиция, являясь субстанцией духовной культуры российского общества, как пишет А.В. Ляхов, «обеспечивает преемственность между смыслами и ценностями, имеющими прежде всего этический характер» [2, с. 74]. Г.А. Илларионов добавляет, что «преемственность традиции между поколениями – это не передача неких сравнительно неизменных форм социального бытия, но критическое переосмысление последующими поколениями социального бытия поколений предшествующих» [1, с. 20].

Рассматривая традицию в ценностном аспекте, Н.Р. Хупения подчеркивает, что традиция «выступает важнейшей формой присутствия идеального, должного и нормативного в реальном мире» [8, с. 10]. Признавая связь традиции и ценностей, автор пишет, что традиция «выступает каналом для прохождения ценностей в сферу повседневности, закрепляет их в сознании индивидов и сообществ, передаваясь от поколения к поколению» [8, с. 10-11]. Традиция выступает как социокультурный механизм приобщения человека к культурно-историческому пространству общества посредством принятия культуры, мировоззрения и поведенческих практик, тем самым осуществляется преемственность с прошлыми поколениями, воспроизводится социокультурная идентичность. Информационные каналы трансляции ценностей посредством приобщения к традиции в процессе развития общества меняются от бесписьменной к письменной и далее к информационно-цифровым коммуникативным средствам передачи традиций в современном цифровом мире.

Внимания заслуживают вопросы о социокультурных факторах, которые определяют ценностную динамику и роль традиции в современной России. В стабильные и кризисные этапы общественного развития механизмы трансформаций ценностей различаются. Процесс трансформаций традиционных ценностей в стабильные периоды происходит линейно в то время, как в критические периоды развития общества, следует говорить о метаморфозах ценностной системы, характеризующихся разнонаправленностью, хаотичностью и нелинейностью изменений. В современных условиях развития общества трансформацию ценностных структур, согласно Е.Ю. Шакировой, следует называть метаморфозами, под которыми понимаются «стохастические и хаотичные разнонаправленные изменения, не имеющие общего основания» [9, с. 127].

Тектонические сдвиги в российском обществе, связанные с перестройкой и распадом Советского Союза, как пишет А.В. Теняков, «привели к новому общественному состоянию – аномии, новой ломке общественных норм и социальных традиций» [5, с. 103]. В российских реалиях постсоветского времени, как пишет Н.Р. Хупения, наблюдаются явления неотрадиционализма, отражающему ностальгию и идеализацию советского прошлого, идей и ценностей социализма и коммунизма [8]. Ценности современного мира, в том числе и современного российского общества, метаморфизуются под влиянием процессов глобализации, меняющих «социокультурное пространство, его строение и оказывающая серьезное влияние на аксиологическую сферу» [9, с. 127]. Как отмечает А.В. Теняков, в современном глобализирующемся мире общества постмодерна «нравственные нормы перестают играть роль укрепления социальности, как в традиционном обществе и обществе зрелого индустриализма» [5, с. 64]. В противовес процессу глобализации и засилья либеральных ценностей, в аксиологическом пространстве современной России появилось понятие «русского мира». Особенностью ценностных представлений о русском мире, согласно Н.В. Теплых, «является их восприятие как органичной духовной традиции исторической Руси-России» [7, с. 60]. Иерархия базисных духовных ценностей русского человека, как пишет автор, «самобытна благодаря преобладанию религиозных и общечеловеческих ценностей; при этом он не обладает в полной мере социальными свободами, но ему присуща великая воля к свободе внутренней, внутренняя свобода в сочетании с внешней приводят к анархии, бунту и вольнице в русском социуме» [6, с. 206]. В этих противоречиях заключаются негативные особенности аксиологического пространства современной России, к которым относятся нигилизм, девальвация традиционных ценностей, пассивность, что зачастую, согласно А.В. Ляхову, «имеют деструктивное влияние на развитие социокультурной реальности» [2, с. 74]. В современной России, как пишет А.В. Теняков, «ценности амбивалентны, возник

симбиоз российских и западных традиций как основных ценностей: с одной стороны, это традиционализм, православие и патриотизм, с другой – модернизация, утилитаризм и прагматизм» [5, с. 142]. Следует отметить, что в современной России, которая является страной полиэтнической и поликультурной, происходит трансформация ценностных основ культур этносов. Как пишет Г.В. Сёмина, «находясь в одном информационном поле с западными культурами, активно навязывающими свой образ жизни, нормы и ценности, этносы совершенно далеки от их принятия» [4, с. 16]. Далее автор подчеркивает, что устойчивость ценностей и традиций российских этносов заключается в их традиционном типе культуры, «в понимании значимости самоидентификации для них посредством основополагающих маркеров: традиций в религиозно-мифологических воззрениях и семиотических кодах символики, используемых в народных художественных промыслах» [4, с. 16].

Заключение

Традиция выступает одним из механизмов аккумуляции и воспроизводства ценностей как элементов

социокультурного наследия. Продуктивным для исследования особенности ценностной динамики и роли традиции в современной России являются традиционалистско-консервативный подход, который признает приоритет традиционных форм общественного развития; субъектно-аксиологический подход, который позволяет определить ценностный статус традиции в трансляции значимых для субъекта и общества ценностей. Современная Россия находится в состоянии ценностного кризиса. Аксиологическое пространство российского общества сформировано амбивалентными ценностями русского мира (традиционализм, православие и патриотизм, неотрадиционализм), ценностями культуры российских этносов и западными ценностями (утилитаризм и прагматизм). В стабильные периоды развития общества процесс трансформаций традиционных ценностей происходит линейно, в критические периоды ценностная динамика отличается метаморфозами, для которых характерны разнонаправленность, хаотичность и нелинейность изменений. Роль традиций в ценностной динамике современной России заключается в обеспечении устойчивости и преемственности общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Илларионов Г.А. Социально-философский анализ «традиционалистского проекта»: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. Красноярск, 2015. 151 с.
2. Ляхов А.В. Этическая диалектика традиций и инноваций в отечественной духовной культуре: этико-философский анализ: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.05. Иваново, 2022. 157 с.
3. Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского ун-та. 2021. Т. 27. № 4. С. 113-133.
4. Сёмина Г.В. Специфика культуры этноса: традиции и символика как маркеры самоидентификации: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 5.10.1. Ростов-на-Дону, 2023. 25 с.
5. Теняков А.В. Диалектика традиции и инновации в социокультурном пространстве современного российского общества: дис. ... кандидата философских наук: 5.7.7. Новочеркасск, 2023. 180 с.
6. Теплых Н.В. Соборность и патриотизм как ценности русского мира // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 3А. С. 202-208.
7. Теплых Н.В. Специфика идеи традиционализма «русского мира» в социальной философии России // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 1 (16). С. 50-67.
8. Хупения Н.Р. Ценностный статус традиции в период социальных трансформаций: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. М., 2019. 148 с.
9. Шакирова Е.Ю. Социокультурный фронт современности: результат аксиологических метаморфоз // Вестник ВГУ. 2020. № 2. С. 124-130.

© Чиркова Екатерина Александровна (425257@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Buzykanova E. – Graduate student, Lomonosov Moscow State University

Chirkova E. – Assistant, Pyatigorsk State University

Garkol N. – PhD, Associate Professor, Altai State Pedagogical University

Illarionova L. – DSc in Pedagogy, Russian State Social University, Moscow

Karelina N. – Senior Lecturer, Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow

Khoroshikh P. – Department of Clinical Psychology and Psychotherapy of the Adult Advisory Clinic "University Clinic" of the Medical Complex, Senior Lecturer of the Department of Psychology and Education of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University; Senior Lecturer of the Department of Psychology and Sociology of the Kherson Technical University

Kushalieva B. – Independent researcher

Kuznetsova Ya. – Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University

Lukicheva M. – Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinbourg

Lvova E. – Ph.D. in pedagogics, Saint-Petersburg State University of Culture

Malin D. – Graduate student, Moscow Institute of Psychoanalysis

Our authors

Oreshkov A. – postgraduate student at the State University of Education, Moscow

Ovsyanik O. – doctor of Psychological Sciences, Professor, State University of, Moscow

Panov D. – Saint-Petersburg State University of Culture

Petrochenko I. – Postgraduate Student, Tomsk State University

Ponomarenko O. – PhD, Associate Professor, Altai State Pedagogical University

Ryzhov K. – postgraduate student, Moscow University of Humanities and Technology-Moscow Institute of Architecture and Construction

Selezneva S. – Far Eastern Federal University, Vladivostok

Shchelin I. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Tomsk State University

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Zimenkin A. – Lecturer, Altai State University (Barnaul)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).